

СТАРОВОЙТЕНКО ЕЛЕНА БОРИСОВНА

КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

МОНОГРАФИЯ

Издательство «Академический проект»

Москва - 2007

Работа выполнена при поддержке индивидуальных исследовательских грантов 2005 и 2006 г. г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (номера грантов 05 – 01 – 0030 и 06 – 01 – 0055)

АННОТАЦИЯ

Данная книга продолжает цикл работ автора, посвященных психологическим новациям. Она содержит обоснование перспектив культурной психологии личности как нового направления в изучении единства личности и культуры. На первый план выходит разработка культурно – психологических моделей личности, отражающих этапы становления европейского персонализма. Личность исследуется во множестве свойств, порожденных культурой, в культурном творчестве и культурно обусловленном самопознании. В духе стремления современной науки к интегративному знанию, предлагаются «интегралы» личности, определяющие ее в измерениях индивидуальности и типов. Работа основана на психологическом синтезе мифологических, философских, литературных и культурологических идей о личности.

Рекомендуется профессионалам, молодым ученым, аспирантам, студентам, специализирующимся в области психологии личности и гуманитарных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: В НАПРАВЛЕНИИ К КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ.
 5 - 26

1. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ

1.1 КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ПОИСКА И РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ..... 26 - 73

«Личное» античного мифа. «Личное» античного мыслителя. Личность – автор раннехристианской исповеди. Личность зрелого средневековья. Ренессансная личность. Фаустовская личность.

1.2. МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ В ЕЕ СВЯЗИ С ЖИЗНЬЮ.....74 - 131

Модель отрицательной связи личности с жизнью. Модель развития личностью жизни. Модель сознательно – бессознательной жизни личности. Модель отношений личности к жизни:

1.3. КУЛЬТУРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ..... 131 -144

Тенденции подавления «личного». Модель выдающейся личности. Знаки исчезновения личности. Личность - субъект инноваций.

2. ИНТЕГРАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ

2.1. ФОРМЫ СИНТЕЗА ИДЕЙ О ЛИЧНОСТИ.....144 - 171

Модель «я» творцов культуры. Модель глубинных потенциалов человека. Модель культурного потенциала индивидуальной личности. «Тип» как личностный интеграл.

2.2. МЕТОД ТИПИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....171 - 219

Порядок типологического моделирования. Тип личности как социальное явление. Тип личности как культурное явление. Структурные основания типологий. Единство индивидуализации и типизации личности.

2.3 ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЛЫ ЛИЧНОСТИ.....219 - 312

Модель гендерной типизации личности. Модель психофункциональной типизации личности. Модель акмеологической типизации личности.

ЛИТЕРАТУРА.....313 - 318

«Психология» – исконное слово как раз для европейского способа творить человеческие образы. Оно также подходит к портрету Рембрандта, как и к музыке Тристана, к стендалевскому Жюльену Сорелю, как и дантовской Vita Nuova»

О. Шпенглер.

ВВЕДЕНИЕ: В НАПРАВЛЕНИИ К КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Психология личности, давно выделившись в самостоятельную науку, продолжает оставаться совокупностью канонических «теорий личности», в разнообразных вариантах представленных в учебных и академических текстах. Целостность этих текстов достигается за счет применения таких объединяющих принципов, как хронология создания теорий личности, научный авторитет и известность их авторов, соответствие духа теорий приоритетам в исследованиях человека, сравнительный анализ теорий, мода на те или иные идеи о личности в среде интеллектуальной элиты. Относительно мало изданий посвящено последовательному обоснованию отдельных «измерений» или парадигм современной психологии личности, к которым можно отнести природную социальную, феноменологическую, глубинную, жизненную, «субъектную». И особенно ошутим недостаток в разработке новых направлений психологии личности, основанных на **творческом синтезе известных теорий и практик** для решения актуальных задач поддержки индивидуального человека в конкретном социуме.

Полагаем, что на данном этапе становления психологии личности необходимо разрабатывать **культурную парадигму**, указывающую на область явлений, которые в исследованиях личности часто остаются вторичными или имплицитными. Ее развитие должно осуществляться с акцентом на мало изученные связи личность – культура и в единстве с другими парадигмами психологии личности, в частности, идеями «субъекта»

и «жизни». Проблемное поле «личность - субъект – жизнь - культура», оказываясь на волне научного поиска неизвестных потенциалов человека и их синтеза, намечает перспективу множества психологических инноваций.

На наш взгляд, для рассмотрения психологии личности сквозь призму культуры сложились благоприятные эпистемологические **предпосылки**. Они состоят в распространенном понимании культуры как сферы порождения ценностей и смыслов; в самоопределении психологии как гуманитарной науки; в обновлении способов психологического мышления за счет помещения индивида в фокус онтопсихологического, психосоциального и психокультурного изучения; во взаимном проникновении разных типов знания о личности и в расширении информационного обмена персонологов, принадлежащих к различным культурам.

Кроме того, современная психология постепенно становится важнейшей частью **единого культурного пространства**, включающего философию, историю, социологию, культурологию, искусство. На проблеме личности концентрируется многоплановый поисковый опыт, сопоставляющий индивидуальные реалии с Бытием, Духом, обществом, Я и «другими». В контексте многих психологических исследований проводятся радиусы от реальной личности к универсальным величинам, придающим ей активность, подлинность и мощь. Психология личности все больше выступает местом притяжения и синтеза неизмеримого богатства культурных смыслов, призванных подчеркнуть значительность положения индивида в мире. Как комплексное знание, она обозначается термином «персонология».

Издавна определение человека в качестве личности указывало на его соотношение с **обществом и коллективной жизнью индивидов**. При растущем сближении наук о личности, социуме и культуре, бинарная оппозиция «личность – общество» станет более гибкой и позволит решить ряд актуальных междисциплинарных задач. Речь идет, во-первых, об установлении исторических мер и уровней самостоятельности индивида в данном обществе. Во – вторых, о выявлении способов личностного освоения

и преобразования культурных форм социальной жизни. В – третьих, о дальнейшем изучении типов культур, которые характеризуются или выраженным поглощением личного социальным, или самоотчуждением личности в обществе, или экспансией личного в коллективное, или свободным принятием и соединением личности с другими людьми. В – четвертых, об исследовании личности в ее одновременной принадлежности многим культурам и многим культурным эпохам, как «атома» на только социальной, но и культурной жизни», в котором, по мысли М. М. Бахтина, отражаются неисчислимы пересечения культур.

Углубление современных психологических подходов к личности становится невозможным без понимания того, как развивалась идея личности в **исторической динамике разных культур**, прежде всего тех, которые наиболее тесно связаны с поиском индивидуального места и назначения человека в мире. Изучение связи психологии личности с теорией культурогенеза означает, с одной стороны, введение в историю и культурологию индивидуально - психологических содержаний, а с другой стороны, перспективу создания психологических моделей личности, релевантных различным эпохам той или иной культурной общности.

Интеграция психологии и наук о социокультурных процессах ведет к установлению **новых концептуальных отношений** «индивидуальности», «личности» и «субъекта». Например, несомненный психологический интерес представляет следующая дефиниция Л. М. Баткина: «Индивидуальность» утверждается через свободу самоформирования человека в обществе.... Взятая со стороны культурной, она состоит в смысловом общении человека с другими и с самим собой. То есть предстает в качестве «личности» (8; с. 47). Продолжая эту мысль, можно сказать, что «субъект» как активное «я» индивида выступает смысловой основой деятельности, взаимоотношений с другими, самоотношения и самоформирования человека в культурном социуме и интегрирует в жизни «личность» и «индивидуальность». При таком сведении базовых свойств человека, в любом психологическом

исследовании личности можно гибко сочетать три момента. Первое, погружение в уникальный мир и жизнь индивида; второе, изучение его внешних и внутренних, пространственных и временных соотношений с личными мирами других людей, третье, раскрытие качественно – смыслового разнообразия и единства «я» и ответственное определение масштаба жизненного самовыражения и продуктивности индивида в социокультурной сфере. «Интеграл я - субъекта», выстроенный в координатах социума, культуры и жизни, хорошо проясняет значение термина **«индивидуальная личность»**, пришедшего в психологию из философии и культурологии.

Традиционно применяемые в психологии глубинные, поведенческие, когнитивные, социальные критерии анализа, оценки и сравнительного изучения личности все чаще дополняются **культурными критериями**. Они позволяют раскрыть универсальные, уникальные и специфические для определенного этноса или социума **отношения личности к ценностям культуры**, охватывающие разнообразные направления ее жизни и представленные в ее внутреннем мире. Это приобретение знаний и эстетическое развитие, этическая сопричастность и религиозный поиск, профессиональная деятельность и самопознание.. В число культурных критериев входят реализация личностью бессознательных культурных «первоначал» - архетипов, активное освоение ею традиций и новаций культуры, многомерные культурные идентификации, осознание себя уникальным субъектом культуры и культуротворчества, развитие качеств и способов жизни, имеющих культурное происхождение. «Культура - по выражению Э. Мунье - это не какая-то часть жизни личности, а ее глобальная функция... Для человека, который сам себя сознает и развивает, все есть культура. Поскольку жизнь личности является свободой и превосхождением, то и цель культуры – глубинное преобразование субъекта, и чем более она апеллирует к его внутреннему миру, тем большие возможности открывает перед ним». (43; с. 535)

В системе психологических наук связь личности и культуры специально исследуется кросс - культурной психологией, культурной психологией, психологической антропологией. Как правило, «личность» выступает в них моделью усредненного носителя культуры, у которого изучаются общие культурно зависимые особенности мотивации, когнитивных стилей, смысловых образований, я - конструкторов, функциональных установок, сопоставимые с аналогичными особенностями индивидов из других культур. При соотнесении «личностного» и «культурного» **доминирует феномен культуры**. Основное внимание уделяется объективной детерминации культурного становления сознания, проективных систем и поведения человека в ущерб субъектной, ценностно-смысловой детерминации. При изучении культурных влияний на личность подчеркивается роль традиций, ритуалов, норм, верований, духовных канонов, устоявшихся в конкретной культуре. Часто недооценивается роль индивидуального культуротворчества и индивидуального уровня самопознания культуры.

В числе наук, развивающих культурно – психологическую тему, наиболее персоналистичными являются **культурная психология и психологическая антропология**, становление которых произошло, благодаря трудам Вундта, Джеймса, Юнга, Нойманна, Деверо, Спиро, Триандиса, Хофстеде и др (30; 52; 68). Ряд выдвинутых ими общих идей о связях культуры и личности можно представить следующим образом.

- В зависимости от типов носителей культуры (индивид, группа, социум) существуют различные уровни культурного функционирования, культурной динамики и продуктивности. К одному из них относится личностный уровень функционирования культуры.

- Культуры существенно различаются своим отношением к личности: сравнительная ценность коллективного или индивидуального выступает в их определении на первый план. Соответственно различаются коллективистские и индивидуалистические культуры.

- Культуре принадлежит ведущая роль в развитии «внешней» и «внутренней» личности индивидов. В мире и жизни культура и личность взаимозависимы, составляют друг друга.

- Понять ту или иную культуру можно, лишь изучая ее личностную форму, то есть, индивидов, находящихся в процессах культурного научения, активного освоения культуры и культурной деятельности. Исследование личности позволяет сделать выводы о том, какими психологическими средствами воссоздается и субъектно преобразуется определенная культура.

- Важнейшей характеристикой культуры является специфика ее персонализации в формах индивидуальных значений, смыслов, переживаний, мотивов, деятельностей и поступков. Обобщенные способы персонализации порождают культурные типы, модели и идеалы личности, то есть, культурно специфическую или «модальную» личность.

- В соотношении с модальной личностью, относящейся к определенной эпохе культурного процесса, культура является источником развития – детерминирующим фактором - внутренней образующей, то есть, выступает системой культурных переменных личности.

- Взаимопроникновение культуры и личности изучается в основном качественными методами, включая идиографический, биографический, феноменологический, метод анализа уникальных случаев, метод изучения продуктов деятельности, метод глубинного интервью, метод психоанализа и т. д., хотя распространено применение и стандартизованных личностных методик.

Однако если в контексте культурной психологии и психологической антропологии сместить акценты с «культуры» на «личность», получит развитие взгляд, удерживающий тему культуры в **границах психологии личности.**

Рассмотренные предпосылки говорят об актуальности применения культурного подхода к личности как единичному субъекту культуры и индивидуальности. Речь идет об акцентах на культурные условия

индивидуальной жизни, на индивидуальное преломление культуры в свойствах и душевно - практической активности личности, на субъективные вклады и влияния личности в мире культурных ценностей, а также на авторское развитие психологического знания о личности в конкретной культуре. Открывается путь к согласованному решению проблем «личность - в - культуре», «культура - в - личности», «личность – субъект культуры», «культура - о - личности», «культурное самопознание личности», то есть, новое научное направление - **культурная психология личности.**

Культурное измерение в познании личностных реалий предполагает ювелирно тонкое применение и синтез открытий, сделанных в психологии личности, философской антропологии, литературе, культурологии, социологии, филологии. Исследования в русле нового направления могут носить культурогенетический, персоногенетический, акмеологический характер, подчеркивать тип или индивидуальность личности в культуре, моделировать психические функции и способности как культурные производные, раскрывать условия духовной культурации и культурной активности личности, относиться к разряду методологических, теоретических или эмпирических. Высокий концептуальный уровень и прагматика культурной психологии личности зависят от присутствия в ее моделях эвристических установок известных психологических наук о культуре и психологических теорий личности.

Какие исследовательские стратегии могут составить компетенцию культурной психологии личности?

1. Моделирование поликультурного контекста индивидуальной жизни личности в определенном социуме.
2. Выделение в системе детерминации личности ведущих культурных факторов и изучение ее культурогенных психических свойств, качеств и отношений, определяющих индивидуальность.
3. Изучение внутренней и внешней деятельности личности в ее культурном происхождении, формах и направленности на производство ценностей.

4. Раскрытие «я» личности в аспекте его культурной обусловленности и приобретения способности быть субъектом культурного творчества, культурного диалога и рефлексии своей жизни – в – культуре.

5. Исследование индивидуального субъекта в интересующих культурных отношениях и в идентификациях с конкретными субъектами культуры.

6. Изучение индивидуальных культурных вкладов и влияний личности.

7. Исследование личности выдающихся субъектов культуротворчества, моделирование «творческой личности», релевантной определенной культуре.

8. Изучение опытов рефлексии (жизнеописаний, исповедей, текстов самопознания, автобиографий) выдающихся личностей, психологично раскрывающих их субъектную сущность и индивидуальность.

9. Изучение исторической динамики знания об индивидуальной личности и личностных типах в конкретной культуре. Определение роли авторских моделей в этой динамике. Выделение исторически «сквозных» идей и методов изучения личности в определенной культуре.

10. Синтез в новых культурно - психологических моделях знания об универсальных, типологических и индивидуальных свойствах личности, поэтапно развившегося в определенной культуре.

11. Оценка и рассмотрение исторически становящейся психологии личности как социокультурной ценности,

В своих исследованиях мы в основном придерживаемся пяти последних стратегий, делая акцент на воссоздание исторической динамики знаний об **индивидуальной личности – субъекте** в их соотношении со знаниями о **личностных типах**.

Если говорить о ценности психологии личности в том или ином обществе, то она возрастает в зависимости от общей личностной ориентации его культуры. В научной ретроспективе длительного исторического времени, к «лично ориентированным» относят, в первую очередь, **европейскую культуру** с ее неотъемлемой русской составляющей.

Отличительной чертой этой культуры является непрерывное обращение к проблемам духа, интеллекта, общества и индивидуальности человека, а также попытки связать их в целостные мировоззренческие системы. В поступательном движении к разрешению данных проблем, культура, по выражению Э. Гуссерля, порождает «бесконечные идеи», направляющие практическую жизнь и индивидуальную волю европейцев. Взгляд этого мыслителя на особенности европейского ratio, направляющего человека к самопознанию, хорошо обосновывает ряд исследовательских стратегий культурной психологии личности:

- «В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества как некое начало, помимо любых соображений целесообразности заставляющее их европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию...

- Европейскому человечеству присуща определенная энтелехия, которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему единомысленность в стремлении к **идеальному** образу жизни и бытия как вечному полюсу...

- Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения всего человечества, начиная с появления и действия **идей** в малых и даже мельчайших группах. Зарождаясь в отдельных личностях, идеи представляют собой смысловые структуры с удивительной, небывалой способностью скрывать в себе интенциональные бесконечности...

- Научившись порождать идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль личностного существования внутри своего жизненного круга....

- Распространяется новый человеческий тип, живущий в изменчивом мире, но ориентированный на полюса бесконечности. Благодаря этому, появляется новый тип социальности и новая форма устойчивого общества, чья духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, порождением идей и

идеальным нормированием жизни, несет в себе горизонт бесконечной череды поколений, обновляющихся в идеальной духовности».. (26; с. 302 – 304)

С давних времен культура Европы признает большое общественное значение личного духовно - деятельного начала человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляет свою личностную сущность, становясь европейской мерой отношения человека к самому себе. Развившиеся в этой культуре психологические учения о личности способствовали формированию «гуманитарного европеизма», длительно поддерживают общественный интерес к личности единичной и «соборной», ординарной и выдающейся, регрессивной и развивающейся, к личности как объекту научного познания и субъекту рефлексии. Благодаря этим учениям, существует широкий круг мыслителей и профессионалов, изучающих мотивацию - черты – отношения – деятельность – творчество – поступки - сознание – бессознательное, характерные для личности европейского стиля жизни. Утверждаются европейские каноны изучения и понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья и болезни личности.

Перспективным конструктом культурной психологии личности может стать **«европейская личность»**. Его смысл выходит далеко за пределы топологии и хронологии рождения, жизни и воспитания индивида. В нем доминируют духовно – историческое наследие, ценности, типы интеллекта, способы деятельности и самопонимания, которые сформировались и интегрировались в культуре Европы и которые индивид, независимо от национальности и страны проживания, использует как гибкие матрицы собственного бытия. Содержание конструкта создавалось в европейском сознании мыслью творцов, исключительно тонко и остро ощущавших свою индивидуальность и субъектность в мире. В умелом познании себя и талантливом самовыражении в текстах и образах, они находили и открывали людям их жизненные потенциалы, напряженные точки существования, внутренние и внешние условия свободы быть «я». Благодаря

сформированной ими идее личности, были широко отрефлексированы приемы «заботы о себе» и «культы личного в себе». В европейских обществах среди индивидов распространилось персональное сознание собственной уникальности и самооценности. Архетипически закрепились всеобщие стремления к самоуважению, самостоятельности и самореализации. Жизнь многих обогатилась интуицией временной и смысловой перспективы. Для большинства стало допустимым влияние философов, писателей, психологов и психотерапевтов на внутренние аспекты частной жизни.

Понятие «европейская личность» вбирает все существенные моменты персонализации культуры. В XXI веке, названном «веком личности», она может разнообразно применяться в качестве абстрактного научного построения, характеристики реальных индивидов, психологической модели поддержки и развития человека.

Культурная психология личности уходит от статичного суммирования относительно завершенных исследований и теорий. Она видится подвижной системой исторически сложившихся и постоянно возобновляющихся на новых основах **сквозных идей** о личности, согласованных с содержаниями и ритмами общего культурного процесса. Их эксплицированное и имплицитное целое интегрирует **знание европейского человека о самом себе**, в том числе, как о носителе и субъекте культуры. Каждая из сквозных идей обладает потенциалом развертки в масштабную концепцию личности.

Отечественная психология личности равно открыта влияниям традиций и инноваций, укорененных в гуманитарном духе Европы. В ее русле можно проводить **культурно - психологическое моделирование личности**, по-новому раскрывающее традиции персонализма. Такое моделирование может состоять в реконструкции и систематизации представлений о личности, принадлежащих мыслителям, критически выражающим дух определенных культурных эпох. Модели могут выстраиваться в континуум, относительно полно репрезентирующий историческую динамику личностного знания. Моделирование должно осуществляться и с позиций восстановления

оригинальной архитектоники конкретно – исторических взглядов на личность и с позиций современного, «ставшего» персонологического знания. Содержательная культурная модель личности может составить вклад в единое психологическое понимание и глобальный текст о личности, соответствующие современному европеизму

Для сведения «исторического» и «актуального» подходов необходимо наметить **методологические координаты**, которые на основе разработки и сравнения различных моделей, позволят восстановить целостный транспективный психологический образ личности в культурном контексте.

Для разработки методологических координат воспользуемся результатами философских и культурологических исследований (8; 26; 33; 43; 45; 49; 52; 54; 58; 60; 66; 68; 76; 88), определивших итоговое понимание того, что значит для европейцев **«быть и сознавать себя индивидуальной личностью»**. В нем отразилась известная тенденция социокультурной динамики, обозначенная терминами «индивидуализм», «индивидуализация», противоречиво соотносящаяся с другой исторической тенденцией – «коллективистской» или по другой терминологии, «традиционалистской».

Напомним, что издавна существующие коллективистские цивилизации главными мерами человеческого существования определяют родовые, групповые, общественные установления, освященные религией. Общность обладает превосходством над своими членами, объединенными скорее бессознательно – чувственными, чем сознательными и рациональными связями. Каждый воспринимается не сам по себе, а в силу своей причастности к общему. Власть общности обеспечивается инициацией, общей легендарной историей, захватывающими сакральными обрядами и строгими социальными регламентами и санкциями поведения. Отдельный человек принимается и ценится всеми как проекция коллективного или «соборного». Он внутренне и внешне проникнут общим и не мыслит для себя иного, «внеобщественного», состояния. Телесные и душевные отличия индивидов друг от друга выглядят для общества и каждого его члена чем-то

второстепенным. Коллективно воссоздается обобщенный образ человека, наиболее приемлемого для всех, и присваивается индивидами в качестве «образца для подражания». Если индивид проявляет непохожесть и обособленность от других, это отбрасывает его на самый край общественной жизни. Самыми достойными и авторитетными членами социума выступают те, кто наиболее полно концентрирует в себе «образцового человека», общий интерес, коллективные представления, общественную волю и содержание группового бессознательного. Вожди, жрецы, монархи, философы, ученые, поэты выделяются и возвышаются не в силу личной исключительности, которой безусловно обладают, а в силу предельного сродства с общностью, способности к самоотрешению и выражению глубинного духа коллектива. Высшей общественной ценностью выступает «Традиция» как единое знание внечеловеческого происхождения, имеющее эзотерические и конкретно – духовные формы (религия, философия, наука, искусство), поддерживающие связь людей с Абсолютом. Традиция включает скрытую от человека тайну вхождения в «земной рай» и «золотой век».

Исторически поздние коллективистские общества допускают индивидуализацию духа и веры, инициативу, активность, личные дарования и достижения рядовых членов, но оценивает их в зависимости от общественных, групповых, клановых и т. д. целей. Индивиды, предающие себя социуму, даже при полном «обобществлении» совершенного и созданного ими, не испытывают самоотчуждения.

К XVII веку длительное преобладание европейской коллективности приобрело сильную оппозицию в «индивидуализации», направившей желания, чувства и мысль индивидов на себя, а общности – на «личное» ее конкретных членов. Она прошла сложное становление в качестве идеала, идейного настроения, способа поведения и рефлексивной способности личностей, став откликом на стремление множества людей к самоопределению и самоутверждению в мире. Личность постепенно открывала потенциал собственных внутренне обоснованных отношений к

Абсолюту, к обществу, к другим, к себе. «Чем дальше мы в истории оглядываемся назад, тем более мы видим, как личность мало – помалу исчезает под покровом коллективности... То, что мы разумеем под «индивидуальностью», является сравнительно недавним завоеванием истории духа и культуры». (89; с.37)

Индивидуализация, во многих культуроведческих работах называемая «индивидуализмом», является объективным переходом конкретной личности с периферии общественной жизни в ее сердцевину, а также изменением субъективных жизненных позиций индивида в направлении осознанного повышения роли своего «я» и значимости внутренней свободы. По заключениям М. Фуко, под «индивидуализмом» в основном понимается три феномена. Во-первых, это общественная позиция, наделяющая индивида в его неповторимости высокой ценностью и приписывающая ему относительную независимость от группы. Во-вторых, повышенная оценка частной жизни. В-третьих, это интенсивные отношения индивида к себе, внутренние связи собой и восприятие себя как объекта собственного познания, действия, развития. (76)

Там, где индивидуализация не сводилась только к поиску личной независимости и превосходства, к жесткой конкурентной борьбе и эгоизму, а основывалась на самосознании, самодеятельности и самоэффективности личности, индивидуализм приобретал субъектную основу, становился «высоким индивидуализмом». (8)

В целом, европейскую индивидуализацию, взятую со стороны личности – субъекта, определили следующие моменты.

1. Мысленное выделение человеком своего телесно - психического «я» из общности, универсального или трансцендентного единства в качестве автономного существа.
2. Осознание человеком себя суверенной, неповторимой и незаместимой частью целого или «единственным» во множественном «тотальном».

3. Поиск индивидом состояния «быть наедине с собой», принятие своего одиночества, создание личного мира, осознание возможности собственного выбора и внутренняя ответственность за него и его последствия.
4. Личное самопознание и рефлексивное несовпадение человека с самим собой, понимание неуловимости жизненного само - предстояния.
5. Отношение индивида к себе как главному основанию своих поступков и действий, субъективная локализация деятельного начала в себе самом.
6. Возрастание силы и достижение целостности я - инстанции, деятельное самовыражение, овладение своей жизнью, жизненная продуктивность и расширяющаяся в мир интенция к творчеству.
7. Ментальное и действенное соотнесение себя с другими людьми, с отдельным «другим»; разделенное с ними существование («я» - «другое я», «я» - «мы», «я» - «другие во мне», «я» - «я в других»), которое индивид осознает восполнением себя.
8. Личное преодоление индивидом отчуждения результатов своей деятельности и творчества в коллективное производство и общественный продукт.

Приведенные концептуальные моменты, являющиеся одновременно содержаниями категории «индивидуальная личность», возможными параметрами рефлексии и самооценки конкретных личностей, а также психологическими критериями достигнутого уровня личностной индивидуализации, конституировали долгую и далеко еще не завершенную **европейскую антропологическую эпоху**. «Если бы автономность индивида не была бы желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить... подавление коллективностью». (90; с. 82)

Динамику данной эпохи, кроме других возможных способов репрезентации, можно представить в виде **событий создания гуманитарных текстов**, авторами которых стали люди с ярко выраженным персональным началом. Это тексты рассказов о себе (исповедей, жизнеописаний, автобиографий,

рефлексивных текстов), тексты философской антропологии, произведений литературной классики, лучших трудов по психологии и психопатологии. Просторную область культурных событий образуют произведения Марка Аврелия, Августина, Абеяра, Петрарки, Макьявелли, Шекспира, Гете, Руссо, Пушкина, Достоевского, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Достоевского, Пруста, Бунина, Набокова, Бердяева, Франка, Ясперса, Фрейда, Юнга, Сартра, Бахтина, Рубинштейна, Мамардашвили и других.

В европейском понимании, гуманитарный текст является деятельностью и самовыражением автора как субъекта культуры, авторским культурным продуктом, индивидуальным феноменом культуры, средством культурного взаимодействия индивидов, «местом» интенсивного проживания и рефлексии творцов культуры. Текст создает, излучает и транслирует культуру. Это происходит не столько на уровне его открытых значений и смыслов, сколько на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов эпох античности, средневековья, ренессанса, современности. Скрытая семантика текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы, науки, разновременных разговорных жанров. Культурные смыслы сгущаются, центрируются в «ключевых фигурах эпохи», продолжающих жить в других временах. Вечные странники текстов – Прометей, Эдип, Августин, Абеяра, Гамлет, Дон – Кихот, Фауст, Мастер. Авторы текстов Большой культуры являются соавторами общего текста, уходящего в бесконечность; каждый автор прочитывается посредством других, и все их творения кажутся взаимно обратимыми. К. Г. Юнг становится понятен, когда в его работах читатель видит присутствие Гете – Шопенгауэра – Ницше – Достоевского – Фрейда. Сам Фрейд, особенно сильно повлиявший на Юнга, является «досоздателем» мифов об Эдипе, Электре, Нарциссе, Оресте, возможно, превосходящим древних мифотворцев. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в

реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, «забытых» источниках, архетипах и т. д.

Текст – не только культурный, но и личностный феномен. Для современной персонологии актуально его комплексное исследование в аспектах личности автора, личности адресата и культуротворческого диалога личностей. Стоит задача раскрытия целостного потенциала гуманитарного текста как источника объективного знания о личности, как формы построения образа «я» и самовыражения личности автора, как способа ценностно-психологического влияния личности автора на личность адресата. Особенно это касается литературных текстов, а также текстов, созданных в философско – литературном или литературно – психологическом жанрах.

Именно в последнем жанре индивидуальность издавна нашла наилучшую возможность обосновать свою творческую силу и автономию, осуществить естественное стремление сказать собственное слово в вечном мире языковой культуры. Классическая литература показала способность Героя «быть» и Автора «самоосуществиться», сохраняя большую дистанцию между собой и теми, для кого она предназначена. Современный литературный процесс охватывает индивидуализацией и автора, и героя, и персонажей, и авторское эго, и потенциального читателя, не возвышая их до исторических, выдающихся фигур и не придавая их существованию исключительного значения. В первую очередь текст моделирует их взаимные влияния и вложения, которые образуют личностные грани общекультурных отношений между теми, кто создает, создается, живет по образу созданного и создает самого себя.

В своих исследованиях (64) мы выделили типы и функции текста в зависимости от его направленности на **персонализацию культуры**.

1. Текст развертывается как процесс нового, оригинального осмысления и запечатления индивидуальной жизни человека, составляет утонченную культурную форму творческой деятельности и уникальной самореализации

автора. Состоявшееся событие текста означает **творение и творчество личности** в культуре

2. Текст выступает практикой индивидуальной рефлексии автора, процессом его самоанализа и самообобщения. Текст охватывает «сполна» эго автора, позволяет ему осознать свое единство и различить собственную множественность и противоречивость, преломить все высказываемое сквозь свой внутренний мир, ретроспективно воссоздать целостность прожитого и раскрыть свою жизненную перспективу. Здесь текст - это **«я» личности**.

3. Текст создает личность и форму жизни героя, которые «предсуществуют» по отношению к жизни и индивидуальности адресата в качестве потенциала. Текст берется адресатами за основание внутренней и практической идентификации с действующими в нем персоналиями и происходящими событиями. В процессах активного отождествления, литературная жизнь героя продлевается в судьбы реальных людей, а его характер и психические состояния переходят в контур их личностей. Действительный мир проявляет себя по образу литературы. Принимая эту импликацию, мы сознаем, что «герои живут вечно» и что «перспектива жить текст» – не просто художественный оборот Ж. – П. Сартра. «То, что мы называем миром Гамлета, то, что мы понимаем через типизацию, данную в Гамлете, родилось **после того**, как этот образ был написан. Мир Гамлета есть продукт написания «Гамлета»... Пока нет самого Гамлета, мы ниоткуда не могли бы получить его «возможность». (36; с. 324) Текст появляется как **возможная личность и ее возможная жизнь**.

4. Текст может составлять действительное бытие автора, То существование, которое для других людей представляется «действительным» в силу укорененности в предметном мире и практической деятельности. для него является «отчужденным». Мысля, воображая, чувствуя, высказываясь, автор создает свою подлинную жизнь. Течение жизни в «текстовом измерении» доказывается тем, что процесс порождения текста растягивается на долгие годы, в его динамике возникают захватывающие события воспоминаний и

самоактуализации, изменяется личность автора, происходит слияние эго автора с героем, текст остается незавершенным, так как автору не дано знать и высказаться о финале своей жизни. Так, жизни Пруста, Джойса, Бунина, Набокова длились в рассказываемых ими историях. Написание текста превращается в основной **способ личностного проживания жизни**.

6. Открывая понимающему читателю свои содержания, текст по-новому структурирует его ментальный опыт, стимулирует его активность в качестве критика, интерпретатора, толкователя, пародиста, подражателя, самостоятельного писателя или ученого. Текст наполняет разнообразное речевое творчество адресата, вплетается в его интеллектуальную жизнь. Чем содержательнее и разнообразнее текст, тем свободнее чувствует себя человек, извлекающий, развивающий или отвергающий идеи автора, строящий на их основе новые модели понимания мира и самого себя, использующий текст как оригинальный материал для научных исследований в области филологии, лингвистики или психологии. Текст выступает **источником творчества личности**.

Современная психология личности открывает в литературном тексте обширные горизонты, находя все новые пути его использования в познании и самопознании индивида. Текст берется, например, для выразительного иллюстрирования персонологических идей, для моделирования на его основе ярких индивидуальных и типологических проявлений личности, для научной герменевтики литературного осмысления жизни. Следует особо подчеркнуть значение текстов, содержащих ориентиры для практикующего психолога: от прямых интерпретаций неординарных психических свойств и состояний личности до имплицитных приемов их психоанализа, психотерапии, управления рефлексией.

Европейское знание о личности в его текстовых и не – текстовых формах развивалось внутри общего культурно – исторического процесса с присущей ему периодичностью, **приобретая в каждом периоде определенные концептуальные акценты**. Современная идея личности прошла

становление в русле античной антропологии, раннехристианского персонализма, персонализма зрелого средневековья и Возрождения, гуманитарного знания и персонологии Нового Времени. Основные источники европейского понимания личности заключены в учениях о творении, спасении, умственном прогрессе и нравственном восхождении, в феноменологии, учении о бессознательном, теориях пола, концепциях отношений индивида и общества.

В глубине этих учений и теорий сформировались имплицитные **культурно - исторические модели индивидуальной личности**, психологичные по самому характеру своего объекта. Они могут быть реконструированы, во-первых, на основе вживания и герменевтики аутентичных текстов с их характерной стилистикой, историческим и авторским духом; во-вторых, с позиций современного взгляда на тексты, нагруженного множеством разновременных культурных контекстов с их взаимными наложениями и вложениями; в-третьих, с применением методологических **«кодов»** интерпретации, позволяющих двигаться вглубь времени по определенным психологическим координатам.

Мы предлагаем следующие коды реконструкции, проступающие в рассмотренных положениях об индивидуализации европейского человека и позволяющих дифференцировать, сравнивать, интегрировать «личность» в культурогенезе.

1. Код **отношений** личного (индивидуальной личности) с **надличным** (абсолютным, божественным, трансцендентным), **внеличным** (коллективным, общественным, культурным), с собственным «я», с конкретным «другим», с **безличным** (стихийно – природным, массовым, бессознательным). Эти отношения отражены в исторически сквозных идеях о личности, обеспечивая преемственность ее культурно – психологического моделирования. Одновременно они задают различия моделей личности как включающих определенные отношения – доминанты.

2. Код **всеобщих форм** личного, также характеризующих культурогенез идей о личности. К ним относятся **сущность (структура) - существование (жизнь) - Я - бессознательное** индивида

3. Код конструкторов, определяющих сложившиеся **бытийные установки** индивидов в европейских обществах. По критерию их развития можно исследовать отдельную личность, личностные типы и общий личностный срез конкретного социума, взятые в конкретном времени, например, исследовать современную российскую личность. К этим конструктам относятся: **коллективизм** (тенденция к принадлежности и взаимной зависимости в среде других); **индивидуализм** (тенденция к максимальной личной независимости); **персонализм** (тенденция к самоопределению, личной автономии и взаимодействию в отношениях с другими); **субъективность** (тенденция к высокой индивидуальной активности во взаимодействии с другими); **интерсубъектность** (ориентация на взаимную активность и диалог в отношениях с другими); **универсализм** (поиск всеобщих, идеальных оснований индивидуального существования). Различные композиции установок «прорастают» в динамике культурно-психологических моделей личности и могут определять перспективные подходы к личности в культурном контексте.

4. Код акцентов на **всеобщие – типологические – индивидуальные свойства** личности. Соответственно в качестве ведущего предмета моделирования избираются либо личностные универсалии (всечеловеческие психические функции, сознание и бессознательное, мотивационные константы и т. д.), либо личностные типы, либо уникальные индивидуальности.

При согласованном применении предлагаемых кодов можно наметить примерно следующий **континуум культурно - психологических моделей личности**: «личное» античного мифа; «личное» античного мыслителя; личность – автор раннехристианской исповеди; личность зрелого средневековья; ренессансная личность; Фаустовская личность; личность в

философии и психологии жизни; Выдающаяся личность; человек, теряющий «личное»; личность – субъект инноваций; интегралы личностных свойств.

1. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ

1.1 КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ПОИСКА И РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ/

«Личное» античного мифа.

Принято считать, что эксплицитное движение европейской мысли к «личности» началось в эпоху греко – римской античности. Этим свойством античные мыслители наделяли избранных, уникальных людей: императоров, великих воинов, философов, поэтов. Лично - индивидуальное начало других людей не становилось, как правило, предметом углубленного познания

В противовес безразличию элитарного мышления, одновременно процветал жизненный, поэтический интерес к «личному» как свойству, естественно присущему любому человеку. Этот интерес творчески выразился в **мифологических проекциях** человеческих сил, ипостасей, черт, состояний. Воображение людей неустанно наполняло жизнью Фигуры мифа, воплощающие психические **потенциалы**, в своеобразных сочетаниях заключенные в индивидах. Боги и герои олицетворяли конкретные психологические структуры, которые ощущались античным человеком так же зримо, как любая реальность внешнего мира. Каждая такая структура выступала «сущностью», имеющей множество свойств и проявлений, каждая могла быть «божественным следом» в человеке. К примеру, Афина была умом и мудростью, Аполлон – творчеством и вдохновением, Афродита, - сексуальностью и обольщением, Дионис – изменчивостью и возбуждением, Артемида – целомудрием, Гера – супружеским долгом, Зевс – разумом, упорядочивающим космос и т. д. (66). Мифологические истории Богов и героев и проявленные ими качества указывали на тот или иной аспект и событийный ряд внутренней жизни человека.

Представляя человека как целое, где все связано и перетекает друг в друга, творцы греко - римской мифологии видели живое единство женской и мужской форм «личного», олицетворенных Психеей и Прометеем. В невыразимой прелести мифологического повествования Психея открывает тайны Души или интуитивного и эмоционального начала личности. Прометей, задавая многовековую перспективу «промеевской» формы европейской культуры, воплощает Дух или сознательную, разумную и созидательную сторону личности. Сравнительную реконструкцию их психологических черт можно провести на основе великолепного текста «Метаморфоз» Апулея (6) и анализа типа «Прометей» К. Юнга. (89)

Психея - равная красотой Венере, принимающая поклонение людей, совершенная как искусно изваянная статуя, не доступная ни для кого из людей, находящаяся в пустынном одиночестве, трепещущая, боящаяся, обретающая божественное покровительство, любимая богом Любви, заточенная в темнице тайной любви, владеющая несметными богатствами, испытывающая блаженство, нежная, ласковая, наивная, простодушная, доверчивая, вызывающая ревность и зависть, встречающая обман, вероломство и злодейство, незащищенная, пугливая, робкая, скорбящая, покорная судьбе, готовая убить чудовище, любопытная, восхищенная божественной красотой, пораженная и пылающая любовью, ненасытная, страдающая от безрассудной страсти, терпящая наказание, переживающая вину, готовая убить себя, гневная, мстительная, преследуемая Великой Богиней, близкая к гибели, вызывающая сострадание к себе, получающая помощь от божественных и волшебных сил, невинная, проходящая тяжкие испытания при выполнении трудных заданий (упорядочить хаотически смешанное; добыть Сокровище, избежав безумия; достать воду забвения; преодолеть сон смерти), достигающая высших свершений, поддерживаемая провидением, получающая уроки мудрецов (не ищи потерянного, будь готова платить, не поддавайся искушению, не проявляй любопытства к запретному),

приобретающая зрелость и мудрость, любящая любовь, одаренная бессмертием, порождающая наслаждение.

Прометей – хитроумный, изобретательный, упрямый, полагающийся на себя, утверждающий свое подобие богам, владеющий мастерством, вдыхающий жизнь в свои творения, покровительствуемый Богиней мудрости, гордящийся своим разумом, любящий свою душу, совершитель великих дел, погружающийся в себя, остающийся наедине с собой, не выходящий за внутренние пределы, истощающий себя в самопознании, ищущий сокровище Души, обретающий дар творчества для людей, населяющий мир своими творениями, служащий человеку, спаситель людей, учитель людей, воспитатель людей, почитатель красоты, просветитель людей, мнящий себя Творцом, претерпевающий наказание богов, страдающий, принесенный в жертву, вознагражденный достоинствами Титана.

Мифологический образ двуединого «личного» потенцировал историческое становление индивидуальности, соединяющей божественное – человеческое, женское – мужское, чувственное – разумное, слабость – героизм, зависимость – свободное творчество, гордость – мученичество, пребывание в себе – деяние в мире, смерть – бессмертие.

«Личное» античного мыслителя.

Мифологическая традиция обнаружения божественных воплощений в человеке получила развитие при создании систем **герметичного знания**, хранителями которого были инициированные жрецы, объединенные в Мистерии. Эти священные институты, считающиеся в обществе средоточиями универсальной мудрости, положили начало **античной философии** и индивидуальному творчеству раннеевропейских философов и мыслителей, большинство из которых были Посвященными в секретные учения. (77)

О **Сократе** известно, что главным предметом его философствования был человек, а намеченная им антропология основывалась на идее о **силе**

разумной души, позволяющей человеку вопрошать и отвечать о мире и своем положении в нем. Он учил, что единичная душа предсуществует телу и перед погружением в него божественно наделяется всем Знанием. При вхождении в телесную форму, способности души притупляются, но посредством размышления о чувственных объектах и обобщения их свойств, она пробуждается и восстанавливает свое исходное знание «сути» объектов или Истины. Например, к сути «справедливости» можно прийти через познание множества справедливых поступков. Процесс познания истины должен захватить всю жизнь мыслителя, вовлекая в диалог других людей, выливаясь в форму диалектики, сопровождаясь критикой и самокритикой мышления, опровергая добытое знание. Движение человека к истине особенно хорошо стимулируется индуктивными рассуждениями, искусной аргументацией, разоблачением заблуждений, скепсисом и иронией

В понимании Сократа, душа, восходящая к истине, тождественна **«личному»**, составляя тайную, сокровенную сущность каждого человека. Открыть эту сущность можно в **самопознании**, испытывая и проверяя себя по критерию высоких поступков, совершаемых со знанием сути нравственности. Личное «я», единство индивидуального ума и этики, жизнь в любви к мудрости, душевное погружение и самораскрытие являются для человека - мыслителя целью и счастьем.

Учение **Платона** также звучало мотивом человечности, ярче всего осязаемым в положениях об **«архетипах»** Этим понятием обозначались предшествующие всему в мире, божественно созданные, универсальные, вечные Идеи, Идеалы или Формы. Как архетипы, рассматривались и Фигуры мифа, к которым постоянно обращался философ. «Имена Зевса, Аполлона, Геры, Афродиты и т. д. в зависимости от контекста могли обозначать сами божества, аллегории, символы, психологические типы, способы познания, философские принципы, трансцендентные сущности, источники поэтического вдохновения, объекты поклонения, высшие реальности,

произведения верховного создателя, небесные тела, основы вселенского порядка, повелителей и наставников человечества.» (66; с. 16)

Согласно Платону, каждое человеческое существо, переменчивое и смертное, является единичным выражением архетипов – абсолютных: Красоты, Ума, Жизни, Души, Добра, Справедливости и др. Если человек прекрасен или добр, значит, ему достались «части» абсолютных Красоты или Добра. Осуществляя архетипы, человек совершенствуется в нравственном, познавательном и эстетическом отношении, совершает милосердные поступки, достигает достойного положения в обществе, приобретает научные и философские знания, заботится о соразмерности частей тела и изяществе движений. Когда **индивидуальная мысль**, восходящая к архетипу Ума, открывает единство всех человеческих воплощений архетипов и единство всех Идей, индивид приближается к пониманию абсолютной Гармонии, великого Замысла мироздания, открывает тождество своего личного микрокосма всеобщему Макрокосму. На основе познания и самопознания физическое существование человека становится пронизанным божественным благом. Преодолевается конечность **личного бытия**, совершается шаг в бессмертие, доступный, прежде всего, философу - человеку «великому из великих».

Аристотель поставил в центр своей философской системы мира не абсолюты, идеалы, трансцендентность, а **реальность** как множество эмпирически постигаемых конкретных предметов. Каждый предмет выступал «субстанцией», обладающей индивидуальными качествами и качествами, указывающими на его реальное сходство с другими субстанциями. Все качества указывают на те или иные «способы существования» предмета. Сходные способы мышления философа обобщает в «категории», в том числе относящиеся к человеку как части реальности. Для познания любого существующего предмета, включая «индивида», можно применить универсальные категории сущности, количества, качества, отношения, места, времени, состояния, обладания,

действия и страдания. Основными принципами и операциями применения категорий являются индукция, дедукция, выявление причинности, различение противоположностей (субъекта – предиката, существенного – случайного, материи – формы, потенциального – актуального, общего – индивидуального). В познании «человек» определяется двойственно. С одной стороны, как отдельная «вещь» в мире вещей или частный случай в совокупности людей. С другой стороны, как субъект, пребывающий в индивидуальном бытии и способный, упражняя интеллект, прийти к пониманию имманентной сущности вещей. Однако, то особое измерение, в котором человек познает самого себя ему одному свойственным образом, то есть состояние «наедине с собой», в учении Аристотеля не освещено, и по этой причине остается нераскрытым и особое, **личное** место человека в мире. (16)

Подчеркивая исключительность людей, одаренных способностью к философствованию, античные мыслители в отношении к рядовым членам общества придерживались иной установки. Согласно **Феофрасту**, в обычных домах, на площадях и рынках живут и действуют носители человеческих «характеров» или «типов», возникающих в результате сходства в способах человеческого приспособления к жизни. Типы не восходят к идеальным сущностям, не нуждаются в самопознании, являются относительно постоянными в своих проявлениях. Они могут быть забавными, странными или негативными. Особенно энергично они заявляют о себе, когда индивиды вступают в общение между собой. Вглядимся, к примеру, в человека, воплощающего тип «**Тщеславие**».

- В гостях за обедом он стремится занять место за столом рядом с самим хозяином.
- Сына своего отправляет остричь волосы в Дельфы.
- Возвращая взятую в долг мину серебра, он старается отдать целиком новой монетой.

- Для галки, которую держит в доме, он обязательно купит лесенку и сделает маленький медный щит, чтобы она прыгала с ним по этой лесенке.
- Когда приносит в жертву быка, то уж непременно приколотит у себя перед входной дверью бычий лоб с рогами, обвитый огромным венком, чтобы входящие видели, что он принес в жертву быка.
- После торжественного шествия с всадниками он велит рабу отнести домой все вещи и снаряжение, а сам, накинув гражданский плащ, но в шпорах, красуется, прогуливаясь по рынку.
- Если у него околеет редкая мелитская собачонка, он велит поставить надгробный памятник и сделать столбик с надписью «Чистый отпрыск мелитской породы».
- Посвятив в храм Асклепия медный палец, он принимается начищать его, украшает венками и ежедневно умащает благовониями.
- Когда ему случается объявить народу о сделанном жертвоприношении Матери богов, он возвращается домой, и рассказывает жене о своем удивительном успехе. (69)

В том же духе выстроены все 30 характеров – типов Феофраста. Видно, что многие обобщенные поведенческие проявления типов исходно были индивидуализированными поступками известных автору конкретных людей. Канонизируя тип, мыслитель невольно обращался и к индивидуальностям.

Период античной эпохи, когда «**индивидуальное**» стало эмпирически выделяться в качестве имманентного свойства человека, был отмечен рождением литературного **жанра биографии**, который С. Аверинцев определил как ранний опыт «личностной литературы». Первыми героями биографического анализа оказались видные политики, риторы, музыканты, художники и т. д., бывшие в глазах биографов самыми заметными носителями «личного» в обществе. Содержание жизнеописания, чрезмерно акцентируя непохожесть героя на других людей, было слишком откровенным, иногда шокирующим, обнажало постыдные события его жизни, странные, отталкивающие черты его поведения, дурные поступки,

обычно скрываемые детали приватного образ жизни, различные чудачества, непристойности, преступления. Индивидуальное начало тенденциозно проступало в негативном образе одиозности, ненормативности, аномалии. Доминирующей жизненной атмосферой античной биографии – заметил Аверинцев - был дух неразборчивого любопытства или педантичного коллекционирования непроверенных сведений. В основном она исходила не из оценочной идеи «великого или выдающегося человека», а из идеи «знаменитости». (4)

Эволюционируя, индивидуальная биография постепенно перестает быть синонимом «курьезного». В «Жизнеописаниях» **Плутарха** она приобретает серьезную, гибкую, объективную и диалектичную форму. Автором раскрывается **личное своеобразие** ряда крупных римских военачальников. Применяется прием парного сравнения, когда у двух во многих отношениях схожих мужей отыскиваются характерные отличия, хорошо оттеняемые их сходством. К примеру, сравниваются Алкивиад и Марций, которые «одинаково дали многократные доказательства личного мужества и отваги, равно как мастерства и дальновидности полководца». Однако качественные способы достижения ими славы и авторитета оказываются принципиально различными.

Алкивиад:	Марций:
бесстыдство,	высокомерие,
грубость,	суровость,
шутовство,	откровенность,
льстивость,	прямотушие,
хитрость,	жестокость
лживость,	непреклонность,
честолюбие,	гордость,
соперничество,	самоумнение,
благожелательность,	враждебность,
обаяние,	гневливость,

любезность,	вероломство,
обходительность,	необщительность,
страсть к роскоши,	воздержанность
разнузданность,	неукротимость,
взяточничество,	бескорыстие,
незлопамятность	мстительность,
любовь к почестям,	равнодушие к почестям,
неразборчивость в поступках.	несправедливость.

Сомнительные черты, проявляемые доблестными мужами, не могут, по Плутарху, снизить их персональное, поучительное значение и влияние на историю и на жизнь конкретных людей. «Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме, как дорогого гостя, узнаем и выбираем из его подвигов самые значительные и прекрасные...., спокойно и радостно устремляя свои мысли к достойнейшим из образцов». (48; с. 305)

Позднеантичная римская культура, основываясь на греческой философской традиции и идеях стоицизма, утвердила ценность бытия индивида, самостоятельно выбирающего для себя меры существования и формирующего образцы «личного» в обществе, а также обосновала возможность «самопроверки» по этим образцам всех свободных граждан социума. Опыт «Размышлений» **Марка Аврелия** (императора – философа – писателя) стал знаком грандиозного культурного сдвига в сторону формирования личностного идеала и литературного самораскрытия «я» в его отношении с **богами, другими людьми, миром, собой**. Состоявшись 2000 лет назад, рефлексия Аврелия приобрела различные имена, каждое из которых указывало на то или иное измерение его личности: «Житие и дела Марка Аврелия», «Записки Марка Аврелия», «Жизнь Марка Аврелия», «К самому себе», «Для самого себя», «Наедине с собой». Несмотря на то, что

текст выдержан в режиме диалога «я – я», самообращения автора выглядят откликом на внутреннее чувство благоговения перед Богами, давшими человеку благо жизни, способность быть «разумным существом в обществе» и усовершенствовать свои общественно ценные качества. Общий стиль «Размышлений» характеризуется традиционностью, нормативностью, императивностью, поучительностью, исповедальностью.

Аврелий видит себя обладателем и выразителем «**человеческой сущности**», которой обладают все люди. Его самообращения адресуются скорее не «моему и только моему я», а «ты» и «мы», как будто в «я» живет множественный друг: говоря с собой, говорю с другим, со всеми. При этом он ставит перед собой сверхтрудную задачу самоформирования по канону достойного и целостного человека, вопреки разрушающим и внутренне разделяющим влияниям жизни. Исключительная сложность поставленной цели выделяет его **индивидуальность** из общности.

Философско - антропологические размышления, установки и результаты самопознания Марка Аврелия (37) можно систематизировать следующим образом.

1. **Боги** устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой божественного Разума творится **Природа** – первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, то есть распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является человек и его жизнь в мире. Тайна человека - соединение в нем тела, души и ума. Этому соединению способствует разумное отношение к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает,

где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир

2. **Разум** дан человеку от божественной Природы. Это «главенствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; уловитель связи всего и всех отношений одного к другому; управитель человеческой жизни; придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок, складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к **умной жизни** в мире и к добродетельной жизни души. Задачей разума - ума является формирование правильных представлений о предметах, а именно, нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и раздельности, называние его собственным именем, знание всех элементов, его составляющих и всех частей, на которые он распадается, познание ценности предмета для целого. В единении с душой, разум превращает ее в «**разумную душу**», способную себя видеть, себя расчленять, делать себя такой, какой хочет, пожинать свой плод, приходить к своему назначению, все в себе делать полным и самодостаточным, обходить весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа - «сфера, светящаяся светом». Разум – в целостной, не рассеянной, собранной жизни.

3. **Гения** в человеке открывает и берегает философия, которая придает жизни благой характер, отличающий ее от обычной человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть настигает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе, преодолеваем стихийность

бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, сохраняем своего гения в чистоте, ничего не ожидаем и ничего не избегаем, храним покой, не доверяя какой – то одной из противоположностей, действуем по традиции наилучших времен, делаем свою жизнь завершённой, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

Жизнь человека – река, непрерывные превращения; мгновение вмещает в себя огромное число телесных и душевных движений; твоё превращение необходимо для совершенной природы целого: «Сколько Сократов поглотила вечность!»; спрашивай себя о каждом отдельном случае жизни. Жизнь – совокупность наших деяний, и вкусить жизнь, значит, связать деяния одно с другим, чтобы и зазора между ними не осталось. Но не в нас причина соединения и распада жизни.

4. Разумные существа рождены один для другого. Человек по природе **общественное существо**, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от одного хотя бы существа, отпал от всей общности. «Не одинаковы ветка единорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества. «Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов, желать другим только добра; не порицать других, так как каждый может совершить погрешность.

5. Присущие мне свойства и образцы человеческих свойств достались мне **от других людей**: прадеда, деда, отца, матери, воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержание от плохого, неприхотливость, выносливость, несуетность, пристрастие к философии, ловкость умозрительных положений, благожелательность, бесстрастность, неосуждение, обучение у друзей, восхваление учителей, долг перед ближними, владение собой, бодрость духа,

скромность, мужество, надежность, последовательность, спокойствие, невысокомерие, нестроптивость, нетщеславие, трудолюбие, справедливость, самодостаточность, приветливость, независтливость, приверженность старому, зрелость, невозмутимость, стойкость, поддержка богов, божественные подсказки и знамения, хорошее здоровье, помощь другим.

6. Я узнаю о себе, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам. То же можешь сделать и ты.

- Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.
- Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что не вкрадывается в настоящее неизвестное.
- Спрашивай себя сразу по пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут правда, верность, стыд, закон., добрый гений.
- Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, доподлинный, осмысленный, единомысленный, свободомысленный.
- Смотри внутрь – там источник блага.
- Делай то, что от тебя сейчас требует природа.
- Само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.
- Благом является для тебя: общественное, неподатливость для переживаний, первенство духовных движений, неопрометчивость и пронизательность.
- Шествуй прямо, следуя собственной и общей природе.
- Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.
- Говори себе: это идет от бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это – от случая, это – от других, это – от меня самого.
- Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

7. Я служу своему гению и на этом пути обращаюсь к себе:

- Не дергайся, оттащи себя от чувственных переживаний, не напрягайся, не сжимайся в себе, из себя не выскакивай, не мотайся, не марайся.

- Нужно быть достойным, как если бы я был изумруд, сохраняющий свой собственный свет.

- Ничего не случится со мной иначе, чем в согласии с природой целого.

- Дано мне не делать ничего против бога и моего гения.

- На что я сейчас употребляю свою душу, и чья сейчас у меня душа: ребенка, подростка, женщины, тирана?

- Какая часть целого уделена мне?

- На каком клочке целой земли я брожу?

- Какая доля зияющей вечности уделена мне?

- Какая часть моей души - в целом?

- Не во мне причина соединения и распада моей жизни.

- Я буду кротким, как кроток тот, кто меня отзывает.

- По прекращении помещена будет всякая часть меня в некую часть мира, а та превратится еще в другую часть мира и так без предела...

Отважившись на интерпретацию содержания самопознания Марка Аврелия, нельзя было не вспомнить слова Маргерит Юрсенар, литературно воссоздавшей «личность» императора Адриана, бывшего очень близким Марку. Основываясь на «Воспоминаниях» своего героя, она назвала их «подлинными камнями» проведенных реконструкций.

«Что значит научиться читать текст II века? Воспринимать его той душой и теми чувствами, которые были присущи людям той эпохи; помещать его в контекст современных событий; убирать, если можно, наслоения всех идей и чувств, образовавшихся между теми людьми и нами. И все же использовать — но осторожно и только в качестве подготовительной процедуры — возможность сближений и сопоставлений, новые перспективы, мало — помалу созданные столетиями веками и событиями, отделяющими нас от того текста, факта, человека; использовать их как своего рода вехи на возвратном пути к определенной точке во времени». (91; с. 295) Эта изящно

сформулированная установка поддерживала нас во всех опытах культурно – психологического моделирования личности.

Метод исследования культуры, предполагающий соединение времен на основе творческой интуиции отдаленного прошлого, глубокого понимания современности и видения культурных перспектив, можно обозначить как «трансвременной подход». Искусное применение этого подхода при интерпретации текстов Сократа, Платона, Апулея, Плутарха, Зенона, Эпиктета, Сенеки, М. Аврелия, позволило **Мишелю Фуко** осуществить обобщающую реконструкцию реалий, названных им «вспышкой римско-эллинистического индивидуализма». В центре внимания исследователя оказывается обращение многих людей античности к философии и другим знаниям о человеке и создание на этой основе практики, известной под именем «культура себя» или «забота о себе». (76)

В контексте традиционной общности, коллективного сознания, публичной жизни, жесткой системы семейных, экономических, клиентских и дружеских зависимостей, «культура себя» состояла в выработке лично – ориентированных правил поведения, усилении внутренней связи человека с самим собой, повышении значимости личной рефлексии и представления о себе как иницирующем начале (субъекте) своих действий. Освоенная «культура себя» означала развитие «личного» в индивиде, искусство индивидуального существования, внутренний императив человека, бытийный акцент на отношении **личность – я**.

Согласно Фуко, жизнь, протекающую под знаком заботы о себе, составляли следующие моменты.

Непрерывно действующая **установка на работу с собой**: внимание к своей душе, способностям своего тела, своему разуму, своему познанию, способам усовершенствования себя, достижению свободы и мудрости. Готовность учиться жить всю жизнь, видеть в себе главный предмет всей своей деятельности, размышлять о добродетелях и пороках, о счастье и жизненных

невзгодах, принимать наставления о достойных поступках, не чуждаться «взрослого воспитания».

Реальный труд над собой: вечерние и утренние погружения в себя, самоотчеты, обдумывание будущих дел, воспоминания о прошедшем дне, восстановление картин прошлой жизни, подведение итогов пройденного жизненного пути, выбор или общественной карьеры, или философствования и покоя самосозерцания. Практика «уединения в себе», философское руководство сознанием, кропотливая работа по выработке своих отношений к людям, миру, жизни. Беседы с учителем, другом, конфидентом о состояниях своей души и о состояниях его души – душевный обмен. Участие в деятельности общин, практикующих заботу личности о себе с помощью других людей. Деятельность в качестве учителя, наставника, проникшегося трудностями «работы над собой» другого человека. Приглашение философов – консультантов в качестве советников по делам экономическим, политическим и житейским, по вопросам преодоления страстей, исправления недостатков, исполнения долга.

Культ телесного и душевного здоровья: медицинские познания; представления о душевном здоровье как следствии хорошего образования, удачной карьеры, удовлетворения жизнью; вера в исцеление недугов путем «приведения в покой мыслей». Использование философских и медицинских практик при излечении прорывов необузданной энергии, умственных заблуждений, страхов и чрезмерных волнений. Исцеление в «школе философа» душевных недугов через интенсивное, болезненное осознание своих отклонений. Сочетание гимнастики, воинских упражнений с «уходом за душой». Знание, что тело и душа могут обмениваться недугами: дурные качества души влекут за собой телесную немочь, а эксцессы плоти питают душевные изъязвы. Особое внимание к телу взрослого, которое является непрочным, бранным, подточенным множеством невзгод и потому нуждающимся в пристальном наблюдении за расстройствами, защите от

излишеств и режиме. Рассмотрение нарушений морали как «болезней души», тем более тяжелых, чем менее они осознаются человеком.

Познание себя: процедуры самоиспытания, выражающиеся в воздержании от тех благ, которые ценятся выше всего, в умеренности при получении удовольствий, в подготовке к жизненным невзгодам, в приобретении опыта самоограничений, в лишении себя самого необходимого, в уходе от соблазнов, в скромности, позволяющей не выделяться среди других. Практика самоанализа: рассуждение о делах прошедшего дня и составление планов на следующий день; оценка своих поступков, совершенных за день; разборка происшедших событий; припоминание сказанного; постановка цели впредь избегать допущенных ошибок в поведении и действии; трезвое изучение себя не ради установления собственной вины и испытания стыда, а ради самосовершенствования. Работа мысли над собой: непрерывное самоисследование, ведущееся с целью проверить правильность своих представлений, выявить их источник и скрытый смысл, собрать все их содержания, выбрать в них главное для себя.

Поиск себя: без пренебрежения общественными делами и обязанностями – сдвиг внимания на отношение к себе; исследование тайны своей души с помощью философского уловления «знаков» этой тайны. Путь к овладению собой, к единоличной власти над собой, к уединению в самом себе; обращение к прошлому как единственной части жизни, неподвластной ничему, кроме памяти самого человека; приобретение опыта «наслаждения собой», радость от открытия себя – внутреннего, переживание того, что «ты сам – твоя лучшая часть».

По заключениям Фуко, европейская культура первых веков нашей эры подчинила желания, воображение и мифотворчество индивида рациональности особого рода. Искусство жить, исповедуемое ранней античностью, теперь все более заключалось в установлении этических и эстетических принципов существования, которые превращались субъектом в

критерии самопознания, задачи сознательного самоиспытания и меры удовлетворенности собой.

Личность – автор раннехристианской исповеди.

Наметившаяся у античных мыслителей рефлексивная линия раскрытия «личного» нашла продолжение в персональной литературной исповеди раннего средневековья. Общая логика освещаемых в ней чувств и идей ведет от состояния самососредоточения, к наполнению образа «я» уникальным биографическим и психологическим материалом, затем к сознательному отказу от личного, к самоосуждению и растворению себя в Вере и Служении.

Лучшим текстом такого рода становится созданная в V веке «Исповедь» **Аврелия Августина**, и сейчас поражающая масштабом заключенной в ней основной коллизии. С одной стороны, автором найдена непревзойденная «практика» работы с собственным «я». Показан зачаровывающий процесс погружения в глубину индивидуальной души, динамика откровенного самораскрытия и самоизменения, «Я – есть» кажется исходной точкой размышлений Августина о человеке и мире. С другой стороны, развивается универсальный канон исповедального текста, повествующего о человеческой жизни, отданной Богу. Отдельное «я» предстает в качестве «малой искры» всеобъемлющего света божества. Достигается трансперсональная цель, состоящая в самоочищении от личного ради того, чтобы «стать домом Бытия», и в соединении с «коллективным телом» братьев и сестер по вере.

Разрешая коллизию, автор творит гибкую диалектику личного, внеличного и надличного, следуя которой человек в составе общества верующих «укрупняет себя» в восхождении к Абсолюту. Особая культурно - психологическая ценность исповеди Августина состоит в том, что обращение отдельного «я» к Богу имеет форму доступного другим авторского текста, который отныне может быть «местом» и средством **самодетерминации и влияния** на множество людей.

Среди множества проанализированных исследователями философских, теологических, литературных и т. д. достоинств «Исповеди» довольно редко

отмечается насыщенность текста личными противоречиями жизни, придающими ему неповторимый динамизм и страстность звучания. Возможно, это самый психологичный момент самопознания Августина, максимально приближающий к тайне его личности и соответственно нуждающийся в корректной реконструкции.

Поставив эту задачу, мы использовали прием сгущения жизненных противоречий Августина в «**паттерны оппозиций**», выраженные языком оригинального текста. В результате проступила рефлексивная картина становящегося «я», устремленного к событию преодоления личностного кризиса, собравшего к определенному моменту жизни множество индивидуальных конфликтов, проживаемых в покаянии, трудно дающемся смирении и в воле к спасению.

Я предпочитал игры и зрелища, которые взрослые устраивают, соблазняя детей. ⇐⇒ Взрослые наказывали меня за это. ⇐⇒ Мне мучительны и непонятны были эти наказания.

Я был ленив в учении. ⇐⇒ Меня били учителя в школе. ⇐⇒ Родители одобряли этот обычай. ⇐⇒ А я, фактически, занимался тем же, чем наставник, бивший меня. ⇐⇒ Меня мучили и наказания и несправедливость.

Я обманывал в игре и обманом добивался превосходства над другими детьми. ⇐⇒ Меня уличали и наказывали. ⇐⇒ Я свирепел и не уступал. ⇐⇒ Я стыдился, что делал то, за что часто бранил других.

Я совершил поступок, который был мне приятен своей запретностью. ⇐⇒ Я хотел быть свободным, занимаясь тем, что запрещено. ⇐⇒ Меня смущали «запутанные» извивы души, эта тяга к проступку.

Я любил и был любимым. ⇐⇒ Страсти увлекали меня. ⇐⇒ Я падал, и был горд этим. ⇐⇒ Родители не удерживали меня. ⇐⇒ Туман желаний помрачал мое сердце.

Я хотел стать выдающимся оратором и мечтал о форуме. ⇐⇒ Мое тщеславие тешилось тем, что я был лучшим в риторской школе. ⇐⇒ Я начинал понимать, что ораторский блеск - искусство лжи.

Я решил заняться Священным Писанием. ⇐⇒ Но я не мог мириться с его простотой. ⇐⇒ Мое остроумие не проникало в его сердцевину. ⇐⇒ Но я и тогда искал Тебя, Боже мой, не зная, где Ты.

Я продавал победоносную болтливость, преподавая риторику. ⇐⇒ Хотел иметь хороших учеников. ⇐⇒ Они обманывали мои ожидания.

Умер мой друг. ⇐⇒ Я был в отчаянии, всюду была смерть. ⇐⇒ У меня родилось жестокое отвращение к жизни. ⇐⇒ Одновременно возник страх перед смертью. ⇐⇒ Я начал понимать, что нельзя никого любить так, словно он не может умереть. ⇐⇒ Я страдал еще больше.

Я узнал без больших затруднений науку красноречия, диалектику, геометрию, музыку, арифметику. ⇐⇒ Я пытался их разъяснить своим ученикам. ⇐⇒ Самого прилежного из моих учеников хватало лишь на то, чтобы не слишком медленно усваивать мои объяснения. ⇐⇒ Я начал сомневаться в пользе моего ума.

Я всегда знал, когда совершаю худое. ⇐⇒ Я часто считал, что грешу не я, а что-то другое, что мною не было. ⇐⇒ Я не считал себя виновным.

Я во всем сомневался и ни к чему не мог пристать. ⇐⇒ И все же я ждал, когда засветится передо мною что-то определенное, к чему направлю я свой путь. ⇐⇒ Ожидая, я стал катехуменом в Православной церкви.

Я искал известности, славя императора. ⇐⇒ Изнуряющие размышления о моей лжи донимали меня».

Мне улыбалось счастье. ⇐⇒ Мне было скучно ловить его. ⇐⇒ Я знал, что оно угаснет прежде, чем удастся схватить его.

Я искал мудрости и истины. ⇐⇒ Я хотел оставить пустые, тщетные желания, лживые увлечения. ⇐⇒ Я наслаждался ими, наслаждался настоящим, которое рассеивало меня.

Я хотел использовать влиятельных друзей, хотел получить хорошее место правителя провинции. ⇐⇒ Хотел жениться и вместе с женой, как многие достойные мужи, предаться мудрости. ⇐⇒ Я понимал, что тем самым лукаво предпочитаю женские объятия и известность истине.

Я искал, откуда мое зло. ⇐⇒ Меня тяготил и грыз страх смерти. ⇐⇒ Истина не давалась мне. ⇐⇒ Я начинал понимать, что сам Страх есть Зло.

Я искал истину, спрашивал себя, откуда зло. ⇐⇒ Искал я в молчании, обращаясь к Тебе, Милосердному. ⇐⇒ Люди не знали о тревоге моей. ⇐⇒ Благодаря Тебе, я вошел в свое сердце и увидел, что Ты сотворил все добрым, что зло - ухудшающееся добро. ⇐⇒ Я не мог найти пути, на котором можно насладиться Тобой, я не находил Пути Христа..

Одна моя воля была плотская - привязанность к женщине. ⇐⇒ Другая моя воля стремилась освободиться от всего для Тебя.

Закон в теле моем делал меня своим пленником. ⇐⇒ Я не спешил освободиться, лишь вяло говорил себе: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного». ⇐⇒ Так я, знающий Истину, уходил от закона Твоего. ⇐⇒ Тревога моя росла.

Ты, Господи, повернул меня лицом ко мне самому. ⇐⇒ Я увидел неправду свою и ужаснулся. ⇐⇒ Я стал ненавидеть себя. ⇐⇒ Но моя душа боялась, что ее вытянут из русла привычной жизни. ⇐⇒ Шел великий спор, поднятый во внутреннем доме моем.

Я «безумствовал, чтобы войти в разум. ⇐⇒ Я умирал, чтобы жить. ⇐⇒ Я разделился в самом себе. ⇐⇒ Я хотел пожелать союза с Тобой и не мог. ⇐⇒ Я боролся с собой и мучительно ждал, когда исчезнет мрак моих сомнений.

Наконец наступает решающее событие в жизни Августина, когда к нему, призывающему в саду избавление от мучительной «мирской зависимости», приходит долгожданный «знак»: Он слышит голос из соседнего дома, как будто мальчик или девочки, часто повторяет нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Следуя этому знаку, он открывает апостольские Послания и читает: «Облекитесь в Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти...». Наступает момент просветления: «После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Следует «разрешающий

поступок» - принятие Августином крещения и вступление в жизнь - во - Христе. (3)

Кроме осознанных противоречий, событий и ситуаций жизни, текст «Исповеди» содержит имплицитную матрицу самоформирования, состоящую из тех вопросов к себе, ответы на которые явно или неявно определили позиции, принятые решения и сделанные выборы автора в реальном жизненном пути и в исповедальном самоисследовании. Логика внутреннего **самовопрошания** выстраивается синхронно периодам индивидуального становления Августина от детства до зрелости. При этом она воссоздает «вечные», восходящие к архетипам души и разума проблемы, которые призван разрешить своим существованием каждый человек.

Откуда я пришел сюда, в эту жизнь?

Был ли я кем-нибудь до рождения?

Есть ли во мне тот, кто сам создает себя?

Что я любил? Что ненавидел?

На что направлял я свои способности?

Внешняя или внутренняя жизнь привлекала меня?

Желал ли я другим то, чего не желал себе?

Обманывал ли я, ради чего?

Отчего я страдал? В чем ошибался?

Нравился ли я себе? Что было моим падением?

Что увлекало меня? Ради чего я шел на проступки?

Чьих осуждений я боялся?

Что сделал для меня отец?

Для чего родители предоставляли мне свободу?

Что желала мне мать, что сделала для меня?

Как переживал я свою испорченность и падение?

Почему мне были приятны мои проступки?

Что влекло меня к другим?

Как я относился к любви?

Любил ли я вымысел, театр, поэзию?

О каких достижениях я мечтал?

К чему стремилось мое тщеславие?

В каких делах я преуспел?
Кто оказывал на меня наибольшее влияние?
Кто были мои друзья, что нас объединяло?
Каковы были мои потери?
Боялся ли я смерти?
Кого я любил?
Почему я покинул родные места, куда, зачем уехал?
Что казалось мне прекрасным?
Кем я восхищался, в ком нуждался?
Какие похвалы хотел я слышать в свой адрес?
Какие идеи и умственные занятия захватывали меня?
Что значили для меня деньги?
Кого я считал счастливым?
К чему я стремился, каких благ я хотел?
Что давалось мне особенно трудно?
Во что я верил? Что смог сделать из себя?
Кто и в чем разочаровал меня?
Что я ценил в других людях?
Что мне мешало работать?
Когда я бывал счастлив?
О ком я заботился? Кто любил меня?
Случалось ли мне избавляться от пороков?
В чем я сомневался?
Искал ли я поддержки влиятельных людей?
Как хотел я устроить свою жизнь?
Что доставляло мне наибольшее удовольствие?
Как понимал я свободу и свободную жизнь?
Под властью каких страхов я жил?
Какие способности я развил в себе?
Искал ли я истину?
Хотел ли я понять, что есть зло?
Думал ли я, что есть добро?
Шел ли мыслью в глубину свою?
Изменил ли я свою жизнь, в чем состояли эти изменения?
Какие испытания довелось мне пережить?

Какие противоречия находил я в жизни и в себе?
 За что я осуждал себя? О чем говорила мне моя совесть?
 В чем я искал и находил опору?
 Что больше всего заполняло мою жизнь?
 Чувствовал я себя единым или разделенным?
 Чего я желал постоянно?
 Что было для меня наибольшей радостью?
 От чего я отказался в своей жизни?
 Как изменились мои мысли и отношение к себе?
 Для кого моя исповедь?
 Есть во мне то, чего я не знаю о себе?
 В чем состоит моя работа с собой?
 Как мне искать счастливую жизнь?
 Какие противоречия есть во мне?
 На что надеюсь я в жизни? Чего я хочу избежать?
 Боюсь ли я того, что скрыто во мне?
 Смог ли я стать тем, чем не был?
 Хорошо ли я жил сам -с- собой?
 Что такое для меня мудрость?
 Кого из людей я считаю великим?
 Как я понимал и понимаю справедливость?
 Обладаю ли я какими-то исключительными дарами?
 Что было чудом в моей жизни?
 Чему стоит учить людей?
 В чем я смог собрать себя?

Вопросы, которые утверждали персонализм как глубокий взгляд человека на себя. Вопросы, не имеющие окончательных ответов и потому оставшиеся в европейском духе на долгие века. Вопросы, отвечая на которые, человек может создать мир своего «я». (64)

Личность зрелого средневековья.

«Личность» вошла в культуру средневековой Европы не только интроспективными образами таких необычайно одаренных людей, как Августин, но и обобщенными образами **человеческих типов**, с критической

полнотой воссоздающих ту или иную историческую специфику души, свойственную определенному множеству индивидов. Средневековый тип совсем не напоминал абстракцию от своих единичных носителей и фиксацию единообразия ситуативного поведения людей, как это было, например, в античных типологиях «темпераментов» и «характеров». Он был разнообразным в проявлениях и одновременно четко очерченным, обладал своей собственной речью с особым строем смыслов, символов и имен, объединял многих различных индивидов и мог быть признаком конкретного человека, осмысливался на уровнях народного сознания и литературы. То есть, в европейском персонализме постепенно определились и устремились к единству две линии движения к личности: **индивидуализированное самопознание и объективно-типологическое изучение.**

Согласно М. Бахтину (11), типологические феномены и построения средневековья отличались топографичностью и монолитностью, так как внутренние свойства и интенции отдельного носителя типа строго соответствовали его поступкам и действиям. Каждый тип указывал на определенные функцию - способ - смысл осуществления человеком коллективной жизни. Так, неуклонное следование христианским заповедям в отношении к себе и другим, спасение многих людей ценой собственных страданий составило сущность «**праведника**». Непрерывные сражения во имя благородной цели, доблесть непобедимого героя, достижение любви прекрасной девы, верность дружбе нашли жизненное и литературное выражение в типе «**рыцаря**». Преподавание книжной мудрости, обучение искусству толкования древних текстов, мастерство иносказаний и символической речи, бесконечные упражнения с учениками в вопрошании и поиске ответов обо всем, что составляет для человека тайну, сосредоточилось в типе «**учителя**». Бедность, наивность, простодушие, народная мудрость, грубоватый юмор, неприкрытый грех, желание лучшей доли, неприкаянные странствия, странные дарования, преодоление тяжелых жизненных испытаний обозначили тип человека из обездоленного большинства -

«простеца». Этот тип оказался столь вариативным и распространенным в средневековой Европе, что перечисление его трансформаций заняло у известного медиевиста Умберто Эко несколько страниц книги «Имя розы». Мир простецов наполняли бродяги – ваганты, шарлатаны, жулики, нищие, убогие, странники, сказители, безродное священство, бродячие студенты, отставные наемники, сумасброды, безумные, беглые преступники, кочующие мастеровые, продавцы индульгенций, бывшие монахи, гадатели, знахари, целители, мнимые больные, странствующие проповедники, лжеисповедники, собиратели пожертвований, бесприютные бедолаги и т. д. (83; с..290)

Среди разнообразных типов средневековья особо выделялся один, воплотивший не столько каноны внешнего поведения индивидов в общности, сколько внутреннее опровержение этих канонов – тип **«шута»**. Носитель данного типа обладал установкой критики и сомнения, которая противоречила общепринятым культурным нормам и потому была отмечена глубинным страхом личности перед возможными гонениями. Защитой индивида от непохожести на других становилась смеховая маска, выпячивающая и утрирующая праведную, рыцарскую, разумную и странническую жизнь, обозначившая разлом внутренней и внешней личности. Тип существовал в зазоре между серьезной рискованной игрой, ношением «дурацкого колпака» и умным взглядом на мир и на себя. Личности требовался тщательный самоконтроль, чтобы я - высвобождение от коллективной нормы было скрыто от окружающих, чтобы подлинное «я» оставалось тайной. Появилась новая форма личного самопознания - «отрицательная рефлексия», служащая не обоснованию желательного или образцового я – для – других, а сокрытию и сохранению я – для – себя.

Рефлексия «человека, который смеется» почти не отражена в жизнеописаниях и исповедях той эпохи. Однако остался текст одного знаменитого изгнанника, который отважился всерьез, в литературно – философской форме раскрыть свое неканоническое, конфликтующее с окружением «я» и утвердить его ценность на пути к Ренессансу. «История

моих бедствий» **Пьетро Абеляра** (1), продолжив через семь столетий традицию Августина и уводя далеко вперед, с завораживающим психологизмом развернула экзистенциальную ситуацию, в которой «состоялся средневековый всплеск индивидуальности» (8). В этой ситуации переплелось множество **конфликтных, субъективно примиренных моментов**, относящихся к внутренней и внешней жизни автора:

- присущие Абеляру выдающиеся способности и достижения в философии и теологии;
- его особенный взгляд на отношение человека с Богом;
- высокая самооценка своих дарований как ученого и учителя;
- отвержение братьями по мастерству его личной «профессиональной» позиции;
- романтическая и страстная любовь Абеляра, вызывающая у многих зависть и ревность;
- ожесточенное гонение Абеляра за инакомыслие и высокомерие ученого - одиночки;
- попытка Абеляра отказаться от авторских идей и трудов;
- страшная месть врагов за необычайную силу любовной страсти Абеляра;
- его отчаяние, протест, желание смерти;
- внутреннее принятие Абеляром испытанного наказания, покаяние, прощение своих врагов;
- путь Абеляра к благочестию;
- гордость своим благочестием и обличение тех, кто не верит в его искупление грехов и искренность смирения;
- соединение Абеляром веры и мысли в творческой проповеди и просвещении людей;
- создание своей исповеди в форме диалога, адресованного достойному и понимающему «другому».

Несмотря на сходство с «Исповедью» Августина, «История» Абеяра выявила новые мотивы личности, усилившие самостоятельность и самодостаточность автора. Во-первых, отчетливее проступает отношение «**я – другие**», реализующиеся в напряженном взаимодействии с учениками, философскими авторитетами, отцами церкви, любимой Элоизой и т. д. Во-вторых, допускается неповторимо **личное отношение к Богу**, сильно отклоняющееся от распространенной религиозной нормы. В-третьих, осознанные противоположности, наполнявшие его душевную жизнь, он старался разрешить не столько религиозно, сколько логически и этически, разрабатывая учение о диалектике вещи, смысла и слова. «Всем, кто знаком с жизнью Абеяра, известно, как глубок был раскол противоположностей в его собственной душе и как сильно он желал философски примирить их... Ум его - несомненно современный нам ум в своем зародыше. Он предупреждает, опережает и как бы предсказывает его. Так, белеющий поутру на горизонте свет есть уже свет невидимого солнца, которое должно озарить мир». (89; с. 79) В – четвертых, зрелое «я» Абеяра, устремляясь к надличному, не теряет человечности, остается живой, переживающей, познающей и оценивающей инстанцией, с которой автор не в силах расстаться.

Переносу основных отношений человека с Богом в личный план европейцы во многом обязаны **Майстеру Экхарту**, считавшему, что Абсолютное имеет **личностное бытие** в сокровенных душевных глубинах индивида, в откровениях его разума. Его утонченное релятивное сведение божественного и человеческого К. Г. Юнг интерпретировал так: «У Экхарта должно было осуществиться совершенно необычайное повышение душевной ценности, то есть ценности собственного внутреннего мира, если он мог подняться до чисто психологического понимания Бога и его отношения к человеку». (89; с. 298) Исторически пролонгированное в более поздние религиозные течения, учение Экхарта свидетельствовало, что Бог есть поистине Человек и внутреннее достояние человека, что Бог есть в человеке, когда тот повсюду и со всеми чувствует себя хорошо и безопасно, что

человеку, имеющему в себе Бога как ценность, всегда и везде хорошо на душе, и он не зависит ни от чего другого, что душа – это и есть Царство Божие, что Бог есть сила, воспринимаемая душой, а душа – Образ Божий. Отсюда, считал Юнг, был проложен путь к современным психологическим теориям о **трансцендентных функциях личности**.

Считается, что средневековый компонент стоит у истоков культуры современного индивидуализма. Однако, относящиеся к тем временам рефлексивные образы «я», знания о человеческих типах и идеи о личностной ипостаси Абсолюта еще не могли превратить «персональное» в одну из ведущих европейских ценностей. Персонализм средних веков развивался в подтексте традиционализма и преобладания коллективности. И все же это было заметное выделение «единственного» человека из человеческой совокупности, нахождение характерных отличий одних индивидов от других, постановка индивида в активное отношение к действительности, что в принципе допускало возможность «личного» отпасть от общности и Универсума, потерять укорененность в мировом целом.

Осознав эту перспективу, европейское Возрождение в колоссальном творческом прорыве наметило новую модель индивида, сочетающего универсализм, социальную типичность и неповторимость, «вплотную подготавливая современное понятие личности». (8)

Ренессансная личность.

Ренессансный взгляд на индивида (Петрарка, Лоренцо Великолепный, Пико делла Мирандола, Макьявелли, Эразм Роттердамский, Монтень, Шекспир) был скорее художественно - интуитивным, чем концептуально – логическим, но все же с непревзойденным мастерством уловил историческую и жизненную диалектику индивидуальной личности той эпохи. В красивых учениях и текстах открылось, как сосуществуют и переходят друг в друга стремление личности к идеалу человека и отказ от него; похожесть личности на других людей и ее неповторимое своеобразие; признание высокой ценности своего «я» и обесценивание «внутреннего» ради внешнего деяния и

достижения; обладание личностью устойчивой душевной сущностью и ее рассеянное существование во множестве «акциденций» - откликов на текущие события в мире. Для личности этого периода важнейшим было ее отношение с **внеличным** (человечеством, общностью, другими людьми), которое основывалось либо на осознанном воплощении в обществе образа «совершенного человека», либо на силе неосознанных желаний власти и превосходства, либо на напряженной рефлексии в диалоге «я – другие».

Динамичная модель становящейся в культурогенезе ренессансной личности может быть представлена в таких положениях.

1. Персонализм раннего Возрождения отмечен развитием идеи о **разнообразных категориях индивидов**, которые в совокупности воссоздают богатство лучших свойств, присущих «человеку вообще» и распределенных в человечестве и конкретной общности, согласно скрытому, недоступному осмыслению, «божественному» порядку. Мир Ренессанса предстает как населенный Мудрецами, Учеными, Художниками, Справедливыми правителями, Поэтами и т. д. В отдельном представителе каждой из категорий постулируется критически высокое развитие того или иного сущностного свойства, дарования души.

2. Новый гуманитарный ход – и частные достоинства названных категорий становятся **внутренними ориентирами для самопознания** конкретных индивидов, желающих испытать и «измерить» себя по параметрам многих высоких свойств, узнать «я» не одномерным, а насыщенным разными качествами. В самых масштабных опытах разнонаправленного саморазвития и обладания всеми совершенствами возникает изумительный феномен ренессансного «титанизма» - индивидуального достижения **всесторонности**, возводящей личность до уровня Универсума.

3. **Тип Титана**, выразивший синкретическое единство универсалий и персонально представленный многими великими творцами, правителями и философами, не застывает в культуре Возрождения самой ценной моделью личности. В XVI – XVII веках идея разделения людей по категориям, под

влиянием «моды» на рефлексию, поэзию и эпистолярное творчество, либерально трансформируется в идею **внутреннего разнообразия** не только избранных, но и всех других индивидов. Гуманистические установки и ожидания распространяются за пределы правящей и творческой элит, подразумевают потенциал индивидуальности, неординарности у людей разных общественных слоев. Восхождение к титанизму уже не выглядит единственным путем к разносторонности. Индивидуальная оттеночность становится не менее значимой для понимания человека, чем его типичность. Вариативность и множественность личного в индивиде начинает казаться более человеческой, чем статика немногих надличных свойств. Общность осознается как сфера, где в **отношениях со многими другими людьми** человек может приобрести и проявить индивидуальную полноту души.

4. Наметившаяся парадигма внутреннего разнообразия личности обусловила ряд поисковых шагов, рискованных для Универсализма. В частности, личные качества начинают рассматриваться в сильной зависимости от текущих событий и ситуаций жизни, которые, поглощая индивида, превращают его «разнообразие» в чересчур подвижное и изменчивое. При познании и самопознании такой **релятивный индивид** закономерно ускользает от строгих определений, утрачивает рациональные меры становления. Во «внутренней личности» обнаруживаются не только достоинства, но и дурные, темные черты, указывающие на его двойственность, противоречивость. Душевная сущность концептуально рассеивается по отдельным моментам жизни и претерпевает разделение, разлом. Полярность и вариативность индивидуальных качеств кажутся столь значительными, что наводят на мысль о полной **душевной непохожести людей**, о единственности, абсолютной несравнимости их поступков и действий. Концепты «совершенного в универсальности», «типичного» и «разнообразного» индивида в глубинах культурного сознания размываются представлением об уникальности отдельного человека, непознаваемости его индивидуальной тайны

5. Сомнения в личной достижимости Идеала и предположение о сущностной неопределимости конкретной души обращают внимание мыслителей XVI века, прежде всего, **Никколо Макьявелли**, на практический план жизни человека в обществе, и на выдающихся **индивидов – Деятелей**. Среди последних привлекают не столько создатели философских, художественных и научных ценностей, сколько умелые прагматики, делающие полезные вещи, связи и капитал, манипулирующие и управляющие людьми. Время – судьба – фортуна – обстоятельства – ситуация – желания – способ поведения – поступок становятся образующими их личности и общественного статуса. Они оцениваются вне зависимости от качественных характеристик поступков, которые могут быть сознательными, волевыми, милосердными, великодушными или неосознанными, вредными, жестокими, вероломными и т. д. Деятель вправе выглядеть всяким, быть активным в широчайшем диапазоне, демонстрировать поведенческое разнообразие, играть себя – многоликого и обладать репутацией человека, нужного всем. Безграничность внутреннего движения к идеальным качествам перестает соблазнять так, как беспредельное, интенсивное расширение **внешней личности**. Возможности индивидуализации заключены теперь не в надличном или внутриличном, а во внеличном: в практической деятельности, во власти и влияниях, в общности, в непосредственном окружении.

6. Наряду с превознесением власти, общественного успеха и деловой активности, в текстах позднего Ренессанса появляются **экзистенциальные** темы внутренней цены и трагических последствий «овнешнения» индивида. Достаточно ли свободно следовать в поведении своим влечениям и доводам рассудка, не основываясь на оценке собственных способностей, характера, склонностей к добру или злу? Не требует ли искусная функциональность государя, политика, воина или дельца запрета на рефлекссию как объективно и субъективно излишнюю? Можно ли, действуя от имени общности, исходить из себя, при этом **отказавшись от «я»**? Может ли самопознание Деятеля разрушить психологическую причинность успешной практической

жизни» и исполнения общественного долга? Почему принятая на себя роль – маска способна убить «я» у героя жизненной игры? Размышления подобного рода должны были привести к выводам, научно оформленным позднее в глубинной психологии. Согласно этим выводам, подчеркнуто внешняя установка сознания и деятельности ведет к расщеплению личности и образованию в глубине ее души «демона», сводящего с ума и провоцирующего жизненные катастрофы.

Шекспировский Гамлет, призванный своей королевской кровью масштабно действовать и поступать, ищет рефлексивные и ценностные основания деятельности, размышляя о долге и достоинстве «я». И если для **обретения себя** нужно демонстративно вывернуть изнаночную сторону свершений «деятеля» – преступления, убийства, извращенные желания, скрываемые мысли, то есть казаться безумным, но **не быть** им, он делает это. («То, что во мне, правдивей, чем игра...» «Никому не исторгнуть сердце моей тайны...» «Мне надо быть безумным...»)

Если скрытое самообоснование оказывается важнее внешних оценок, репутации, трона, он готов быть отвергнутым людьми, отторгнуть традицию и общность, испытать мучительное одиночество, сохраняя нравственное «я». («Я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства...»)

Но путь к себе парадоксально не завершен. Роль безумного растворяет Гамлета в себе, и к «я» возвращаются свидетельства пробужденного зла, следы одержимости призыванием Деятеля, последствия «бесчеловечных и кровавых дел, случайных кар, негаданных убийств, смертей, коварных козней». Знаками слабеющего «я» становятся вина и стыд. Сосредоточение на себе не спасает, душа Героя убита им самим, собственной **ролью** в слишком захватившей игре в месть и власть. В его одинокие размышления постоянно врываются голоса «других», но диалог лишь разрывает прежние связи и привязанности Гамлета. Близкий «другой» разоблачен, унижен, уничтожен. Гибельно переживаются боль отрицания человека и ужас

отрицания «я». («Что за мастерское создание – человек! Как он благороден разумом! Как он беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха?») (79)

Раскрыта экзистенциальная трагедия самой глубокой индивидуальности Ренессанса. На столетия **гамлетовская личность** становится живой реальностью и архетипом европейской жизни.

7. Можно знать, что для других ты безумен, но быть уверенным, что только на своем странном, исключительном пути тебе суждено осуществиться в полном согласии со своим лучшим «я». Вместо полезного действия – сплошное благородное поступление. Умолкающий в XV11 веке зов идеала милосердия и праведности услышан **Сервантесом**, который напомнил о нем образом «рыцаря бедного» **Дон – Кихота**. «Рыцарь» теперь – не столько знак одного из человеческих типов, сколько имя индивидуальности, видящей смысл жизни во встрече с Добром и Красотой.

Особенный, **выпадающий из коллективного контекста** индивид оказывается живущим в вымышленном мире – совершающим героические поступки – исполненным жажды идеала – достигающим единства намерений и поступков – всегда похожим на самого себя – свободным от общих правил - мудрым – одержимым благой целью - одиноким – рефлексирующим - наивным – смешным – отвергнутым близкими. Здесь самодостаточность и неординарность личности несовместимы с духом общности; целостность и автономия личности равноценны для других людей душевной болезни; ее искренность принимается за «игру шута». Но художественно раскрытый абсурд только возвеличил индивидуальность.

8. Изверившись в понимании окружающих, часто отвергая родовые занятия и богатства, являясь «книжной», хорошо образованной, порою, высоко ученой, индивидуальная личность позднего Ренессанса часто пускается в далекие странствия по европейским дорогам. Их целью, кроме протестного

ухода, становилось познание реальной жизни за пределами фамильного замка, семейного дома, купеческой лавки или банкирской конторы, а главным смыслом - непрерывное наполнение и собирание личных отношений к жизни в своем единственном и одиноком «я», то есть, **встреча с собой**.

Товарищ догнал Зенона и положил ему руку на плечо.

- Брат, она ведь любит тебя. Говорит, что будет ждать тебя хоть до скончания века.

Паломник приостановился.

- Тем хуже... Другой ждет меня в другом месте. К нему я и иду.

И он зашагал дальше.

- Кто ждет? Неужто беззубый старикан, приор Леона?

Зенон обернулся.

- Нет, - сказал он. – Нис Zeno. Я сам. (91)

9. Переход к постренессансному этапу культурогенеза «личности» был отмечен опытом научного и литературного соединения типизации и индивидуализации человека. Отзывающиеся универсализмом поиски «типов», указывающих на мастерство, занятия, способности, душевные отклонения людей, сочетаются с детальными, психологичными описаниями наиболее ярких представителей каждого типа. Рождаются **аналитические модели носителей типов**, связывающие ее телесные, подвижные психические и устойчивые личностные особенности. В этом смысле показательны физиогномические описания, сделанные **Лафатером** и красиво представленные у В. Гете. (20). Приведем их, незначительно изменив порядок изложения.

Сначала о Поэте.

Строение тела. Долговязая, нескладная фигура, впалая грудь. Тело гибкое, вытянутое, плоское; в его очертаниях - ни одной прямой, натянутой, решительно округлой, жестко согнутой линии, ни одной угловатой выемки,

никакого намека на жесткость или окаменелость. Впечатление некоторой женственности облика.

Черты лица. Белокурые волосы; цвет лица - не бледность все созидающего и все поглощающего гения, не пылающий румянец того, кто презрительно попирает ногами окружающий мир, не молочная белизна тупицы или желтизна жестокосердного упряма, не смуглость усердного труженика, но бело - розовые и фиолетовые тона. Любой предмет, имеющий до него касательство, гонит кровь к щекам и к носу; кожа чуткая и нежная. Вздернутая и выдающаяся вперед верхняя губа; мягко очерченный нос; в нижней части лица - признаки чувственности, вялости, беспечности; изящный изгиб век, блестящие глаза; белый гладкий лоб. Профиль несколько расплывчатый и вытянутый; фас определеннее профиля. В целом, лицо привлекательное, милое, веселое, благодушное, доброжелательное и переменчивое вследствие крайней восприимчивости. Взгляд его - не огненный взгляд орла; Чело и нос не несут отпечатка львиного мужества. В лице и посадке головы - тонкость, великодушие, чистота. Восхитительное впечатление цветущей юности.

Телесные движения Существо подвижное, парящее, податливое, мягкое, медлительно - плавное в движениях. Некоторая юношеская суетность и вместе с тем - свобода, упругая энергия, толкающая тело вперед и так же легко отталкивающая назад.

Переживания. Тонкая чувствительность, трепетность, страстность, крайняя возбудимость, восприимчивость. Искренность переживаний, отзывчивость на любые впечатления, открытость, податливость и быстрота чувств. Чувства чести, девичьей стыдливости, гордости, свободы. Внутренний пыл и одновременно - простота и скромность без всякой аффектации. Благодушие, добросердечие и благородство. Высота, глубина, вечный полет чувств. Легкий отклик на соблазны; утонченный вкус; чувствительность к красоте; как бы вечная влюбленность; незапятнанное правдолюбие.

Качества ума, характера, деятельности. Ум: прямой, ищущий правды, но не исследующий истину, не глубокий, не резонерствующий, не осмотрительный. Это ум воображения, ум фантазии: вечно парящий, созерцающий, идеализирующий, приукрашивающий, не создающий, но пересоздающий и облагораживающий, всему сообщающий облик героического. Характер: соединение доброты, честности, благородства, человечности, мужественного самосознания, широты, открытости, скромности, целомудрия, безыскусственности, стремления подняться над самим собой. Черты деятеля: не исследователь, не изобретатель, не вдумчивый сочинитель. Всегда немного хмельной поэт, витающий в воздушных сферах и камнем падающий на землю. Не строит далеко идущих планов; не создан, чтобы действовать решительно и планомерно, с энергичной настойчивостью деятельного мужа или воина. Но это поэт, исполненный огня и отваги, мечтатель, гений, воплощение всех своих идей.

Общий уровень душевной активности. Он полон жизни; обладает могучей энергией поэтического выражения; переполнен целеустремленных сил. Он - кипящий, роскошный гений с легкокрылой творческой силой, преисполненный огня. В нем есть и сила, и слабость одновременно. Он податлив и при этом жаждет свободы. Иногда расслаблен, но чаще удивляет упругой энергичностью. Противоречия только подчеркивают великолепную игру целого.

Для сравнения - о Художнике.

Строение тела Он среднего роста, широк в плечах и плотен, с несколько округлыми, но вполне определенными очертаниями тела. В них есть даже некоторая резкость и жесткость. Общее впечатление массивности и недюжинной телесной силы.

Черты лица Лицо с «концентрированными», сосредоточенными, твердыми чертами. Резко очерченный лоб и нос; резко выступающие округлые кости глазниц. Лоб, нос, взор - все нависло, все устремлено книзу, как у забавнейшего сатира. В лице - ничего вялого, разве что в полузакрытых

глазах, в линиях рта и носа проступает сладострастие. Общее выражение величия, подобранности, а также простоты и приятности.

Телесные движения. В движениях - концентрированная и живая сила. Собранность и сдержанность всех движений и походки. Выразительность внешних действий уступает внутренней выразительности. Действия кажутся рельефными и иногда угловатыми.

Переживания. Чувствительность, искренность, взволнованность, сила и постоянство чувств. Любовь к доброму, благородному, возвышенному. Великодушие в дружбе; ненависть и отвращение к несправедливости, коварству, тирании. Любовь к людям, независимо от их силы, известности, признания. Прихотливость и красочность переживаний. Глубокое чувство гармонии и красоты.

Качества ума, характера, деятельности. Ум: много выдумки, оригинальности, все оживляющего остроумия, которое «не почерпает свои объекты вовне, но выбрасывает их из себя». Прямота и правильность ума. Но при этом, склонность к легкомыслию, опрометчивости. Одновременно, уважение к мудрости. Характер: честность, благородство, искание славы, доброта, великодушие, постоянство, простота, отвага. Черты деятеля: способность вести дела, успехи в практической жизни, направленность к цели, упрямство, могучий и грозный талант деятеля, оригинальность замыслов.

Общий уровень душевной активности. Это человек неистовой силы и прихотливости таланта, полный творческой мощи и устремленности. В нем много страсти к жизни и ее соблазнам, энергии, наступательности. Производит впечатление величия.

Восхищенный, «включенный» взгляд на человека Возрождения, открывшего свою **многогранную и суверенную личность**, нашел целостное выражение в словах Пико делла Мирандолы, вложенных в уста Бога: «Я не назначил тебе, о, Адам, ни лица, ни определенного места, ни особенного, одному тебе присущего дарования, дабы свое лицо, свое место и свои

дарования ты возжелал сам, сам завоевал и сам распорядился ими... Ты, кому не положены пределы, своей собственной властью, мною тебе врученной, **сам творишь себя**. Я поставил тебя в средоточие мира, дабы тебе виднее было все, чем богат этот мир. Я не создал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, дабы ты сам, подобно славному живописцу или искусному ваятелю, завершил свою собственную форму.» (Цит. по: 91; с. 313)

Фаустовская личность.

Приведенные смыслы ренессансного понимания личности можно считать важными ментальными предпосылками культурного периода, который традиционно называется Просвещением, иногда Романтизмом, хотя, в связи с распространением в массовом сознании воли к индивидуализации, его можно считать эпохой Персонализма. В новой культурной реальности переплелись и получили развитие все вехи исторического движения к познанию личности:

- раннефилософские размышления о месте человека в мире;
- самопознание в измерении человеческого «образца», «эталона»;
- самопознание с целью самоотрешения во имя Бога;
- десакрализация пути к своему «я»;
- познание себя как причины свершений и бедствий на личном жизненном пути;
- учение об «идеальном человеке» - единстве всесторонности и гармонии;
- идеи о высвобождении и неразрывной связи «личного» и «коллективного»;
- понимание индивидуального как «несравнимого»;
- идеи о соотношении «безличности» и потери «я» с практической эффективностью индивида;
- понимание «типа» и «индивидуальности» как равноценных форм существования «личного»;

- идеи о неизменном душевном строе и неуловимой душевной динамике личности;
- различие «поступков» и «действий» по критериям внутреннего обоснования, осмысленности и рефлексии;
- взгляд на индивидуального человека как имеющего внутреннюю власть изменять мир, жизнь других и собственную жизнь.

Героем жизни и гуманитарного познания XV111 века стал человек – субъект, человек самоопределяющийся, преодолевающий анонимность общности, деятельный по внутренним критериям христианина, гражданина и творца. Его личность соединила в себе расширяющиеся сознательные и бессознательные отношения с **внеличным**, конкретными «другими», **надличным** и выразила коллизии индивидуальной жизни и индивидуального «я», ранее не отрефлексированные субъектами культуры.

Из наметившихся мотивов персонализма наибольшее усиление получил мотив индивидуального творчества и творческой личности, способной к авторским переворотам в сфере духа, культуры, познания. Непревзойденным певцом и воплощением **личности творца** стал **И.–В. Гете**. Ему, последователю Спинозы, Лессинга, Винкельмана, Гердера, удалось превратить многовековые гипотезы о человеке – создателе в авторитетный гуманитарный канон, покоровший европейцев. Психологичный образ **Фауста**, рожденный Гете, имел множество средневековых и ренессансных прототипов, символизировал Эго автора, получил развитие в «личности Гения» у Дидро и Руссо, был многократно научно проинтерпретирован.

Одной из лучших интерпретаций личности Фауста как распространенной несколько веков «формы» развития реальных индивидов является **«фаустовский человек» (ФЧ) Освальда Шпенглера**. (81) Усиливая психологические акценты, структурируем и приведем данную модель личности с дополнениями из жизнеописания Гете. (20)

- ФЧ мог появиться в обществе, обладающим коперниковским самосознанием, в обществе индивидуальной культуры, которое предполагает

существование людей в безграничном мире, бесконечном пространстве, потоке вечного бытия, в движении к бессмертию души.

- ФЧ характеризуют разнообразные «комплексы действий», «внутреннее сосредоточение сил», «интенсивные деяния», «активное чувство жизни», «душевное пространство», где доминируют не статические элементы, а процессы. Строй души ФЧ назвали бы сейчас «динамической структурой».

- Идеалом ФЧ является «жизнь с совершенной динамикой», то есть направляемая рациональными устремлениями, индивидуальной волей, проистекающей из «уверенного в себе разума», развивающимся мышлением, творческой фантазией. Наилучшей формой такой жизни выступает «деятельность», осваивающая мир, пространство и время, отвечающая дарованиям индивида, духу современности и общественным ожиданиям.

- Стиль фаустовской жизни – порождение новых понятий, смыслов, образов, символов, панорамных картин бытия, построение «личных миров». Открытый в себе Гете «творящий талант» или Гений является достоянием всякого человека. Каждый с помощью других должен дать своему таланту пробудиться и развернуться.

- Бытийные векторы ФЧ составляют: «восхождение к себе», «жизненная перспектива» и «внутреннее прошлое» или биография. Восхождение к себе означает индивидуальное самопознание, раскрытие своего потенциала, нравственную работу над собой, самооправдание верой и достойными деяниями, признание равенства всех человеческих состояний у «ты» и «я». Жизненная перспектива – страстное предвосхищение будущей реализации личных возможностей, фаустовский прорыв в отдаленное завтра, вечное предстояние себе. Внутреннее прошлое – непрерывная память о событиях, ситуациях, состояниях и отношениях истекшей жизни.

- Восхождение, биография и перспектива соединяются в творчестве ФЧ, выступают тремя мерами самовыражения и самоформирования творца. Например, литературные произведения посредством образов героев связаны с актуальным «я» автора, воссоздают контуры его прошлого, заключают

потенциал авторских духовных влияний на других. У Гете это звучит так: «Все мною опубликованное – отрывки единой, большой исповеди» (20; с. 232)

- Устойчивое фаустовское впечатление о себе и других людях обобщено в понятии «характер». Оно обозначает внутренний итог индивидуальной биографии и самопознания, душевную определенность и цельность индивида, «характерность» исполнения деятельности. Характер, или «личность», отличают и отделяют индивида от других, но сила этой автономии проявляется не когда человек «занят исключительно собой», а в его жизненных отношениях с людьми.

- Многообразные, индивидуализированные отношения к другим составляют исторически новую привилегию ФЧ. Согласно Гете, они состоят в защите перед другими права быть личностью, в стремлении пополнить при общении свою сущность, в терпимости и принятии всех людей без исключения, в поиске одиночества для успешного творчества, в самовосстановлении при разрушительных воздействиях других, в самоотречении во имя ближних.

- Внутри биографии, отношений и деятельности возникают сложные коллизии ФЧ. Так, избыточные «вожделения» личного превосходства, сверхэнергичное творческое бытие превращают его жизнь в преодоление, неуклонное движение к цели, прогрессирование. Неизбежное внешнее сопротивление этому вовлекает личность в непрерывную борьбу с миром, с другими, с собой. Победы заставляют снова и снова искать переживаний опасности, напряжения и удовлетворения властью.

- Невозможность ценой борьбы длительно поддерживать личное достоинство придает жизни ФЧ трагизм. Фаустовская душа вообще трагична с ее переживанием «Я», затерянным в бесконечности, ощущением своей силы, бессильной в столкновении с более великими силами, напряжением воли, отмеченной влечением к свободе и страхом перед ней, самоутверждением, которое ввиду неизбежной смерти оборачивается чувством вины при мысли о Высшем.. Исход страданий личности не имеет

абсолютной предопределенности и намечается ее собственными выборами. Если коллизии субъективно неразрешимы, ФЧ допускает для себя отрицательное отношение к жизни. В фаустовском сообществе сострадают самоубийцам.

- Кроме рациональных аспектов индивидуального бытия, у ФЧ выражены его бессознательные или «демонические аспекты. Присутствие «демонизма» проявляется в стремлении к сверхчувственному, в возвращающихся мыслях о необъятном и непостижимом, в жизненных противоречиях, в том, что кажется неразумным и в чем заключено для человека «некое злорадство», в том, что походит на случайность и вместе с тем на промысел, что сжимает время и раздвигает пространство, что влечет к невозможному и что действует в человеческом существовании как судьба. «Словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает? Ведь даже мало кто помнит, откуда он пришел» (20; с. 660)

Главными фигурами **фаустовского сообщества** становились мыслители, философы, поэты, пророки. В этом ряду со временем появились и психологи – «созидательные знатоки духовных эпох личности». (81; с.502) Во многом, благодаря их открытиям и активной трансляции идей, фаустовский человек обладает над европейцами властью архетипа и рационального идеала.

Проникнув в XIX веке в русскую литературу, психологический канон фаустовской личности вдохновил Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого на открытие многих потаенных сторон величия и падения творца.

Моцарт и Сальери в дивном сочинении Пушкина (53) выступают не столько знаменитыми персоналиями, сколько символами противоположных способов бытия **Художника**. В мелодии пушкинских строк таинственно звучат и с силой прорываются две ведущие темы произведения: динамичный, неуловимый склад личности «творца – гения» и трудно формируемый склад

«творца – мастера». Воссоздаются два укорененных в творческих средах **личностных типа**, связанных между собой неразрывными отношениями взаимодополнения, взаимопритяжения, единства и противодействия. В культуре они известны как «моцартовский» и «сальерианский» типы, имеющие философские, филологические, искусствоведческие и т. д. толкования. При этом психологические нюансы типов сравнительно редко становятся специальным предметом рассмотрения.

В психологической интерпретации, типы «Моцарт» и «Сальери» предстают не столько двумя категориями творцов, сходными и различными по ряду качеств и свойств, сколько выражением двойственной сущности, **двух ипостасей** творческой индивидуальности, способной осознать свою коренную коллизию. Возможно, интуиция присутствия и конфликта «внутреннего Моцарта» и «внутреннего Сальери» привела Пушкина к бесценному поэтическому прозрению.

Итак, в личности Художника заключены два начала развития таланта: направление «к Моцарту» и направление «к Сальери». Первое предполагает уловление в себе «божественного дара», ощущение себя «послом» великих сил, таинство встреч со своим гением в спонтанном творчестве, уникальные создания, являющиеся и отданные людям как «голос бога на земле». Второе - многотрудное и долгое овладение мастерством, поиск тайн творчества в культуре, труде и произведениях великих мастеров, опору на разум, «логику» искусства и волю, вознаграждение себя одиноким вдохновением и наслаждением. Эти направления могут быть гармонично реализованы и согласованы творцом или могут сойтись в трагической коллизии, разрешающейся смертью Дара.

Пушкинский текст является **исповедью Сальери**, обосновывающей необходимость и «законность» бытия творца - труженика и служителя искусства в противовес случайным вспышкам гениальности, разрушающим «всеобщий порядок вещей». Но сильнее, чем убежденные рассуждения о высоких свойствах и величии пути мастера, звучит теневая сторона

исповеди, где слышатся сомнения, страх и неуверенность перед лицом моцартовского Гения.

Воссоздаваемый исповедальным текстом «Сальери» (личность, тип, ипостась творца) предстает психологическим **континуумом черт и жизненных событий**, детерминирующим финальный поступок разрушения»:

- раннее влечение к определенному искусству («отверг я рано праздные забавы..., предался одной музыке»);
- овладение ремеслом как «подножием» творчества («музыку я разъял как труп...; поверял я алгеброй гармонию...; в науке искушенный, дерзнул предаться творческой мечте);
- упорный многодневный труд без сна и пищи с проблесками вдохновения и восторга, полный «любви горячей», самоотвержения, усердия, молений;
- отказ от своих созданий, уничтожение плодов тяжкого труда («я жег мой труд и холодно смотрел, как мысль моя и звуки, мной рожденны, пылая, с легким дымом исчезали»);
- следование за великими творцами, открывающими новое в искусстве («быть может, новый Гайдн сотворит великое – я наслажусь им...»);
- возвышение своего мастерства в кропотливом труде и авторских достижениях («усильным, напряженным постоянством я, наконец, в искусстве безграничном достигнул степени высокой»);
- приобретение славы, успеха, известности, довольства своими произведениями («слава мне улыбнулась; я в сердцах людей нашел созвучия своим созданиям; я счастлив был»);
- дружба с товарищами по искусству («я наслаждался мирно трудами и успехами друзей, товарищей в искусстве дивном»);
- гордость за свою принадлежность к избранным, надменное презрение к тем, кто лишен таланта и лишь подражает ему («мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля; мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алитъери»);

- испытание ревностью к моцартовскому дару, имеющему неведомый, высший источник («я ныне Завистник..., я завидую глубоко, мучительно...»);
- поклонение творческому Гению и отрицание его как нарушителя «законов» разумного, направленного творчества («что пользы, если Моцарт будет жить и новой высоты еще достигнет? поднимет ли он тем искусство? нет, оно падет, как только он исчезнет»);
- обесценивание своего труда и таланта перед сиянием «священного дара», тайное желание смертью преодолеть боль зависти («я мало жизнь люблю...; жажда смерти мучила меня...»);
- способность уничтожить Гения, насладившись его предсмертной песней («он несколько занес нам песен райских, чтоб, возмутив бескрылое желанье в нас, чадах праха, после улететь...; так улетай же, чем скорей, тем лучше»);
- прозрение истинного смысла своей коллизии: не «мой гений – мое злодейство», а «его гений – мое злодейство»; Сальери – только убийца и самоубийца тайной моцартовской части своей души.

Исповедь Сальери диалогична, обращена то к собратям по искусству, то к Моцарту - своему врагу и божеству. Но в этом диалоге Моцарт творит, чувствует и действует лишь в отношении к Сальери, в его воображении и мысли и потому зависит от него, отдан ему во власть, теряет для него реальность и ценность «индивидуальной личности». Его «Моцарт» явился из иного мира, и несет в себе непостижимую связь бессмертного гения, глубины и стройности творений, неповторимости дара, беспечной доброты, веселья, легкомыслия, праздности, притяжения зла других, предчувствий трагической судьбы, авторства Реквиема - прекрасного и пугающего порождения Смерти. Однако, именно выведение Гения за пределы «личного» делает его парадоксально неустранимым из жизни Сальери. Моцарт всегда будет с ним как недоступный и непревзойденный идеала творца.

Продолжая тему творческого человека, нужно подчеркнуть ту роль, которую в эпоху Просвещения приобрела **личность Ученого**. Моделью этой

личности, явно восходящей к гетевской традиции, является типология **В. Оствальда**, построенная на основе изучения индивидуальных биографий ученых (89; с. 391). Покажем, как эта модель интегрирует **типы** ученого - романтика и ученого - классика.

По стилю работы над произведениями:

Романтик отличается оригинальностью идей и образов, смелостью и своеобразием текстов, избытком генерируемых смыслов, высокими темпами работы, большим количеством завершенных и незавершенных сочинений. Непрерывно возникающее вдохновение часто «отверзает уста» и заражает единомышленников.

Классик придерживается только близких ему внутренних идей и соответствующих им образов, часто принципиально меняет и обновляет темы творчества, создает тщательно продуманные сжатые тексты, долго отделяет сочинения, не стремится к их многочисленности, избегает творческих ошибок, которые означают для него выбор «не своих» тем. Приходящее вдохновение «смыкает уста» и направляет всю энергию мысли в глубину предмета

По отношению к адресату произведений:

Романтик быстро интеллектуально реагирует на требования текущей жизни, на актуальные ожидания читателя. Его произведение действует убеждающе и воспаляюще, его «голос», присутствующий в тексте, создает у адресата эффект личного общения с автором. Он невольно вызывает к себе личное, почти интимное отношение, так как выражаемые им содержания и установки активно эмпатируют читателю. Его культурные влияния сильны, непосредственны, а имя общеизвестно.

Классик, прежде всего, заинтересован в текстовом выражении собственных интеллектуальных ожиданий к миру, не особенно заботясь о непосредственной реакции читателей на его сочинения и о своей личной близости им. Его тексты часто малодоступны, содержат готовые результаты размышлений или внутренних «видений», не открывают авторского

движения к открытиям или прозрениям. Их влияние на культурную среду обычно опосредовано интерпретациями последователей и учеников и иногда отсрочено на многие годы.

По характеру творческого пути:

Романтик рано проявляет дарование, начинает печататься, приобретает известность. Активно выступает в защиту своих трудов, сам заботится об их широкой популяризации, смолodu развивает бурную академическую деятельность, обладает большим кругом знакомств, где находит множество поклонников и единомышленников. Приобретает много учеников, становится создателем собственной школы, иногда достигает большой прижизненной славы, даже величия. Затраты творческой и жизненной энергии столь велики, что сравнительно быстро наступает истощение, отчасти преодолеваемое живительным успехом в обществе.

Классик начинает печататься сравнительно поздно. Труды следуют один за другим с большими промежутками. Избегает академической деятельности, а если приступает к ней, то бывает вынужденным отказаться от нее из-за отсутствия понимания со стороны студентов. Всю жизнь стремится к уединенной деятельности. Его ученики и приверженцы идей малочисленны, и он почти не тратит на них сил и времени. Поздно приобретает известность, не выходящую за пределы его профессиональной среды. Основные труды появляются в зрелые годы. Творческий путь бывает весьма длительным и до старости плодотворным, хотя подлинное признание часто приходит после смерти.

Основываясь на биографиях ученых – естествоиспытателей, Оствальд обнаружил у них типологические черты, которые, по заключению К. Юнга, объединяют их с людьми из других творческих сред: философами, писателями, учеными – гуманитариями. Таким образом, были найдены важные психологические константы творческих личностей.

1. 2. МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ В ЕЕ СВЯЗИ С ЖИЗНЬЮ

Активное развитие персонализма в XIX – начале и середине XX веков шло не только в литературном, но и в **философском** русле, внутри которого постепенно оформились плодотворные **психологические** учения о личности. Давнее взаимовлияние личностной литературы, философской антропологии и психологии личности определило становление **современной персонологии** как комплексной науки о личности. Отчетливые персонологические акценты можно обнаружить в учениях Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Бердяева, Франка. Стройные персонологические модели были предложены психоанализом, глубинной психологией, структурной психологией и экзистенциализмом. Одновременно в противовес личностной направленности европейской культуры периодически усиливались тенденции антиперсонализма, присущие, например, мистическим учениям, идеализму, теософии, некоторым социальным и постмодернистским теориям.

Проблема личности в разработке талантливых исследователей приобретала разнообразные, иногда конкурирующие интерпретации. Однако, вследствие всеобъемлющей эрудиции и творческой интуиции авторов, они достаточно хорошо сопоставлялись и ложились в общую систему понимания, выдвинувшего «личность» на место онтологической доминанты. Многие философско - психологические учения того времени стремились охватить все коренные связи личности: с Универсумом, жизнью, социумом, «другим», собственным «я».

Те или иные из перечисленных связей могли выступать ведущими принципами познания личности, определяя **парадигму** авторской концепции, направления или научной школы. Известно, что в историческом мерцании персонологических парадигм выделились:

- взгляд на личность с «абсолютной» точки зрения;
- познание личности в фокусе социальности;
- рефлексивно – феноменологический подход к личности;

- структурно- типологическое изучение личности;
- познание личности в измерении **жизни**.

Последнему из направлений в ходе своего развития удалось обосновать единство «личного» с витальными – психическими – духовными – практическими – рефлексивными – социальными - Бытийными потенциями и реалиями индивидуальной жизни и приблизиться к решению проблемы **синтеза** персонологических знаний.

Общим для теорий этого направления, или «теорий жизни», является, во-первых, придание «жизни» не только биологического, но и расширенного бытийного значения. Во-вторых, усмотрение в «жизни» необходимого толчка и основания для личностного становления. В-третьих, поиск соотношения трансцендентных истоков индивидуального бытия, психологической сущности индивида и динамики его жизненных сил и процессов. В-четвертых, установление различных взаимосвязей личность - жизнь, например, «личность внутри жизни», «личность в отношении к жизни», «жизнь в личностно активной форме». И еще одна общая позиция – понимание личности как внутреннего центра «духовных актов», направленных на производство образов, идей, смыслов, символов, способов поступков и действий, в каждом из которых личность присутствует сполна.

Признаки сходства теорий жизни были и критериями их специфичности. Многие теории утверждали себя через сравнение с другими, подчеркивая свои отличительные идеи. Так, в частности, создавались системы Шелера, Бердяева, Бубера – видных философских критиков и персоналистов начала прошлого века.

Если продолжить традицию сравнительного анализа теорий и в качестве основной темы сопоставления взять связь личность - жизнь, можно реконструировать следующие персонологические модели, дающие различные интерпретации соотношения личности с собственной жизнью.

1. Модель отрицательной связи личности с жизнью: «витализм»

Шопенгауэра, Ницше, раннего Фрейда; «декаданс» Бахофена, Клагеса, Шпенглера, Хейзинги.

Согласно данной интерпретации, жизнь пробуждается в человеке порывом или стремительным влечением к ней, несет с собой мощный заряд психической энергии и иррациональные устремления к подлинному, то есть отвечающему эмпирической реальности, существованию. В спонтанной бытийной динамике оживляется духовный потенциал индивида: формируются сознательное мышление, воображение, переживание, то есть процессы духа, состоящие из идеальных актов. Ими обеспечивается индивидуальное освоение отвлеченных коллективных идей, образов, символических феноменов и высших чувств. Наиболее деятельные из духовных образований и процессов концентрируются в «**центре духа**» или «личности», способной к духовному иницированию. Посредством идеализации и личностного самоопределения, индивид реализует культурные предпосылки человеческой жизни, а также обогащает их, включаясь в разнообразную культурную практику: социальную, научную, техническую, художественную, политическую и т. д.

Выделение духовной деятельности из естественного потока жизни вызывает раздвоение индивидуального бытия. Сознательная активность духа создает труднопроходимую границу между «поверхностным», разумным, культурным, нормативным в индивиде и его «глубинным», первичным, инстинктивным. Исходное, жизненное стремление к самоосуществлению, овладению всем сущим или «воля к власти», стремление к обладанию другими людьми и индивидуальному превосходству начинают ограничиваться духовными установками личности. В жизнь деструктивно вмешивается «принцип дереализации», когда сознание замещает непосредственные впечатления идеальными конструктами, а стремящиеся к высвобождению естественные влечения подавляет и вытесняет. Таким образом, жизнь обессиливается духом, **личностное начало** противостоит

безличному, бессознательному. Добиваясь возврата к жизни, личность вместо свободного, творческого следования жизненным порывам, пытается их познать, рационализировать и придать интеллектуальным формам то, что на ее взгляд присуще бессознательному: недосказанность, двусмысленность, многозначность, насмешливость, иногда непристойность и аморальность. Здесь современный человек, считал Фридрих Ницше, становится «существом окраины жизни», перед которым открываются не высоты Духа, а головокружительные темные бездны.

Согласно Ницше, первичные жизненные порывы сполна реализовались в «аполлонических» и «дионисийских» состояниях античной личности, пробуждаемых искусством, уводящих человека за границы рациональной жизни и способных, как к конфликту, так и единству. Аполлоническое состояние сравнимо со сновидением; это царство фантазий и блистательных иллюзий, торжество соразмерности и гармонии, ограничение дикости и необузданности, интуитивное творение прекрасных образов, лучший из которых – образ божества, все соединяющий и примиряющий в человеческой жизни. Дионисийское состояние, напротив, означает, освобождение всей беспредельности влечения к жизни, попрание принципа единства и гармонии и восторг от этого попраiania, разложение индивидуальности на коллективные желания и ощущения, примирение человека с природным и животным в нем, слияние индивида со всеми ближними, упоение своим «естественным существованием».

Человек современной культуры почти утратил способность к непосредственной связи с увлекающей, полной образотворчества и чувственных удовольствий жизнью. Поэтому личность все чаще обращается к оборотной стороне человеческого бытия, где совершается непрерывное старение, увядание, умирание. «Ничто», небытие приобретают в проживании большую ценность и реальность, чем жизнь. Смерть становится влекущей, ужасающе соблазнительной манией, возвышающей того, кто поклоняется ей, над другими людьми. «Влюбленность в смерть» как негативная,

невротическая установка придает личному бытию регрессивную направленность, может перейти в душевное заболевание, порождает эпидемию самоубийств, питает собой культурный декаданс.

Преодолению личностной коллизии, состоящей в отрицания жизни, должны послужить принцип творческого высвобождения влечений, сублимации энергии жизни в духовной деятельности, принцип дерационализации, то есть разоблачения интеллекта мифом и поэзией, принцип благородной аскезы влечений. Но по отношению к личности будущего, ницшеанскому «**типу сверхчеловека**», который осуществит эти принципы, человек начала XX века – только путь, инцидент, великое обещание. Он перестал слышать зов бытия, искать его основной смысл, придающий каждому индивидуальному существованию реальную значительность в мире. Этот смысл он должен позаимствовать у жизни, прежде всего являющейся «волей к власти». «Все великие деятели и творцы, все великие культуры развились из воли к власти и при отсутствии вины за собственное превосходство и величие». (16; с. 185)

Личность в границах рассматриваемой модели **динамически структурируется** в понятиях жизни – существования - духовных актов – сознания – бессознательного – небытия.

2. Модель развития личностью жизни: Гуссерль, Бергсон, Кьеркегор, Хайдеггер, Шелер, Мунье, Ясперс, Бердяев.

Суть данного персонологического подхода можно кратко выразить в формуле: жизнь развивается и преобразуется личностью. Существенными отличиями от предыдущей модели являются акценты на **надличные** основания индивидуального бытия, на ценностное наполнение жизни, на самопознание, самовозрастание, творческую трансценденцию личности.

Человек определяется в качестве «конечной сферы Бытия», «места мирового процесса», где жизнь начинается бессознательным всплеском активности всеобщей души, заряженной коллективными образами, праидеями и прасимволами, переходящей в персональную силу

бесперывного и неустанного подтверждения индивидом своего бытия и отрицания смерти. Процесс жизни, развернувшись, должен активизировать заключенное в индивиде духовное начало, которое исходно представляет собой «чистую потенцию» и лишено собственной силы, власти, деятельности. Взаимопроникновение вначале слепого к индивидуальности жизненного порыва и бессильного духа ведет к возникновению феномена идеации, или «животворения духа» и встречного «одухотворения жизни», означающей индивидуализацию человеческого бытия. Однако в этом соединении не может быть достигнута полная гармония. Существует коренное противоречие жизни и духа, которое может находить только частичное, субъективное разрешение.

Инициированные индивидуальной жизнью духовные акты, впитывая и обобщая предметные впечатления, ориентированы на «опредмечивание» **коллективных** априорных форм, идей и ценностей. Духовные образования индивида (эстетические, этические, интеллектуальные) в соотношении с миром формируются как результаты «событий духа», собирающие сублимированную энергию бессознательной жизни и воплощающие одновременно архаичное, трансцендентное и индивидуальное.

Оказываясь внутри бытия, в общечеловеческом духовно – жизненном процессе, индивид не сливается, а встает над ним. В его внутреннем мире образуется цельное «субъективное средоточие» бытия, которое индивид посредством сознания отделяет от текущей жизни и мира. В самосознании индивид отождествляет себя с этим центром субъективности или «личностью», начинает существовать для себя в качестве «я». «Центр духа, личность, не является ни предметным, ни вещественным бытием, но есть лишь постоянно самоосуществляющееся в себе самом упорядоченное строение актов.... Чтобы быть личностью, мы можем лишь собрать себя самого в личностное бытие, сконцентрироваться до него....». (80; с. 160) В динамике жизни и духа «я» становится инстанцией, иницирующей предметное наполнение впечатлений, отвечающей за образование личного

внутреннего мира, совершение каждого духовного акта и акта самопознания. «Я» познает себя, погружаясь в текущую жизнь, разлагая ее на моменты осознания, выделяя и запоминая среди них субъективно значимые, продвигаясь в поисках единого, жизненного Смысла. Жизнь, в ее присвоении и проживании личностным «я», поднимается индивидом на духовно – рефлексивный уровень.

Открывая феноменологическое «восхождение жизни», философский строй мысли легко проникал в исповедальный стиль русской прозы: «Я спрашивал себя: что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире, окружающем меня, в беспредельности прошлого и будущего и вместе с тем в ограниченности лично мне данного пространства и времени? И видел, что жизнь есть смена дней и ночей, дел и отдыха, встреч и бесед, удовольствий и неприятностей, иногда называемых событиями; есть движение и накопление впечатлений, картин и образов, из которых лишь ничтожная часть удерживается в нас. Это есть непрестанное, ни на миг нас не оставляющее течение нескольких чувств, мыслей, воспоминаний о прошлом, гаданий о будущем; а еще – нечто такое, в чем будто и заключается некий смысл и цель ее, что – то главное, что трудно уловить и выразить, и – связанное с ним ожидание счастья и еще чего – то такого, в чем этот смысл наконец обнаружится. Втайне я весь простирался в жизнь. Зачем? Может быть, именно за этим смыслом?» (17; с. 198)

Кажется, что в границах данной философской модели, связи Бытия – жизни – духа – личности – я – рефлексии замыкаются во внутреннем, индивидуальном пространстве, а «личность» означает, прежде всего, «существование».

Однако она допускает, что индивиду, кроме я - интенций, присущи познавательная, деятельная и созидательная интенции, выводящие его за собственные пределы в пространство объективных ценностей культуры. А данность человеку себя в форме активного внутреннего целого конституирует личность не только как «существование», но и как

«сущность». **Личностная сущность индивида** вбирает все уровни единичного бытия, является качественным итогом становления конкретного индивида, реальной индивидуальностью, живущей в мире. Знание и реализация своих множественных, разнообразных, противоречивых и образующих единство индивидуальных свойств означают обладание личностью не просто конечным, а неповторимым и незаместимым положением в общечеловеческом Бытии.

Э. Мунье, создатель французского персонализма, указал на жизненное развитие личности из «центра духа» в «духовную личность», соединяющую его способности обладать ценностным сознанием, свободой творчества и трансценденцией к своему неповторимому призванию. Личность, с его точки зрения, это духовное существо, определяемое способом существования и самостоятельностью в своем бытии. Она поддерживает свое существование посредством некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых **ценностей**, посредством ответственного включения в деятельность и постоянного обращения к себе. «Личность – это абсолютное начало по сравнению с любой другой, материальной или социальной, реальностью и любой другой человеческой личностью». (43; с. 301)

Признавая недоступность многих аспектов «внутренней личности» для субъективного и объективного познания, исследователи жизни все же проявили большую психологическую искушенность в ее изучении. Во многом, это относится к Н. Бердяеву. (13) Для него разносторонние бытийные проявления человека, а именно, духовное становление, жизненное восхождение к ценностям, путь к себе и другим, рискованные встречи с бессознательным, детерминируются устойчивыми **свойствами личности**. На первый план в его персонологии выходят вопросы «кто?» и «как?» осуществляет индивидуальную жизнь. Свойства личности упорядочиваются в зависимости от отношений индивида с надличным, с другими людьми, с собой, своей жизнью, с бессознательным.

- **Мир высших ценностей** представлен в индивидуальной личности способностями к свободе, творчеству, любви.
- **Общность личности с другими людьми** внутренне дана в форме родовых, исторических, культурных, традиционных, семейных, наследственных качеств.
- В личности соотносятся **разные уровни ее социальности**: коллективное бессознательное, способность к взаимодействию с другими, способность выходить из изоляции, способность к историческим действиям.
- **Психологическая определенность личности** формируется ее биографической целостностью, единством мысли, воображения, чувств, воли, творчества.
- **Индивидуальная связь с трансцендентным** потенцируется в личности ее духовными свойствами, талантом, интуицией призвания, «голосом я», потребностью в полноте жизни, чувством одиночества.
- **В глубине личности** есть расположение к нравственной, созидательной, разумной и к низменной, стихийной, разрушительной жизни.
- **Высший и низший уровни жизни** представлены качественной двойственностью личности, сочетанием в ней богоподобного – звероподобного, свободного – рабьего, способностей к подъему и падению, жертвенного – эгоистического
- **В неосознаваемом строе личности** уживаются древний человек, дитя с инфантильными влечениями, невротик и безумный.

Не следует за этими строгими и не очень строгими определениями видеть установку на формализацию знания о личности. Напротив, для создателя русского персонализма, это одна из возможностей достичь «субъективной экзистенциальности» в понимании человека, то есть разглядеть в сплошном движении жизни следы личностного постоянства с уникальным рисунком и богатством.

Парадоксально, абстрактно - логическая структура личности, красивые «фигуры» философского сознания стремятся у Бердяева стать уловителями

общего индивидуального направления, смысловой организации, ключевых моментов прерывности и константных коллизий отдельно взятой, многообразной жизни. Парадокс разрешается самым естественным для философа путем – **опытом личного самопознания**. К сожалению, предпринятый им рефлексивный ход от философских обобщений к индивидуализации не был достойным образом оценен философами и психологами. Даже такой мастер анализа личностного бытия, как М. К. Мамардашвили, назвал опыт Бердяева «сухой самохарактеристикой».

Тем не менее, в истории философской культуры редко появлялись такие искренние диалоги с «я», как у автора «Самопознания». Это хорошо иллюстрируется моделью **рефлексии противоречий**, сложившихся в структуре его личности. (61)

Я больше всего любил свободу.	-	Я всегда был пленником свободы.
Я заботлив. Мне казалось, что без меня человек погибнет.	-	Я бывал раздавлен своей заботой.
Я сознавал в себе большую силу духа.	-	Я часто был захвачен напором ощущений и эмоций.
Я жил как мыслитель.	-	Многие мои действия были слишком импульсивны.
Я более всего любил философию.	-	Я не отдал ей жизнь.
Я не любил социальной жизни.	-	Я всегда вмешивался в нее.
Во мне был эгоизм.	-	Это был эгоизм умственного творчества.
Я имел аскетические вкусы.	-	Я не шел аскетическим путем.

Я был реалистом. - Я имел неумное воображение, влекущее меня в мир иной.

Я был по темпераменту бойцом. - Я не доводил борьбу до конца.

Я знал, что не реализую всех своих возможностей. - Во мне было непреодолимое «метафизическое» барство.

Понимание своей личности, выраженное в прозрачных формулировках, не могло стать «самозавершением» этого экзистенциально настроенного персонолога. Напротив, ценным казалось само это **понимание** в качестве духовного «акта», вливающегося в жизнедеятельность, оформляющего жизненную перспективу и превращающего я - личность в «проект» существования. Собранное знание о «я» умножало «загадки личности», которые он всегда остро чувствовал и о которых часто повторял. Во времена творческой мощи психоанализа их стало возможно локализовать в «бессознательной личности», и интуиция персонолога свидетельствовала, что упорядоченная рефлексия направляет взгляд в те подвижные глубины «самости», которые не только ужасают, но и поддерживают человека в интенсивной, обновляющейся жизни.

Из размышлений и самонаблюдений Бердяева следовало, что осознанные качества личности уходят многими своими связями в ее неосознаваемую организацию, так что устойчивая личностная инстанция может быть осмыслена в контексте теории взаимодействия сознания и бессознательного. Такого же подхода придерживался К. Ясперс, предложивший оригинальную концепцию **типологического строения личности**.

Концепция основывалась на определении личности как характерной для индивида **структуры качеств**, где особое место принадлежит тем качествам, которые управляют индивидуальным поведением с трех внесознательных уровней: уровня коллективного и личного бессознательного; уровня

врожденной телесно - психической конституции; уровня трансцендентной данности личной свободы и конечной цели личного бытия. В соотношении с качествами, доступными осознанию, качества названных уровней превращают «личность» в открытое для изменений и развития образование, в никогда не завершаемое целое, способ самоотрицания, выхода за пределы наличного себя. «Личность, которую мы стремимся понять, указывает, во-первых, на то непонятное, откуда она берет свое начало, то есть, на «конституцию» и все типы биологических данностей. Во вторую же очередь она указывает на то непонятное, которому меняющаяся личность служит в качестве инструмента и проявления, а именно – на экзистенцию, этот трансцендентный источник и вечную цель бытия человека». (92; с. 523)

Сознаваемые и имплицитные качества личности в персонологической модели Ясперса структурированы по принципу оппозиций и по принципу взаимосвязи в личностные «типы». Типы объединяются в «идеальные», «характерологические» и «реальные» типологии. Идеальные типологии строятся умозрительно, в результате теоретических обобщений, к примеру, различение типов экстравертов и интровертов. Характерологические типологии касаются качеств, определяемых опосредованно, через анализ поведенческих проявлений, связываемых, в частности, с темпераментом, волей и рефлексией личности. Третья категория типологий относится к непосредственно наблюдаемым индивидуальным признакам, например, к телосложению. Устойчивая принадлежность конкретной личности к определенным типам подвержена постоянным колебаниям под воздействием бессознательных и трансцендентных процессов.

3. Модель сознательно - бессознательной жизни личности: психоанализ, аналитическая психология, глубинно – психологические мотивы литературы.

В становлении персонологии, философское определение личности как стоящей «над жизнью» приобрело оппозицию в виде научно-психологической установки на раскрытие жизненной производности

личности и ограниченности ее влияний на жизненный процесс. Индивидуальная психическая жизнь предстала, как текущая скрыто, самопроизвольно, с фрагментарным высвечиванием и контролем со стороны сознания. **Бессознательная активность** составила главную тему психоанализа - направления, которое правомерно назвать «событием гениальности» в познании человека.

У Шопенгауэра, Гартмана и Бахофена, пробудивших интерес европейских мыслителей к глубинному слою человеческого бытия, «бессознательное» служило символом всеобщего, жизненного потока, несущего в себе неизмеримый мифологический, мистический, религиозный и т. д. опыт поколений, или, иначе, символом мировой души, содержащей все, что когда-либо было узнано человечеством и априори дано отдельному человеку.

З. Фрейд и К. Юнг в своих учениях о бессознательном сместили познавательные акценты с «человека вообще» на индивидуальность. Гигантской системе универсалий (Бытие, Жизнь, Мировая душа.), которые метафизически конституировали и объясняли человека, была противопоставлена отдельная личность - «единственная реальность» среди «абстракций». Для ученого - персонолога была прагматически очерчена реальная предметная область: **индивидуальная личность**. В ней акцентировались: динамика психической жизни; раздвоение психики на сознательную и бессознательную; личные и коллективные содержания бессознательного; их трансформации; структурная организация личности (я, оно, сверх - я); типы личностной структуры.

С точки зрения психоанализа, индивид, постоянно оказывающийся на глубинном уровне проживания, подверженный воздействиям «комплексов», защит, замещения и вытеснения, тем не менее, обладает способностью усиливать и распространять сознательный контроль над своей текущей жизнью. Он может продуктивно сублимировать энергию бессознательного, ассимилировать элементы «оно» в «я», превращать свое бессознательное в объект самопознания. Но не следует преувеличивать возможности сознания в

отношениях с областью скрытых травм, конфликтов, фантазий и потенций. Чтобы улучшить охранительную способность сознания и высвободить его для конструктивной, творческой работы с бессознательным, нужна помощь психоаналитика или значительные рефлексивные усилия субъекта.

Согласно юнгианской трактовке, в сплошном и одновременно дифференцированном процессе психической активности ведущая роль принадлежит первичным жизненным влечениям и связанным с ними «архетипам» и личным символам бессознательного. К влечениям, имеющим наибольший динамизирующий эффект, относятся влечение к любви, стремление к власти, желание достижений, стремление к автономии, стремление к зависимости и подчинению, разрушительные побуждения. Для адекватной реализации они должны в той или иной степени осознаваться, приобрести предметность, быть отмечены личными переживаниями и оценками, выразиться в идеях, образах и способах действий. Достижение ожидаемого результата и удовлетворения происходит по определенному психологическому типу, заданному, во-первых, ведущей функциональной установкой психики (мыслительной, эмоциональной, интуитивной, сенсорно – образной), во-вторых, преобладающей направленностью влечений и всей психической жизни на объекты или субъекта, в-третьих, интенсивностью регуляции бессознательной жизни со стороны сознания или активностью бессознательного, в-четвертых, конфликтностью влечений, психических функций, уровней сознания и субъект - объектных направленностей психики.

В саморазвертывании влечений, личность как «психологический тип» не обладает высшей властью. Она здесь не сущность, не дух, не момент абсолютного «я», не «закон души». Это скорее **интегральная функция индивидуальной жизни**. Она служит поддержанию единства жизни на основе согласования влечений с условиями реальности; образованию «я» в качестве единого источника сознательной деятельности; достижению «индивидуации» путем превращения потенциала коллективного бессознательного в систему индивидуальных способностей. Личностная

функция влияет на динамику психической жизни, устанавливая равновесие сознания и бессознательного или становясь проекцией их конфликтов

Важнейшей образующей функционально - динамической структуры личности выступает «я» или «эго», охраняющее индивида от внутренней диссоциации, психических деформаций, аномалий и болезней. По отношению к бессознательной жизни оно часто действует репрессивно, не всегда имея возможность сублимировать тайные порывы. Эго оберегает индивида от изоляции, вбирая позитивный опыт прижизненных отношений индивида с другими людьми, но когда цензура внутренней социальности перестает защищать от нежелательных влечений, «я» или ослабляет контроль, или изменяет индивидуальный канон общения.

Эго рационализирует жизнь, делает ее направленной, соответствующей нормативной логике общества, но часто бывает бессильно перед иррациональным слоем души, отказывается от интуитивного проникновения в него. То, что в мире не доступно осознанию и рационализации, часто становится для эго источником тревоги и неуверенности, и оно предпочитает отрицать «непознаваемое», отказываясь от сверхсознательного, то есть религиозного, метафизического или трансцендентного поиска.

Эго относительно устойчиво, структурировано как действующий и проявляющийся «характер» индивида, в котором закрепляются способы достижения превосходства, успеха и удовлетворенности, следы осознания нереализованных влечений, эффекты самосознания и надличных интенции. Неизбежная конфликтность характерологических аспектов, накопление осадков неудовлетворенности, нарушают адаптацию индивида в обществе, делают его личностную структуру проницаемой для негативных социальных компенсаций. К наиболее радикальным из них относятся растворение личной жизни в идеологической деятельности, поглощенность политической властью, систематическое насилие над близкими, изобретение социальных доктрин и утопий, совершение громких преступлений.

В общем контексте психоанализа эго служит, прежде всего, «аппаратом» защиты, сдерживания, агрессии и не столь часто – средством саморазвития и перевода потенций бессознательного на уровень активного индивидуального приобщения к **надличному** и ценностям **культуры**. Развивающее назначение эго - сознания подчеркивается, в основном, юнгианской школой, в частности, идеями об **образах - символах** как формах проявления архетипов и «бытия культуры», как инструментах я - освоения культуры, стимулирования индивидуального воображения и культурного самовыражения личности. Основываясь на юнгианской традиции, покажем, какие развивающие образные операции ведут к созданию художественных символов мифа и искусства, а также к индивидуальному пониманию и порождению символов.

Образы-символы в их влиянии на различные культуры, разнообразные искусства, бессознательную и сознательную жизнь народов и конкретных людей могут быть сравнимы только с научными и философскими идеями - абстракциями. Эти два типа культурно - психологических феноменов имеют глубокое родство, выступая сложными обобщениями опыта человеческого познания и проживания, творческого духовного синтеза разнородных индивидуальных впечатлений в словах - понятиях, изображениях, вещах и действиях.

Образы - символы осваиваются индивидами через сказки, мифы, поэзию, живопись, религиозные и магические ритуалы, детские игры. Символы служат здесь основными действующими элементами, замещающими реальность, не похожими на нее, и, тем не менее, загадочно подобными ей. Так, воображаемое или игровое странствие неведомо куда, поиск мудрости или подвигов, завоевание в сражениях или умственных состязаниях любви принцессы, вознаграждение короной и королевской властью составляют для детей и подростков разных народов сокровенный опыт раннего овладения жизнью. В культуре он осознается как «путь Героя».

Индивидуальный опыт символизации приобретается, как правило, нерелексивным, частью внесознательным путем. Роль и сущность символических образов почти не осмысливается современным человеком вне профессиональных сфер: философии, культурологии, искусствознания или психологии. Большинство людей не нуждается в объяснения природы столь естественных явлений душевного мира, часто считая их признаками примитивного, непросвещенного ума. Тем не менее, изучение процессов рождения и оперирования образными символами раскрывают такие перспективы углубления и расширения символической деятельности, что она могла бы стать необходимой для любой личности, заинтересованной в познании и самопознании. Несмотря на распространенные упрощения, наивные толкования и откровенное осмеяние, образы-символы, при условии реализации всех своих теоретически эксплицированных потенций, вскоре могут занять ключевое место в ментальной структуре европейской личности.

В чем состоят развивающиеся возможности образной символизации?

Содержанием символического образа является то, что может быть хорошо известно в повседневной жизни. Вместе с тем в нем есть и неявное, смутное, специфическое смысловое добавление, трудно объяснимое с помощью обычных понятий. У символов есть богатый бессознательный аспект, который с интуитивной быстротой проступает в сознание, когда мы пытаемся исследовать наши символические представления. «Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести нас к концепции «божественного солнца», но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить «божественное» бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо «божественным», мы всегда лишь даем ему имя, которое основывается на вере, а не на фактическом свидетельстве». (86;, с. 26)

Образы - символы явственны, детальны, чувственны, так что при своих буквальных предметных или поведенческих воплощениях они могут вполне

заместить собой обычную реальность. Это будет реальность наших переживаний, спонтанных ассоциативных впечатлений, интуитивных открытий и фантазий. Талантливая театральная или кинематографическая драматизация символических тем и сюжетов дает человеку возможность пережить катарктические состояния, соединяющие его с жизнью так, как никакие обыденные события.

Образная символизация, согласно Юнгу, имеет архетипические корни, и поэтому у символа, родившегося в конкретной культуре можно усмотреть сходство с символами других культур, и все они восходят к единому праобразу. Это можно сказать и о «личностях - символах». Например, архетип разумного и духовного женского начала представлен рядом символических образов, появившихся в определенное время у разных народов. В этом ряду находим Изиду - Афины - Софию - волшебницу - ведунью - мудрую женщину - ученую женщину. Авторы одной из энциклопедий символов включают сюда Елену Блаватскую. (10)

Образы - символы служат носителями единства многих несравнимых и несоединимых для современного интеллекта вещей. Они по аналогии, в наглядно - чувственной форме сводят явления, относящиеся к разным «мировым порядкам», включая духовный, космический, природный, человеческий, сексуальный, психический. Считается, что любой символический образ, отнесенный к одному порядку, имеет функциональное или генетическое соответствие символам других порядков. Так, образ «дерева» входит в структуры символов божественного бессмертия - космической оси - центра мира - мира феноменов - жизни - роста - расцвета - бисексуальности - сознания и бессознательного - знания - мудрости - духовного восхождения.

Символические образы, в зависимости от того, какие образные операции их порождают, и какие скрытые связи они репрезентируют, имеют различные **типы.**

1. Это может быть образ, сводящий контрасты, синтезирующий противоположности, указывающий на двойственность какого-то явления. Двуликий Янус, Дионис, кентавр, сфинкс указывают на **дуальность** человеческой природы, соединяющей возвышенное и низменное, умирающее и возрождающееся, рациональное и иррациональное и т. д. «Вода» символизирует одновременное существование вещей в качестве подвижных, изменчивых и в качестве спокойных, постоянных.

2. Символический образ может выражать **стадиальность развития** какого-то явления. Это характерно, например, для мифологического символа «Младенец», включающего ипостаси божественного ребенка - страдающего юноши - богатыря.

3. Символический образ, в силу обладания его референтом особой композицией чувственных свойств (цвет, блеск, твердость, прозрачность, форма.), может обобщить и **связать различные уровни реальности**. Так известный символ магии «сапфир» означает сродство и тождество небесного вознаграждения, чистоты неба и вод, мужского духа, созерцательности, радости, обнаруживая при этом, как трансцендентное, природное, человеческое и душевное пребывают друг в друге.

4. Есть символические образы в форме выстроенных рядов явлений, которые обладают неявным сходством и таинственной связью. Ряд конституирует то **общее**, что объединяет разнородные явления. Например, континуум бог Марс - меч - железо - огонь – красный выражает «духовную определенность» в сочетании со «способностью к уничтожению».

5. Символические ряды могут строиться и по принципу **функционального соответствия**. Так «Зевс - бык - либидо» указывают на соединение производящих, создающих опасность, обладающих сверхъестественной мощностью действий.

6. Символическая последовательность образов может демонстрировать принцип **каузальности**, когда каждый элемент ряда выступает причиной

последующего. Например, в юнгианской символике такой порядок составляют Мать - Дева – Младенец.

7. Символы могут иметь форму образных сюжетных картин, на ярком, живом языке **целостно** сообщающих о какой – то **тайной коллизии** человеческой души. Интерпретация символов такого рода бывает неоценима в самопознании. «Потайная комната Синей Бороды, куда он запрещает ходить своей жене, есть его душа. Мертвые жены, на которых она натывается, нарушив его приказания, суть женщины, которых он любил когда-то и умершие теперь для его любви». (25, с. 56)

8. Чарующие образы – символы создаются и применяются человеком для **полноты прояснения** своих текучих душевных состояний. Качества красивого символа переносятся на характеристику переживаемого. «Возьмем символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг, и на нас производят впечатление определенные качества огня. Прежде всего, это его подвижность. Он все время меняется, все время находится в движении, и, тем не менее, в нем есть постоянство. Он остается неизменным, все время меняясь. Он производит впечатление силы, энергичности, изящества и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем огонь в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня: состояние энергичности, легкости, движения, изящества, радости». (73, с. 187) Символические аналоги используются и для выражения сложной сущности деструктивных душевных состояний. Одним из таких символов стала «тошнота», открытая Сартром как чувственное концентрированное выражение всех симптомов невротического отчуждения человека.

9. Символом становится образная **последовательность исключительных событий**, проживаемых мифологическими литературными, историческими героями, то есть, образ жизненного пути героя. Жизнь Христа, связь жизненных событий и испытаний Эдипа, событийный ряд трагедии Гамлета,

стремительная смена жизненных положений и состояний князя Мышкина - коренные символы современной европейской культуры.

10. К образованию образного символа ведет максимальная **концентрация смыслов** в одном объекте, составляющем значимый фрагмент человеческого тела или человеческого поведения. В мифологии и литературе такими символами становились «Голова», «Глаза», «Нос», «Волосы», «Взгляд», «Смех», «Поцелуй» и т. д. Достаточно, в этой связи, вспомнить странных «героев» Гофмана, Гоголя, Пушкина, Булгакова.

11. Символом может быть **образный синтез «места»**, связанного с критическими, как высшими, так и низшими, проявлениями человеческого духа, отмеченного выдающимися достижениями творцов, деяниями монархов и вождей. Для множества людей такое «место» скрывает некое мистическое назначение, осуществляет непостижимый трансцендентный смысл. В Европе такими символами являются, например, Париж и Санкт - Петербург.

Рассмотренные типы символических образов указывают на явления, не поддающиеся только рациональным определениям. Символы настойчиво напоминают об их загадочном существовании, вовлекая людей в символическую деятельность, заставляя их поклоняться приоткрытой тайне бессознательного и усиливая ее действие на сознательные чувства, воображение, мышление личности.

Сильной культурной стороной психоанализа являются его связи с **литературой**, выдающимися текстами поэзии и прозы. Он имеет литературные истоки и обладает сильными литературными влияниями. Так, у «я – инстанции», всегда напряженной из-за близости бессознательного, но именно поэтому способной к большим творческим и самосозидательным прорывам, есть прототипы и воплощения в произведениях великих европейских писателей – персоналистов. Трудно, например, не уловить переплетения голосов эго-героев Достоевского и Пруста с голосами мастеров глубинной психологии, выразивших свое «я» в форме великих теорий.

Герои **Ф. М. Достоевского** рефлексиируют на грани возможного. В немислимых усилиях сознания пытаются догнать или предвосхитить свои жизненные положения и ситуации, схватить мимолетные мысли, переживания, интуиции и желания. Отчаиваются от присутствия необъяснимого в своих побуждениях и поступках. Невольно выдают своего бессознательного «другого», скрывающегося за поверхностью сознательного мышления и поведения. Субъективно создают здесь – и - сейчас текущую жизнь, в которой надеются определить все, касающееся «я» и значимых других.

Это – герой **М. Пруста** занят не прояснением актуальной и наступающей жизни, всегда неизбежно ускользящей от сознания. Он собирает себя - в - прошлом, ретроспективно воссоздает собственное бытие, предпринимает феноменологический синтез личности, сопротивляясь забвению себя. «Текст есть нечто такое, внутри которого рождается личность того, кто этот текст создает». (36; с. 149)

В интерпретации **М. Мамардашвили**, герой «Поисков утраченного времени» стремится к высвобождению «подлинного бытия», то есть душевных движений, очищенных от присутствия «мертвых отходов повседневной жизни». Осуществляется погружение в историю своих интимных желаний, только и позволяющих узнать себя представляющим, мыслящим и чувствующим. Свободно воссоздаются и осмысливаются ощущения и образы дорогих лиц, предметов и мест жизни, в которых, как тайное содержимое древних ваз, заключены неосуществленные, дремлющие влечения, пронизавшие все жизненное пространство и время героя. По вновь проживаемым и запечатленным в тексте феноменам чувств, воображения и фантазии, «нанизанным» на продвигавшиеся по жизни скрытые стремления, автор узнает самое ценное в собственной личности – **«тело желаний»**. Оживление желаний, о которых он знал или догадывался всегда, и тех, которые открылись ему при создании своей внутренней истории, и тех, что остались вне сознания, но были «проявлены» его текстом для тонкого

читателя, составило уникальный опыт «психологической алхимии» Пруста. «То, что является материалом в романе Пруста, есть **новая психология**. В ней мы обладаем не тем телом, которым якобы обладаем. Живет в мире не это тело, а какое – то другое, которое можно видеть, соединив его с пирожным «мадлен», с колокольнями города детства и т. д. Пруст все время говорил: чтобы понять что-то, к видимому миру нужно присоединить невидимый мир желаний. Слово «желание» не обозначает рассудочное, ментальное состояние... Оно указывает на желающие тела, на тела желаний, а они есть продукт нашей истории...». (36; с. 254)

Это – герой **В. Набокова**, наслаждаясь детальной литературной актуализацией своего прошлого, постоянно ощущает иррациональное вмешательство в жизнь метафизической тайны, испытывает влечение к ней и признается в бессилии понять «я» в соотношении с трансцендентным миром. «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни! Я готов был стать единоверцем последнего шамана, только бы не отказываться от внутреннего убеждения, что себя я не вижу в вечности лишь из-за земного времени, глухой стеной окружающего жизнь. Я забирался мыслью в серую от звезд даль, но ладонь скользила все по той же совершенно непроницаемой глади. Кажется, кроме самоубийства, я перепробовал все выходы». (44; с.20) Не находя ответа на загадку надличного, герой обращается к личной интуиции тайны сохраненного или утраченного времени. С ее бессознательным внутренним действием он связывает поразительные впечатления «оттисков», «пустот» и «избытков» в воссоздаваемых памятью событиях жизни. Он думает, что проживание времени детства, остающееся почти неизвестным, отпечатывается волшебным следом во всей жизни, и его суть постигается средствами искусства. Но при попытках уловить этот след, он чувствует «исчезновение времени жизни», когда память теряет силу, и Мнемозина начинает плутать и растерянно останавливается в тумане личного прошлого, где там и сям виднеются таинственные пробелы: terra incognita. Тогда он

пытается выйти за пространственно - временные границы индивидуальной истории, восторженно переживая, например, «вечную сущность» Кембриджа как символа «приволья времени» и «простора веков».

«Я» экзистенциально насыщенной литературы, в отношении к свободному движению жизни и бессознательной динамике души, демонстрирует позицию, усиливающую откровения глубинной психологии. Ему присуща жажда самораскрытия, переживаемая в интенсивных актах сознания, интуиция скрыто происходящих душевных перемен при рискованных экспериментах сознания над жизнью, бесстрашие перед противоречиями, наплывающими из «жизненной бездны» и примирение противоречий на пределе сил.

Возвращаясь к Достоевскому, вслушаемся в тексты Подростка, героя одноименного романа, «я» которого с великолепной энергией юности творит жизнь в коллизиях явных и неявных желаний. (23)

- **Коллизия тайного желания превосходства и выражаемого стремления к самоуничижению.**

На вопрос, не князь ли он, Подросток отвечает: «Нет, **просто** Долгорукий, незаконный сын своего бывшего барина, господина Версилова». И оценивает самоунижение: «Эту глупость я таскаю на себе без вины»; «Это стало сводить меня с ум».

- **Коллизия желания следовать выдуманной «идее» и влечения к реальной жизни.**

Подростка захватывает мысль, что «деньги – высочайшее равенство, в этом их главная сила», а значит, нужно «стать Ротшильдом», шаг за шагом создавая богатство. И при этом он осознает, что никакая «идея» не может захватить настолько, «чтобы не остановиться вдруг перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовать ему разом всем тем, что уже годами труда сделано для идеи».

- **Коллизия романтической любви к отцу и желания оставить мечты об отцовском покровительстве.**

Многолетние тайные надежды на близость с отцом тают в обесценивающем суждении Подростка: «Он остался в мечтах моих в каком-то сиянии, а потому я не мог вообразить, как можно было так постареть и истереться».

- **Коллизия скрытого влечения к женщине, любимой отцом, и желания избегать «женского» как опасного, недоступного.**

Восхищение Екатериной Ахмаковой утаивается Подростком под покровом отрицания «идеи женщины» и женского образа своего «безобразного» сна: «О женщинах я ничего не знаю, да и знать не хочу, потому что всю жизнь буду плевать и дал слово»; «Женщина – порок и соблазн, а мужчина – благородство и великодушие»; «О, неужели эта бесстыжая женщина во сне – та самая, от одного взгляда которой кипело добродетелью мое сердце».

- **Коллизия влечения к публичной власти и стремления к одинокому осуществлению «идеи».**

«Я думал уйти в свою скорлупу, уйти от всех». «Кроме уединения, мне нужно и могущество». «Я не привык к обществу, даже к какому бы то ни было».

Во многих психоаналитических концепциях личность монологична: видит в обществе своего антагониста, источник страха и чувства вины; освобождается от подавляющего влияния коллективности и власти социальных оценок; утверждает релятивность общественных и культурных ценностей. Общество выступает причудливой мозаикой атомизированных индивидов, а личность – «восходящей» к индивидуализму как независимости от других.

В силу своей высокой авторитетности и мощи культурного резонанса, психоанализ, по закону оппозиций, должен был стимулировать развитие сильного персонологического направления, центрированного на «диалогичной» личности, исповедующей универсальные ценности. Данное направление образовали концепции, рассматривающие связь личности с жизнью в форме активных «отношений личности».

4. Модель отношений личности к жизни: Л. Фейербах, М. Бубер, Ж. – П. Сартр, М.М. Бахтин, С.Л. Франк, С.Л. Рубинштейн.

Здесь жизнь и личность приобрели интерпретацию, подчеркнувшую развитие индивидуального «я» во взаимодействии с «я» других людей, а также становление человека внутри общества суверенных индивидов. В числе необходимых условий развития «личного» были выделены феномены «**межличностного**» и «**интерсубъектного**», составляющие тонкий контекст общественной жизни.

Повышенный интерес европейских мыслителей к теме взаимодействия «личность - личность» и «я» – другое «я» возник в начале XX века вследствие активизации ряда общественных процессов. Это, во-первых, распад многих традиционных форм и институтов коллективной жизни, нивелировавших индивидуальность. Во-вторых, возникновение интереса культурной элиты к эзотерическим знаниям об устройстве герметичных сообществ, прославленных своими тонко избирательными влияниями на личность. В-третьих, распространение новых человеческих объединений (организаций, союзов, партий, движений, клубов), где в большем или меньшем согласии друг с другом действовали индивиды, признающие за собой личную независимость, неограниченную свободу выбора и не боящиеся остаться один на один с жизнью. В-четвертых, растущее отчуждение множества людей от производимых ими вещей, идей, технологий из-за отсутствия человеческих канонов оценки обществом индивидуальных усилий и результатов деятельности.

Необходимо было найти новую перспективу человека, которая могла бы преодолеть, как безличность традиционализма, так и тенденцию к чрезмерной индивидной дифференциации социума. На одном из направлений поиска, главной «ячейкой» коллективной жизни и ведущим способом социальной вовлеченности индивида был определен **диалог автономных личностей.**

Основатели направления считали, что матрица диалогичной социализации человека может быть извлечена из опыта жизни философов, которым удалось сначала сполна войти в акт самопознания, испытать себя собственным бытием, справиться с опустошительным одиночеством, а затем обратиться к тем, кто сумел их понять, открыть свое сродство с ними и увидеть себя в составе «мы». Философ, как никто другой, может осознать себя местом порождения и пересечения множества межличностных событий, а также познать, использовать их законы. Его конструктивный опыт «диалогичной жизни» должен быть распространен и практически умножен в социуме. И тогда индивиды, включенные в самые разные деятельности, начнут внутренне принимать «других» как необходимую жизненную ценность. Отвлеченный гуманизм учений о самодостаточности индивидуальных «духа» и «жизни» отступит перед позитивной идеей о саморазвитии человека в интеллектуальном, деятельном и рефлексивном обмене с другими. Исходя из анализа диалога, будут предложены лично – центрированное понимание общности и гуманистический подход к управлению общественными процессами.

В новом видении, личность приобретает реальность, телесность, половую специфику – то, что необходимо для полноценного общения. Стали изучаться не только субъекты психики и сознания в сферах идей, текстов, идеальной рефлексии, фантазий и сновидений, а субъекты, практически включенные в конкретную для каждого природную, предметно-культурную и психологическую ситуацию.

Расширилось понятие «экзистенции». Кроме трудно осуществимого одинокого погружения в жизнь, бесконечных исканий ее возможностей, разрешения коллизий и непреодолимого бессилия в предстоянии перед будущим, раскрытых ранним экзистенциализмом, оно теперь означает и способ, которым достигаются относительная стабильность и завершенность индивидуального бытия. Им выступает деятельное оправдание своего существования перед лицом **близкого другого**. Близкий - это субъективно

приближенный, значимый, внутренне идентичный индивиду. Близость не зависит от того, единичный ли это «другой», или коллективный «другой», или Бог, осмысленный как Личность.

В концепции **М. Бубера** выстраивается система понятий, обобщенно характеризующих «экзистенциальную ситуацию» жизненного диалога личности.

Встреча - момент взаимопритяжения личностей, возникновения у них готовности к диалогу как способу узнать в контексте общения «другого» и себя как «другого».

Со - бытие - преодоление суверенной личностью своей изоляции. Реализация диалогического отношения, вступление в общение с такой же суверенной личностью. Возвращение от «другого» к «себе» во имя сохранения бытийного пафоса одиночества.

Прорыв одиночества - момент понимания человеком другой личности в ее инаковости, автономии и отношениях с собой как «другим». Раскрытие равенства людей в их положении «быть значимыми для других». Уход от иллюзий личной самодостаточности при осознании присутствия и наполнения «другими» своего «я».

Между - место взаимодействия, единства, со – бытия личностей. Внутреннее пространство диалога, область встречи «я» с «ты», сфера трансцендирования, где значительно все: от мимолетного обмена взглядами до трагического прояснения этического конфликта двух личностных миров.

Диалог - связь двух людей, когда один вызывает другого на непосредственный ответ. Отношение душевного взаимопроникновения. Возникновение влияний одного человека на другого и их принятие этим другим. Диалог динамично соединяет дающего – берущего, ведущего – подчиняющегося, наступающего - подчиняющегося, исследующего – оппонирующего, обучающего - учащегося и т. д. (16)

Для достижения **автономии** и **целостности** отдельной личности, а именно они в границах данной модели являются целью индивидуализации в

обществе, не достаточно ни самососредоточения, ни персональной самореализации, ни осуществления базовых влечений. Они развиваются как эффект подвижного единства, установившейся интеграции многих **отношений** индивида как субъективных интенций, стремящихся к основным объектам человеческого бытия и встречающихся с интенциями других индивидов. «Отнестись», значит исходить из своей «самости» или «я», инициировать личную связь с объектом, вызвать активность других людей, осуществить совместное действие, сделать объект частью себя и оставить себя в нем.

К основным объектам отношений относятся «вещь», «человек», «тайна бытия», «бессознательное», собственное «я». **Все отношения, осуществляемые в модусе «к», одновременно происходят в модусах «с» и «между».** Иными словами, все отношения имеют личностный источник, личностную адресацию, межличностную реализацию. Это касается и отношения к себе, которое развивается по уравновешивающему принципу «реальной двоичности», вбирая в «я» процессы и результаты самоотдачи человека другим людям посредством искусства, любви или религиозного откровения. Самое существенное для характеристики личности возникает там, где происходит ее выход за пределы себя, в области разделенного с другими познания, проявленных доброты и заботы, общей веры, самопознания, основанного на отождествлении с другими и творчества, вдохновленного коллективным бессознательным.

В учении об отношениях, как и во всех упомянутых теориях жизни, подчеркивался динамизм личности, связанный, однако, не с частными, а с **интегральными феноменами индивидуального бытия.** «Отношения» определялись как динамический синтез влечений, духовных актов, психических состояний, деятельности, актов рефлексии и, кроме того, смещались из интраперсональной области в интерперсональную. При этом за текучими феноменами отношений проступали развившиеся на их основе относительно **устойчивые качества** внутренней личности (познавательные,

этические, социальные, религиозные, практические и т. д.), структурирующие динамику отношений и задающие константы личностного диалога. В некоторых современных теориях личности взаимодействие постоянства и текучести отношений обозначается термином «диспозиция».

Ж-П. Сартр предложил красивую концепцию приобретения человеком диалогического «я» в **любвном отношении к другому**. Она наиболее тонко обосновывает двоичность отношения личности к себе. Логику формирующих зависимостей, раскрытых философом, можно представить следующим образом.

Любящий проникается, вбирает в себя любимого, но одновременно оставляет за ним свободу быть самим собой. Отождествляясь с тем, кого любит, утратив внутреннее одиночество, он уважает и его, и собственную самодостаточность, прибегая к двойному отрицанию: он – не я, а я – не он. В расширенном осознании сродства с любимым любящий разворачивает перед ним необозримую картину «возможного мира», моделируя тем самым новые возможности своего «я», осуществление которых привлечет к нему ответное чувство. Любовь по существу есть проект личности сделать так, чтобы ее любили. В этом любящий подобен Мудрецу и Королю, которые стремятся быть настолько «присвоенными» другим человеком, чтобы заполнить его субъективный мир, сосредоточить на себе все его интенции к свободе, стать всеобъемлющей ценностью и встать выше всех оценок. Особую роль в отчуждении своего «я» в «я» любимого играют язык и слово. Слово любящего магически притягивает другого, вливается в него, оставляет глубокие эффекты влияний в сфере воображения, фантазии, идей и желаний. Во встречном пробуждении любви диалог с приобретенным «внутренним другим» становится для **любимого** священным. Диалогичные «я» любящих требуют постоянного притока впечатлений о взаимоотношениях, строящих жизнь двоих во внешнем мире. Неизбежные коллизии этой жизни возвращают каждого к личной ответственности за другого, к одиночеству выборов и решений, сделанных в пользу любимого. В отношениях любви

исключается стремление ощутить, что другой, заботясь и опекая, поглотил тебя; «я», избыточно отданное любящему, не способно признать и его суверенность. Любовный диалог строится на дистанции, позволяющей субъективно возвысить друг друга. Индивидуальное отношение любви формирует у личности стойкий образ и рефлексивный концепт «любящего я» и порождает высокую способность любить. Внутренняя основа любви личностей не дает истощиться ее живому, созидательному, межличностному развитию. (59)

По-видимому, становление любых отношений, происходящее в зависимости от их субъекта и ответных отношений «других», осуществляется аналогично любви, увиденной Сартром, и о любом отношении можно сказать, что

- оно прямо или опосредованно адресовано другим личностям;
- реализуется внутри индивидуального жизненного процесса в качестве одной из составляющих его динамики;
- охватывает многих значимых людей;
- самосознание субъекта отношения неразрывно связано с внутренним принятием «других»;
- «я» субъекта отношения в уникальном сочетании вмещает, во – первых, интимно принятых других, во-вторых, себя, тождественного близким другим, в – третьих, себя, воплотившего дальних других, черты которых «застыли» в образах коллективного сознания и архетипах коллективного бессознательного;
- отношение, к какому бы предмету оно ни устремлялось, служит установлению более тесной связи индивида с другими людьми, также нацеленными на данный предмет;
- отношение трансцендентно в том смысле, что поддерживает связь личности с глобальным миром всех человеческих жизней, всех культур, языков, текстов, верований и т. д.; это обращение в сферу «абсолютной человечности», способ причастности к созданию Человека.

Концепция протекания жизни в форме отношений, в силу своей конкретности и экзистенциальности, могла легко переходить в план теоретической и практической психологии личности, психологии воспитания и в социальные проекты развития человека. Эта сторона теории отношений особенно привлекала отечественных исследователей личности, что подтверждается трудами С. Л. Франка, А. Ф. Лазурского, С. Л. Рубинштейна, В. Н. Мясищева.

С. Л. Франк и А. Ф. Лазурский на основе проницательных философских наблюдений и структурной теории характера разработали прагматичную «Программу исследования личности в ее отношениях к среде» (27), которая должна была, по их мнению, способствовать развитию характерологии и созданию нового фундаментального учения о личности.

Отношения в контексте этого подхода выступают «экзопсихическими» проявлениями личности, которые могут закрепляться в ней в качестве динамичных черт характера и становиться их жизненными выражениями. Отношение направлено на определенную категорию объектов или явлений (вещи, природу, других людей и т. д.), и, в силу своей сложности, может быть исследовано с четырех сторон: 1) с точки зрения наличности и интенсивности отношения; 2) по признаку специфической формы и качественных особенностей отношения; 3) по уровню развития и дифференцированности отношения; 4) по объему или широте отношения. Соответственно, отношение наполняется содержаниями, качествами и характеристиками, позволяющими провести индивидуализированный анализ личности.

Аналитическая модель по Франку – Лазурскому представляет собой масштабную классификацию отношений. Приведем ее с существенными сокращениями.

Отношение к вещам.

- Человек любит вещи, охотно собирает и хранит их, бережно обращается с ними. Или ценит в вещах только их полезность. Или равнодушен к ним в

силу либо недостатка культуры, либо незнакомства с ними, либо «философского» признания их ненужности.

- Проявляет бережливость хозяина, дорожит комфортом, Или накапливает вещи, проявляя скупость. Или занимается коллекционированием вещей, составляет музеи и собрания. Или ищет эстетический смысл вещей, Или чувствует тесную интимную связь с вещами. Или безразличен к замене вещей. Предпочитает создавать вещи, или пользоваться готовыми вещами.

- Предпочитает сложные вещи или простые. Аккуратен, заботится о вещах или небрежен к ним. Любит роскошь или исповедует аскетизм. Предпочитает редкие или широко распространенные вещи.

- Имеет склонность к обилию и разнообразию вещей или довольствуется необходимым. Любит предметы в их целостных сочетаниях или привязан к отдельным вещам, либо какой – то категории вещей.

Отношение к природе.

- Любит природу, тоскует по ней или равнодушен к ней, предпочитая городскую обстановку, или исповедует утилитарное отношение к природе, рассматривая ее как источник дохода.

- Довольствуется созерцанием природы или активно преобразует ее. Интересуется природой во всех ее проявлениях или любит ее определенные объекты.

- Имеет древний, мифологический, или эстетически – художественный, или естественно – научный взгляд на природу. Утонченность, изысканность понимания природы или склонность к простым природным формам.

- Приобщен к немногим объектам природы, к определенным местностям или ландшафтам. Или погружен в природу всю жизнь, ищет грандиозных впечатлений и картин природы.

Отношение к другим.

- Имеет постоянную потребность в общении с друзьями, товарищами, близкими. Или легко переносит одиночество. Или отшельник по натуре, стремится к уединению.

- В общении ищет, прежде всего, обмена чувств, обмена мыслями, разговоров и рассказов, или борьбы, власти, соперничества, или сотрудничества. Преобладают дружелюбность, доброжелательность, или конфликтность и враждебность, или равнодушие, отчужденность. Предпочитает непосредственное, или воображаемое, или мысленное общение.

- Высокие требования к отношениям, утонченность дружбы или простота, нетребовательность в общении.

- Нуждается в общении со многими или избранными. Исповедует глубокие, интимные отношения или довольствуется односторонним, поверхностным общением.

Отношение к любви.

- Испытывает потребность в любви, способен к сильному, глубокому чувству. Или насмешливое, циничское отношение к любви. Или разочарование в любви. Влюбчивость или разборчивость в объектах любви.

- Длительность, постоянство любви или поверхностное отношение к ней, склонность к флирту, любовной игре, подверженность соблазну. Любовь, возбуждаемая преимущественно физическими качествами человека (красота, улыбка, походка) или духовными качествами (духовная красота: доброта, героизм, милосердие). Любовь – товарищество, или любовь – поклонение, или любовь – власть, или любовь – подчинение, или любовь – альтруизм, или любовь – присвоение.

- Достижение успеха в любви посредством бессознательного кокетства или сознательной «науки любви». Любовь, не нуждающаяся в обладании, или любовь, требующая взаимности.

- Односторонность или множество оттенков любви. Простота или утонченность, изысканность любви. Верность в любви или донжуанство. Стихийность или сознательное творение любви, регулирование любовного чувства соображениями справедливости, разумности, великодушия.

Отношение к нравственности.

- Сила нравственных чувств и требований к себе. Или слабость нравственного сознания, или склонность к компромиссам, или моральная распушенность, или имморализм.

- Мораль общественного мнения, или мораль, укорененная в личной совести, или мораль трансцендентная (метафизическая, религиозная). Мораль возмездия, или мораль долга, или мораль страха, или мораль свободного чувства. Мораль душевного строя и настроения личности или мораль поступков. Мораль аскетизма, или мораль гедонизма, или мораль альтруизма. Мораль прагматизма, или мораль справедливости, или мораль служения.

- Утонченность нравственного сознания или упрощенное деление людей на добродетельных и злодеев. Моральный фанатизм или терпимость. Нравственная прямолинейность или гибкость и такт.

- Подчинение всей жизни нравственному закону или фрагментарность нравственного поведения. Множество или ограниченное числа добродетелей.

Отношение к знанию и науке.

- Ищет знаний, стремится к ознакомлению с новыми явлениями и разумному объяснению непонятого. Или нелюбознателен, равнодушен к познанию. Ценит науку или считает ее отвлеченной, чуждой практической жизни. Способен к научной работе или лишен способности научно мыслить.

- Склонен к накоплению фактических знаний или к логическим обобщениям и систематизации, к научному или художественному познанию, к освоению готовых знаний или творческому добыванию новых. Интересуется больше идеями или методами, теорией или практическим применением знаний. Склонность распространять знания, быть педагогом, просветителем, популяризатором, культурным деятелем или разрабатывать знания в качестве ученого.

- Добывает знания стихийно, без использования научных методов или направленно, систематически. Довольствуется поверхностным знанием (дилетант) или планомерно наращивает и углубляет знания.

- Познавательный интерес сосредоточивается на узкой сфере или профессии или распространяется на многие области знания, в том числе профессионального.

Отношение к своей личности.

- Постоянно имеет в виду свое «я», во все вкладывает мысль о нем, склонен к самоанализу и самопознанию, стремится оберегать свою обособленность, сохранять единство, цельность своей личности, хочет выделяться из толпы, удивлять своим своеобразием. Или представление о своей личности недостаточно сложилось и не возбуждает интереса, человек легко теряет индивидуальность, сливается с другими людьми.

- Дорожит своим личным существованием, или общественный интерес настолько развит, что заглушает мысль о собственной личности. Высокая оценка себя, уважение к себе, осознание своей исключительности или скромность, смирение, или склонность к самоунижению и самопрезрению. Забота о внешнем признании своей личности, склонность к тщеславию, искание чужого одобрения, склонность к честолюбию, стремление выдвинуться и обеспечить себе положение в обществе, забота о репутации в обществе, своем добром имени. Сознание прав своей личности на самобытную жизнь и развитие, готовность защищать эти права. Или не признает обязанностей в отношении самого себя, считает «личное» лишенным ценности. Саморазвитие, самовоспитание или отказ от работы над собой в связи с признанием неизменности своей природы. Боязнь и отвращение к смерти, страх перед ее неизвестностью, перед наказанием за грехи или философское равнодушие к смерти, принятие ее неизбежности. Вера в загробную жизнь, основанная на идее справедливости и возмездия или равнодушие к идее загробной жизни.

- Инстинктивное ощущение «я» и его потребностей или сознательное отношение к своей личности, выработка ее идеала. Грубость, простота или тонкость, сложность знания о своей личности.

- Расширение своей личности, установление отношений с множеством сторон жизни или сосредоточение на немногих связях с жизнью. И т. д.

Отношения, систематизированные в «Программе» Франка и Лазурского, при условии их наполнении обновленными смыслами и содержаниями, и сейчас могут войти в социальные проекты «Личность». В европейском сознании, текстах, символах давно живет многомерный человек как центр разнообразных интенций, направленных во внешний и внутренний мир.

В качестве обоснования практического развития отношений можно рассматривать фундаментальную онто - психологическую теорию личности, созданную **С. Л. Рубинштейном**. Она намечала те направления индивидуальной жизни, где человек мог бы достичь уровня **бытийного идеала**, который во множестве персональных воплощений объединит людей в общества нового типа, генерирующие и сохраняющие этические, эстетические, познавательные и гуманистические ценности. Автор предложил концепцию самоопределения и самодеятельности личности, основанную на **идее о рефлексии**, собирающей в «я» значимые для индивида внутренние результаты освоения знания, художественного созерцания, встреч с добром и злом, изъявления любви, приобщения к трагическому и комическому, самопознания и открытия смерти. В виде преломленных и обобщенных в «я», указанные акты и состояния образуют индивидуальные **«отношения к жизни»**, которые стремятся выразиться в преобразующих жизненных действиях и ответственных поступках. **Развитие деятельной личности** является основным эффектом интегрированных и рефлексивно регулируемых отношений. Представленное на уровне сознания в виде «моего» знания, понимания, переживания или воображения, отдельное отношение выражается в субъективных смыслах, планах, стратегиях, ожиданиях и прогнозах продуктивной деятельности, изменяющей наличную ситуацию индивидуальной жизни. При регулярном жизненном осуществлении, отношения становятся **сущностью личности - субъекта**, вовлекают в свою динамику другие активные отношения, придавая

целостность жизненному процессу и организации субъекта. Любое частное отношение индивида в конкретный момент жизни включает всю его личность, личную историю, перспективу и может быть понято только с учетом всех его преобразующих связей с бытием. «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, и вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, это - ее становление и вместе с тем реализация моей сущности. Отрицается только мое наличное бытие, моя завершенность, конечность». (56; с. 344)

В системе размышлений Рубинштейна о личности и отношениях выделилась примечательная исследовательская линия, подхваченная его школой (1; 63) и сохранившая ценность не только для русской, но и западной науки. Речь идет о концептуальном соединении идей «социальности» и «индивидуальности», выдержанном в духе лучших социальных учений XIX - XX веков. Способом соединения стало диалектическое моделирование перехода общественных отношений, определяющих жизнь большого социума, в **жизненные отношения** индивидуальной личности. Личность в качестве «общественного индивида» приобрела статус единичного объекта и субъекта крупных социальных процессов на основе включения в разнообразное взаимодействие с конкретными «другими».

В строе рубинштейновской мысли, тема влияния живой коллективности на отношения личности нашла раскрытие, близкое к экзистенциальному. Акцент на полноценное, разностороннее и самостоятельное развитие личности в координатах позитивной социальности сообщил концепции Рубинштейна современный акмеологический смысл. В пространстве онтологии и философии жизни взгляды этого выдающегося ученого заметно выделились синтетичностью и психологизмом.

Основываясь на идеях С. Л. Рубинштейна, усиливая экзистенциальные мотивы, присущие его теории, учитывая определения отношений личности, встречающиеся в трудах С. Франка, В. Соловьева, П. Флоренского, М.

Бахтина, М. Мамардашвили, систематизируем положения о жизненных отношениях личности. Постараемся сохранить характерный стиль текстов Рубинштейна.

Всеобщей характеристикой человека является его существование внутри мира и во взаимодействии с ним. Взаимодействие в системе «человек - человеческий мир» приобретает качества взаимных отношений индивидов друг к другу, собственного отношения человека к миру и отношения человека к себе. **Человеческий мир** создается динамикой общественных связей, опосредованных предметными и духовными формами культуры.

Человек обращен к **общественному миру** как живой, телесный, сознающий и активно действующий индивид. Индивидуальное отношение людей друг к другу, их взаимовлияние и объединение в творческом производстве поддерживают и обновляют социум. Отсюда - общественная необходимость бытия каждого конкретного человека и бытия всех индивидов, с которыми он связан развивающим общением. Общественные отношения как взаимные отношения индивидов друг к другу даны отдельному человеку в качестве объективной реальности, которую своей жизнедеятельностью он должен воспроизвести и субъективно изменить.

Объективная роль человека в мире обнаруживается через особенности его индивидуального включения в систему отношений общества. Он должен быть одним из реальных действующих лиц общественного взаимодействия. В действительных отношениях индивидов, в совместном духовном и предметно - преобразующем действии им приобретает способность **личного отношения к миру**. Он становится человеком, отделяющим себя как «внутреннее» от внешних для него условий жизни, субъектом, соотносящим себя с миром, находящим в нем свое персональное качество и свою реальную позицию, то есть человеком **самоопределяющимся**. Отношения как факторы самоопределения образуют течение индивидуальной жизни в культурном социуме, развиваются в форме «жизненных», например, интеллектуального, нравственного, эстетического, рефлексивного и т. д.

Качество «отношения» придается жизни человека его **сознанием**. Это важнейший уровень индивидуального существования, на котором происходят познание, оценка и внутреннее определение связи «я — человеческий мир». Сознание пробуждается и развивается в процессе **предметной деятельности**, совершаемой переживающим, созерцающим и мыслящим индивидом в общении с другими людьми и для них. Со -знание является рационально - интуитивной связью «я» с «другими», непрерывно подтверждающей мое присутствие и соответствие мы – бытию.

Индивид - деятель сам, внутренне инициируемой жизненной активностью, определяет становление сознания. Он овладевает им как способностью раскрывать, превращать в индивидуальную форму, соотносить с «я» и изменять **идеальное содержание** общественной жизни, частью которой является его собственная жизнь. Сознание - это внутреннее «отчленение» индивидом идеально - духовного плана жизни и его перевод в собственные реальные действия, поступки, продукты деятельности, новые ценностные смыслы и в самопонимание.

Духовное, к которому обращены сознание и бытие индивида, соединяет содержания человеческой культуры: понятия; обобщенные образы и символы вещей, созданных человеком для человека; «значения» мира, в котором человек приобретает человечность; устойчивые правила, способы и техники познавательно-практических действий; побуждения, переживания и цели, направляющие общественную жизнедеятельность. В сфере «идеального» представление о внешней вещи и человеческое отношение к ней всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует данная вещь.

Идеальное, данное индивидуальному сознанию, прежде всего, является знанием о наиболее общем, закономерном в общественных условиях, направлениях и структуре деятельности индивида. Эти знания, поскольку индивид овладел ими, полны личного смысла, соотнесены с его интересами и ценностями. Они обладают побудительной силой, содержат потенциал

волеизъявления и практического осуществления. Знания о собственном общественном бытии существуют у индивида одновременно как оценки и интенции к действию.

Человек открыт идеальному на многих уровнях, во многих срезах своего бытия, во всей своей иерархической и гетерогенной внутренней реальности, включая неявные, интуитивные, бессознательные планы. Сознание служит непрерывным отчетом, «исповедью души» индивида перед другими людьми о совершенной им идеализации и преобразовании мира.

Сознающий и деятельный индивид анализирует и обобщает жизнь, извлекает и разрешает ее проблемы. Объектом сознания для него выступает и он сам, носитель и преобразователь жизни. В идеальной форме он предстаёт как «я существенное», то есть, обладающее автономией, собственной активностью и вместе с тем всесторонне детерминированное явление. Идеальное открытие «я», когда человек во внутреннем диалоге «я — другое» постигает свою самостоятельность и действенность в мире, когда осознает, что, каким образом и зачем он совершает и каковы причины и следствия им совершенного, означает развитие сознания как **отношения**. Сознание и осознание жизни в качестве «моей» превращают индивидуальное бытие в процесс **осуществления и рефлексии жизненных отношений**.

Отношения сознания индивида, а также его действительные, практические отношения, развиваются как общественные, как «соотношения». Они имеют общественное происхождение, общественные источники развития, смыслы, способы объективации. Их общественная суть определяет и одновременно определяется свойством индивида быть **личностью**. Личность — устойчивое, внутреннее социальное качество индивида, внутреннее основание, по которому человек строит свои связи с обществом.

Личность формируется с переходом ситуативно реализующихся эмпирических отношений индивида, обращенных к людям, общественно созданным вещам и себе самому во внутренне закрепившиеся, обобщенные отношения. Переход достигается усилиями самого индивида, осознавшего,

применяющего и связавшего воедино близкие и типичные для себя способы духовно-практической активности. Устойчиво повторяемая жизненная реализация избранных способов отношений с их повторяющимися продуктами и предметными воплощениями отмечает становление личности данного индивида. С развитием личности в каждом эмпирическом проявлении (действии, поступке) индивида находят выражение и развитие обобщенные жизненные отношения.

Отношения индивида обуславливают качественную определенность и структуру его личности. Они с тонкой жизненной избирательностью воспроизводят характеристики социальных и культурных связей, в которые объективно включен индивид, и вбирают их внутрь личности. Последняя осознается как «я», активное в системе общественных предметов, смыслов, ценностей, деяний и поступлений. Личность - устоявшееся в процессе жизни осознанное расположение индивида к определенным общественным формам индивидуального бытия.

Общественное не проецируется в индивидуальное, а соотносится индивидом с особой личной позицией, личным отношением, данным ему в качестве «моего отношения к окружению». Объективность и развитие личной связи с жизнью определяется полнотой преломления в ней многомерного, содержательного общественного. Полнота общественной жизни воспроизводится индивидом в действительных отношениях к общественному миру, принимающих сущностную форму «внутренней личности» и «я».

Внутриличностное воспроизведение индивидом общественных отношений — сложно детерминированный процесс. В частности, он определяется системой индивидуальных свойств и сложившихся особенностей индивидуальной жизни. К ним следует отнести: свойства, которые задают врожденные координаты и начальные потенции жизненного развития индивида, а также его исходное сродство определенным формам жизни; закономерности его сознания и деятельности; его предметно-практические

достижения и духовные продукты; ценностно-смысловую основу «я», означающую, что индивид собою представляет для других и для себя; уровень активности, с которой индивид себя познает и развивает. Отсюда своеобразная, конкретная форма общественных условий, принимаемых и реализуемых индивидом как условия своей жизни. Отсюда неповторимый способ внутриспсихического и деятельного воссоздания общественных отношений, которые, становясь собственными отношениями индивида, утверждают в себе все существенное, исходящее от него. Отсюда уникальность личного жизненного пути и становление личности как **индивидуальности**.

Отношения индивида, формирующие в нем личность, принадлежащие ей, индивидуально выражающие и проявляющие ее сущность, выступают **личностными отношениями**.

Важно подчеркнуть, что с развитием личности и личностных отношений связано окончательное выделение в сознании человека его обобщенного «я» как единства внутренних условий индивидуальной жизни. Учитывая эти условия, исходя из них, человек может подняться на высшие уровни жизненной активности, реально, с широкой общественной перспективой действовать в мире. Органично соединяются отношения к «моему миру», к «моей жизни», к «я - в моей жизни - в моем мире». Личность с развитым «я» формируется как регулятивное начало жизненного процесса или **субъект жизнедеятельности**. Человек оказывается в центре своего бытия, в его духовно-практических отношениях появляется новое качество — субъектное. Отсюда субъективность и активность отношений, их тенденция к самодвижению. Истинно человеческое, личностное бытие представлено жизненными отношениями индивида-субъекта.

Зрелый субъект способен верно соотнести между собой требования объективных условий жизни, свои потребности и интересы, свой внутренний потенциал и реальные возможности, объективное качество своих поступков и действий, объективные результаты и субъективные последствия своего

поведения и деятельности, признанную другими персональную роль в развитии общества. Это соотнесение происходит и в активном рефлексивном сознании индивида, и в его действенном, практическом отношении к миру. Здесь человек строит и проводит единую линию жизни, встает «над своей жизнью». И с «этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни. От такого обобщенного итогового отношения человека к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней».

(56; с. 341)

Главное в становлении субъекта жизни — результативный, продуктивный момент индивидуальной деятельности. Дела, деяния, достижения, продукты, социальные влияния личности выступают критериями ее субъектности. При этом, важна общественная ценность продуктов и влияний, данная личности, как «ценность моей жизни». В изменениях, которые, личность произвела в общественном мире, она узнает себя, ей открывается истинный уровень ее жизни, жизненные противоречия, предпосылки саморазвития т самоизменений. Источники развития субъектного качества личности заключены в использовании своих лучших жизненных достижений на новом уровне. Эти источники она находит в творческом отношении к жизни, углубленном отношении к себе, в самореализации.

Отношению к себе принадлежит особое место в системе жизненных отношений личности-субъекта. Посредством зрелого самоотношения, человек может реально влиять на ход своей жизни и жизни других людей, разумно планировать жизнь, предвидеть жизненные события и их исход. Оно является необходимым каналом воздействия личности на развитие всех своих отношений к жизни.

Отношение к себе, как и любое отношение человека, существует в двух основных формах: сознания и практического действия. Но здесь эти формы превращаются в самосознание и самодеятельность. Самосознание личности

существует как знание «я», как переживание и созерцание «я», объяснение и интерпретация жизненных проявлений «я», как присвоение и обобщение знания о деяниях «я». Самодеятельность личности разворачивается через утверждение, обнаружение и развитие «я» в реальном преобразующем, действии.

Самосознание и самодеятельность развиваются при условии нахождения и установления личностью гармоничного соответствия между ними. Один из путей такой гармонизации — выход личности на уровень **проблемного отношения к себе**. Оно зарождается, когда связь «я — моя жизнь — общественный мир» открывается личности в динамике, полной противоречий. Их извлечение, познание, и конструктивное разрешение способствуют целостности и усложнению «я», определяют индивидуальный уровень жизненной проблемности, которая выступает как тенденция индивида к саморазвитию. Отношение саморазвития закономерно включает: момент вскрытия «проблемы моей жизни», построение стратегии ее решения, определение способов и средств решения проблемы, достижение результатов, в которых проблема находит полное или частичное решение, открытие личного смысла решения проблемы, видение в совершенном проблемном действии оснований для постановки новых проблем жизни. Все перечисленные моменты необходимо опосредованы **личностной рефлексией**. Развивающее проблемное отношение к себе во взаимосвязи с проблемными отношениями к миру придает жизни личности творческое направление и содержание. Творчески живущая личность — это субъект в высшем смысле, тот, кому принадлежит ведущая роль и умножении бытийных сил общества.

Многообразные отношения: сознательные и деятельные, потенциальные и реализованные, случайные и закономерные, устойчивые и изменчивые, единичные и общие, развивающиеся и регрессивные и т. д., - образуют субъектное ядро личности и реализуют «ядерные качества» в текущей жизни.

Здесь жизненные отношения приобретают форму **субъектных отношений**, умножая достоинства личности как индивидуальности.

Выделение разнообразных видов отношений, нахождение в них личностной – субъектной - индивидуальной сторон, раскрытие их различных функций в жизнедеятельности становятся возможными, если отношения берутся в изменении и развитии. Причем, в развитии, детерминированном многими факторами, и выражающемся в разнообразных процессах. Это, во-первых, преобразование жизненных отношений, непосредственно отражающее изменения общественных и культурных условий, в которых они формируются, во-вторых, объективно стимулированное самодвижение отношений, состоящее в их переходах из динамического состояния в личностные свойства и в способы реализации этих свойств и наоборот, в-третьих, внутреннее развитие отношений личностью как активным субъектом жизни

Отмеченные планы развития отношений связаны друг с другом. При развертывании их взаимосвязей происходит непрерывное наращивание субъектного потенциала внутреннего самодвижения, «спонтанности» отношений, а следовательно и их возможностей в определении свободной, самостоятельной, творческой позиции человека в мире. Здесь действует один из основных законов жизненного развития индивида — закон личностной детерминации сознания и деятельности. Его применение в изучении отношений означает «раскрытие внутренних закономерностей динамических отношений, через которые преломляются в человеке все внешние воздействия на него» (56; с 42).

Развитие отношений происходит во взаимодействии и взаимопревращении их противоположных условий и качеств: общественного - индивидуального, психического - практического, сознательного – внесознательного, природного – социального, временного - пространственного, возможного - реального, внутреннего – внешнего, объективного - субъективного, ценного - негативного. Конструктивная игра противоположностей в отношениях

ориентирована на достижение единства личности как носителя и творца отношений.

Положительная динамика отношений представляет собой непрерывный процесс рождения, заострения, разрешения **противоречий** между их противоположными сторонами. Например, одна из сторон под влиянием определенных воздействий опережает в темпах развития другую. Или одна из сторон приобретает качество, исключающее ее гармоничное единство с другой. Или одна испытывает изменения, несовместимые с состоянием другой стороны. Или же одна из сторон приобретает новый общий уровень, кардинально отличный от уровня другой. В этих и многих других случаях либо начинает отчетливее обнаруживаться закономерное различие сторон, либо начинается расщепление их единства, либо появляется серьезный надлом связи, либо совершается слом взаимодействия, требующий перестройки одной из сторон или обеих сразу. Динамика противоречий в отношениях обуславливает силу, масштаб **критических моментов жизни** личности, ее кризисов, потрясений, возвышений и падений.

Противоречия отношений множественны, они влекут за собой друг друга, выступают причинами друг друга, меняют свое значение для жизни и значимость для личности. Но так же, как в разные периоды жизни на первый план проступает становление определенного свойства или отношения индивида, в контуре противоречий выделяется главное, доминирующее. Как правило, это противоречие, завязывающееся внутри того отношения и того аспекта личности, которые активно формируются в данный момент жизни. По характеру влияния такого противоречия на индивидуальное развитие оно может быть названо «исходным».

Не всякое видимое рассогласование, колебание в отношениях личности существует как противоречие. Это может быть только «зыбь на поверхности», легкие всплески активности глубинных личностных процессов. Противоречия, прежде всего, выражают сущностные изменения личности. Не все они различимы в эмпирических отношениях к жизни.

Истинные противоречия открываются в критических, переломных жизненных ситуациях, провоцирующих проявление тех ведущих сторон личности, которые утратили внутренний покой, равновесие и стремятся к самоотрицанию, переходу в новое качество.

Противоречия зарождаются в связях между существенными детерминантами, процессуальными тенденциями и структурными составляющими отношений. Можно выделить следующие парные связи внутри отношений, потенциально способные составить коллизию.

1. Связь объективных условий жизни большинства людей в данном обществе и условий, которые личность обращает к себе как условия собственной частной жизни.
2. Связь объективных условий жизни личности и особенностей ее эмпирических отношений, посредством которых она внутренне присваивает, обращает к себе и в себя объективные условия.
3. Связь тенденции личности к принятию существующих, извне заданных императивов, норм, правил, способов отношений к миру и тенденции к самостоятельным, творческим отношениям.
4. Связь динамичных, изменчивых отношений с устойчивыми отношениями, задающими качественную определенность личности.
5. Связь тенденции идеализации жизни, в смысле переноса жизненной активности преимущественно в план сознания, осознания, самосознания, и тенденции к действенно-продуктивной, практической реализации жизненных отношений.
6. Связь особенностей отношений личности: их обращения к внешнему миру вещей, людей, природных и социальных явлений и обращения к «я» с целью самопознания, самореализации.
7. Связь самодвижения отношений, заданного обстоятельствами жизни и способности субъекта овладеть и направить это самодвижение.

8. Связь способов сознательного осуществления субъектом своих жизненных отношений и сущности «я», в соответствии с которой, субъект строит свои жизненные отношения.

9. Связь общественных ценностей жизни и ценностного уровня отношений личности.

10. Связь условий жизни личности, требующих от нее определенных уровня и качества объективации, и реальных форм и способов объективации личности в мире.

11. Связь внутреннего потенциала продуктивности отношений и наличных результатов осуществления отношений.

12. Связь реального качества и масштаба жизненных достижений личности, и ее самооценки как человека создающего, преобразующего.

13. Связь двух детерминант формирующихся отношений: объективных требований к силе и активности «я» субъекта в развитии жизненных отношений и реальной позиции «я» в жизнедеятельности.

14. Связь между общественно требуемым пространством, диапазоном, шириной жизненных отношений и наличным природным и социальным потенциалом личности, реализующей отношения.

15. Связь двух свойств отношений: их жизненных пределов, пространственно - временных ограничений, и выхода отношений за эти пределы и границы.

Связи, вмещающие потенциальные противоречия, функционируют в целостной системе личностных отношений. Они действуют не изолированно, а лишь относительно самостоятельно друг от друга. Они притягивают и беспокоят друг друга, воздействуют друг на друга в своих возмущениях, разломах, взрывах, переплетаются в индивидуальной диалектике жизненных отношений.

В движении отношений важнейшим моментом выступает **разрешение противоречий**. Если это разрешение выше самого противоречия, конструктивно, не вызывает снижения уровня отношений, то оно является фактором поддержания целостности и поступательного развития системы

отношений. Собственно, процесс движения отношений, организующий личностное целое, выявляется через разрывы его непрерывности при разрешении противоречия. Разрешение носит, как правило, не случайный, характер. Оно отвечает установившимся в процессе индивидуальной жизни внутренним закономерностям отношений. Закономерности могут действовать относительно независимо от усилий личности что-либо изменить в своей жизни. И тогда противоречия разрешаются «вне субъекта», составляя объективную движущую силу отношений. Однако более существенным для зрелой личности является самостоятельный поиск и нахождение путей выхода из противоречий. Овладев закономерностями отношений, личность становится ведущим, субъективным фактором преодоления коллизий. В соответствии с внесубъектным и субъектным контекстом противоречий, рождаются определенные **способы их разрешения**. Содержание, взаимосвязь способов социально типичны для личности, как типичны и ее противоречия, и ее отношения. Одновременно каждый способ жизненно конкретен, индивидуально своеобразен. При этом, в нем всегда просвечивают «универсальные» формы разрешения:

- установление относительного паритета оппозиций, достижение между ними качественного единства;
- нахождение новой меры соответствия в уровнях и направлениях развития противоположностей;
- установление соответствия в параметрах их активности и самодвижения;
- достижение гармонии между противоположностями за счет их включения в новую систему взаимодействий;
- открытие новой формы положительного доминирования одной оппозиции над другой;
- отрицание одной из противоположностей за счет усиленного развития другой и т. д.

Разрешение противоречий идет при взаимном вливании и проникновении противоположностей, при их взаимном исключении, при получении ими относительной самостоятельности на новом, более высоком уровне.

Каждый способ разрешения противоречия содержателен и должен быть раскрыт в тонком анализе жизненных реалий. Например, развивается противоречие между значительными возможностями личности для осуществления творческой, профессиональной деятельности и низким уровнем ее реальной авторской продуктивности. Оно вызывается отсутствием социального заказа на высокие достижения в данной профессиональной области и недостаточной активностью личности в отстаивании социальной ценности своего труда. Один из способов разрешения противоречия состоит в следующем: несмотря на большую психологическую цену, человек достигает творческого, профессионального результата, соответствующего его возможностям, и направленно добивается социального признания и широкого общественного использования своего достижения. Реализация данного способа требует от личности специальной активности — осознания и применения способа как «моего», «мною открытого», «мною избранного», «мною осуществленного». Отсюда дополнительный источник внутренних сил для утверждения личностью своей позиции.

Способ, которым личность разрешает свое противоречие, определяет либо сохранение наличного уровня, либо развитие, либо частичный регресс ее жизненных отношений. Но каким бы ни был **исход**, для самостоятельной личности выбор «моего способа» — это событие обобщения многих возможных путей снятия конфликта. Пути образуют «континуум выбора» личностью направлений жизненного самоопределения. В него могут войти: (1) путь к развитию условий жизни других людей, требующий от личности новых форм и уровней социальной самоотдачи; (2) путь к развитию самой личности, при котором ее общественная объективация — средство самосовершенствования; (3) путь, который в наибольшей степени отвечает

привычным, щадящим, удобным для личности условиям жизни, не требует от нас «быть больше и выше, чем она есть»; (4) путь, при котором личность снижает ценностный уровень своей жизни, чтобы не утратить благоприятные для себя, но деструктивные для общества, условия существования; (5) путь, ориентированный скорее на рефлексивное, идеально-смысловое, а не действенно-практическое разрешение противоречий; (6) путь, при котором личность уходит от рефлексии противоречий, полагаясь на естественный ход жизни.

Избранный личностью способ погашения коллизии является сложной равнодействующей многих возможных для нее исходов. При этом какой-то из них доминирует, подчиняет себе остальные, задавая ведущую позицию личности в ситуации противоречия. Другие исходы выступают более или менее осознанным личностью потенциалом, который в любой момент может быть актуализирован, раскрыт. Отсюда особая гибкость, многообразие психологических оттенков, свойственных отношениям личности.

В многовариантности выхода из противоречия, осознаваемой личностью, заключено одно из условий ее самоопределения. Действительно, если человек избирает объективно обоснованный, а также субъективно значимый и доступный способ разрешения противоречия и одновременно удерживает в нем все преимущества других возможных способов, он приобретает внутреннюю свободу, переживаемую в форме «я сам выбираю свой путь».

Разрешение личностью коллизии объективируется в осознанном поступке, действии или в сложном поступлении и деятельности, представляющих собой целостные линии ее активности. Эти личностные проявления иногда приобретают «критический», характер, выступают как свершения или деяния личности. Это уникальные личностные события, всплески отношений, которые метят кардинальные изменения личности и ее «я».

Движение «я» в условиях жизненной коллизии зависит: от содержания возникшего противоречия; от качества применяемого личностью способа его разрешения; от того, насколько последовательно удалось реализовать этот

способ; от уровня психологических затрат личности, ставших ценой выхода из противоречия; от объективных изменений, которые она произвела в жизни своим действием, поступком или созданным продуктом; от осознания личностью социокультурных эффектов и влияний ее «разрешающей» активности.

Фактор **совершенного поступка** и осознания его последствий имеет в развитии «я» особое значение. В самом деле, разрешающий поступок открывает новые стороны внешней и внутренней реальности, ранее представлявшие для личности **ее проблему**. Проблема решена, и новое, вошедшее в жизнь личности, сознательно соотносится ею со своими стремлениями, то есть приобретает глубокий **личный смысл**. Новый смысл, самостоятельно найденный личностью в динамике отношений, может быть удержан, закрепен ею как устойчивое содержание «я», вписан в жизненный контекст «я-для-себя сполна», а может быть утрачен, разрушен. Закрепление смысла обеспечивается переживанием лишь относительной завершенности разрешающего акта, верным пролонгированным прогнозом положительных, удовлетворяющих личность последствий поступка. Затем, в развитие смысла, личностью ставятся задачи, как овладеть этими последствиями, как сохранить единство поведения, как разрешить новые жизненные противоречия и т. д.

Смысл становится сущностью «я», если он устойчиво определяет для личности ее будущее, если через него она осознает свою бытийное назначение, если в новом смысле видит полноту и целостность своей предстоящей жизненной реализации. Об этом – прекрасная мысль М. М. Бахтина: «Только тогда, когда я не ограждаю себя от заданного смысла, я напряженно владею собою в абсолютном будущем, держу себя в своей заданности, управляюсь собою из бесконечной дали абсолютного своего будущего. Но как только я выпускаю из ценностного поля своего видения свою заданность и перестаю быть с собою в будущем, моя данность теряет

для меня свое предстоящее единство, распадается, расслаивается в тупо-наличные фрагменты бытия». (11; с. 118)

Самостоятельное, осознанное, продуктивное для общества и личности разрешение противоречия является условием, при котором наиболее полно действует закон смыслообразования и «передвижки смыслов», определяющий развитие индивидуальной духовной жизни и «обобщенного я». Достигая позитивных разрешающих результатов, личность сама наполняет смыслом новые жизненные реалии, сводит «тексты» и «подтексты» изменившегося бытия, приходит к **самоисследованию**, состоящему в проведении единой линии жизни, в «переоценке ценностей, переосмысливании, истолковании, новых акцентах, переакцентировании, переинтонировании» (56; с. 366). В осознанном, действенном разрешении противоречия личность проявляет себя оригинально, неповторимо, творчески, утонченно, артистично. По мере утверждения проблемно-преобразующей позиции «я» во всех своих жизненных отношениях она приобретает качество **самотворца**.

Уровни осознанности, **рефлексивности** жизни и жизненных отношений являются, по Рубинштейну, основаниями развития определенных типов личности. В развитие его идей о личности, способной к сознательному погружению в жизнь и рефлексивному возвышению над ней, предлагаем описания четырех таких типов.

Личность, растворенная в текущей жизни. Ее сознание реактивно следует за наличными ситуациями и за событиями, происходящими здесь – и – сейчас, оперирует в основном актуальными знаниями, впечатлениями, переживаниями. Ретроспектива относится, главным образом, к недавно бывшему, а перспективное сознание – к тому, что ожидается вскоре. «Я» осознается источником сильных желаний и связанных с ними эмоций и аффектов. Спонтанность и свобода их проявления создает у других впечатление особой энергичности, экспрессивности и экстравагантности данной личности. Слабость ее самопонимания способствует множественным

проекциям и идентификациям по типу подражания и уподобления. Этот тип может быть представлен и любителем удовольствий, приходящих из внешней жизни, и человеком, увлекаемым жизнью других людей, и личностью, трепетно следящей и следующей за своими ощущениями, переживаниями и фантазиями.

Деятельная личность. Ее сознание постоянно ищет и находит способы эффективной самореализации и саморегуляции в профессиональной, управленческой или общественной деятельности. За счет хорошего знания о возможностях «я», деятельность осуществляется целенаправленно, планомерно и результативно. В ней присутствует отдаленный и ближний сознательный опыт, а также краткосрочные и пролонгированные прогнозы результатов, продуктов и личностных достижений. Деятельность сосредоточена, как правило, на узкой предметной области, но при доминирующей установке на внешние объекты, она предполагает и постоянные обращения к «я» с целью создания образа и концепции Я – деятеля. Это личность, склонная отождествлять себя с определенной функцией и ролью в социуме.

Рефлексивная личность. Это человек, сумевший подняться над непосредственно проживаемой жизнью и познающий закономерности своего бытия, чтобы максимально осуществиться. Его активная внешняя и внутренняя деятельность опосредована наблюдениями за собой, осмыслением себя и гармоничной, привлекательной самопрезентацией. За счет непрерывной ориентации на «я» и на внешние объекты, сознание способно уловить значительно больше ценных свойств значимых объектов и субъективных возможностей освоить их, чем при нерефлексивной позиции личности. Рефлексия становится причиной и условием расширяющихся творческих связей с миром и самим собой. Жизнь рефлексивной личности не просто «протекает» или «наполняется извне», а ответственно создается ею самой.

Творческая личность. Ее сознание достигает надличного уровня, основываясь на способности к искусной рефлексии и производству неординарных продуктов деятельности. Потенциал рефлексии и созидания таков, что способствует актуализации обширных интуитивных содержаний с их огромной силой спонтанности. Мощное «я» притягивает и раскрывает потенциалы психической жизни, беспрецедентные по уровню влияния на деятельность как самой личности, так и множества других людей. Основой всех отношений к жизни становится творчество, соединяющее личность с вечными процессами Творения.

В персонологических построениях Рубинштейна обозначены общие свойства жизненных отношений, намечены качественные разновидности отношений, созданы концептуальные предпосылки для согласованного применения методов типизации и индивидуализации отношений. К данным свойствам можно отнести:

- **принадлежность к целостной организации** внутренней и внешней личности;
- **собственная целостность** отношения на основе связи его объективных условий, устойчивых качеств и способов реализации, процессуальных составляющих, продуктивных компонентов;
- **общественность** как единство с «другими» по типу разделения, формы, содержания и адресации, пронизывающее все аспекты отношения, включая детерминанты, процессы, структурные особенности и реализацию;
- **предметность** как обусловленность и направленность отношения на значимые для личности объекты, которыми могут быть «другие», «другой», вещи, знаки, идеи, действия и т. д.
- **идеализация** как активность рациональных, интеллектуальных действий личности, формирующих отношение;
- **осознанность**: я – присвоение и я – детерминация отношения, создающие возможность для его углубленной рефлексии и рефлексивного развития;

- **единство сознания и деятельности** в жизненной динамике, качественных и структурных свойствах, идеальной и предметной объективации отношения;
- **«субъектность»** отношения в смысле его активного опосредования личностью и «я», а также собственного влияния отношения на личность и ее жизнь;
- **индивидуальность** отношения, зависящая от специфики конкретного преломления личностью объективных воздействий, общественных влияний, предметных условий жизни и от его я – регуляции;
- **проблемность**, зависящая от исходной двойственностью свойств и детерминации отношения, состоящая в возникновении, развитии и разрешении его коллизий;
- **единство самосознания и самодеятельности** в контексте отношения, предполагающее выделение «я» личности в качестве основного внутреннего условия совершенствования и данного отношения, и всей их системы в целом; проявление этого единства в феноменах самоопределения, самореализации, самопознания, саморазвития;
- свойство отношения быть критическим, ценностным, ответственным выражением личности в формах **поступка, деяния, свершения**, масштабного **влияния** на других;
- **свойство смыслообразования**, определяющее расширение и углубление жизненных смыслов в результате конструктивного разрешения противоречий отношения и рефлексии изменений, наступивших в условиях жизни. (63)

Исходя из системы перечисленных свойств, могут быть определены разновидности жизненных отношений личности. Доминирование определенного свойства создает возможность интеграции и автономии некоторых категорий связей личности с миром. В частности, приоритетное развитие в индивидуальном бытии свойства «общественности» ведет к формированию интегрального отношения личности к другим. Приоритет «идеализации» вызывает активное развитие обобщенного познавательного отношения личности к жизни. «Предметная» доминанта концентрирует

жизненные интенции личности в деятельном отношении, а сила осознанности и я – регуляции направляет эти интенции в русло рефлексивного отношения. Аналогично можно найти факторы генеза этического, эстетического и т. д. жизнеотношений личности. Все конкретные отношения участвуют в процессах интеграции, с одной стороны, приобретая универсальные качества, объединяющие данную личность с множеством других людей, а с другой стороны, все больше индивидуализируясь за счет вбирания в себя возможностей всех прочих отношений, задействованных в интеграционных процессах.

Система ярко выраженных в индивиде позитивных, ценностных отношений к жизни очерчивает контур **типа зрелой личности**, реального если не в социально конкретном плане, то онтологически, перспективно. В контексте приведенной теории допускается существование многих, в том числе негативных, типологических вариантов личности, взятой в измерении «отношений».

1.3.. КУЛЬТУРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Версия свободного соединения личности с обществом посредством жизнеотношений и экзистенциальных диалогов не составили во второй половине XX века победной оппозиции **концепциям социальной зависимости личности** с их подчеркнутым вниманием к средне - статистическому индивиду, постепенно теряющемуся в крупных организациях и сообществах. Коллективное в отношении к индивиду все больше стремится занять положение абсолюта. «Массификация» нивелирует идею индивидуальности; а также обесценивает традиционную группу с присущей ей психической, функциональной и ролевой дифференциацией, взаимной зависимостью и ответственностью членов. Человеческие массы помещаются в эпицентр современной истории как ведущие субъекты крупных мировых событий: революций, войн, технологических и

информационных прорывов, глобальных финансовых потоков и международного производственно – товарного обмена.

Индивидуальность оказалась перед невиданной опасностью подавления, вследствие огромного тематического и операционального расширения личного сознания, его выхода из границ прежних культурных, национальных, религиозных представлений и в связи с «глобализацией», интернационализацией личности наряду с возрастающим самоотчуждением. Сознание наполняется противоречиями разнообразных норм, правил и канонов. Не справляясь с ними, оно становится релятивным, невротичным, диффузным; нарушается личностная идентификация с конкретными формами и субъектами социальности. В этих процессах подрываются межличностные связи индивидов, прежде составлявшие психологическую основу группового единства. «Расширенная личность» становится слишком озабоченной поддержанием своей суверенности и принуждением других к признанию ее превосходства. Группа начинает выступать для индивида не опорой его персонализации, а формой и символом его социальных ограничений, которые он преодолевает, регрессируя к индивидуализму.

Распыленные индивидуальности, сознательно отрицающие преимущества своего единства с коллективным целым, оказываются под сильным воздействием бессознательной нужды в принадлежности к общности. Чем тоньше прорабатывается рациональная идея о культивировании индивидуальности и персональном преобладании, тем архаичнее и неопределенней влечение личности к слиянию с «общим» и сильнее ее страх и ненависть к одиночеству. В современной жизни это «общее» часто навязчиво выступает в образе неструктурированных «толп». Диффузная общность становится для европейцев влекущей и влияющей средой, несмотря на то, что любая влившаяся в нее индивидуальность неизбежно переживает трагедию деперсонализации, потери себя при избытке стихийной социальности. «Снятые с креплений, лишённые привилегий по рождению и по званию, дезориентированные бесконечными переменами, приставшие

друг к другу люди создают невероятный простор для разрастания тех человеческих туманностей, которыми являются толпы». (42; с. 51)

Дополнением социальных концепций деперсонализации может служить модель Р. Тарнаса, объясняющая подавление «личного» возникновением **кризиса в познавательном отношении человека к миру.**

- Отношение человека к миру носит характер жизненно важной зависимости, поэтому для человека крайне важно объективно оценивать мир, правильно интерпретируя исходящие от мира сообщения.

- Человеческий ум получает противоречивую информацию, элементы которой часто несовместимы друг с другом, давая разнообразные толкования положения человека в мире и сущности самого мира. Например, психологическое и духовное понимание себя не согласуется для личности с получаемыми научными метасообщениями

- В своем познании человек не может установить прямой связи с миром. В его распоряжении нет способов, которыми он мог бы постичь Вселенную как Реальность, хотя и порождающую человека, но отличную от человеческой реальности и недостижимую для личности.

- В экзистенциальном смысле человек не может покинуть границ мира, выйти из игры связей и отношений с Реальностью. С одной стороны, бытие предписывает личности бороться, осваивая мир, искать смысл жизни и добиваться свершений. С другой стороны, Реальность, из которой мы произошли, равнодушна к этим поискам, разрушительна в своих действиях, обесценивает личность в ее собственных глазах, ставит перед ней проблему нахождения все новых и новых отношений с миром.

- Откликаясь на противоречия во взаимодействии с миром, человек может пойти на искажения внутренней и внешней реальности: на подавление чувства «я» (апатия, психическая анемия) или, наоборот, на чрезмерное его усиление и расширение (нарциссизм, эгоцентризм). Что касается внешнего мира, то перед ним либо безмерно преклоняются, либо эксплуатируют. Существует также стратегия бегства, растворяющая личность в той или иной

страсти к «внешнему»: ненасыщаемом материальном потреблении, фанатичном увлечении массовой культурой, приверженности разного рода чудачествам, скитаниям, культам, экстремистским идеям, алкоголю, наркотикам, опытам жестокости.

- Крайним обезличивающим откликом на конфликты с миром, является развитие у человека невротических симптомов, подавляющих интеллект: безотчетная тревога, хроническая агрессивность, ощущение себя невинной жертвой, болезненная подозрительность, стремление к самоуничтожению, чувство абсурдности существования, переживание внутренней расщепленности, насилие, нигилизм. Следы этих отношений к миру проникают и определяют современную социальную и политическую жизнь.

- Но одновременно, преодолевая капитуляцию перед миром, в человеке продолжает действовать прометеевский порыв освобождения от власти мира путем его исследования и преобразования. Человеку открылась несостоятельность только тех внешне направленных способов и средств познания, которыми, он пользуется сегодня, и в будущем у него есть возможность установить отношения с миром, основываясь на изучении не столько мира, сколько потенциала своего разума и сознания. Человек может по-новому осмыслить путь, пройденный Сократом, Гегелем и Аквинатом, которые «уже одолели в своих странствиях дивные горные выси и теперь вдыхают пьяняще – будоражащий воздух альпийских лугов, любясь нежданно открывшимися неведомыми далями». (66; с. 357)

В противовес акцентам на социальное и гносеологическое поражение современной личности, в поддержку культурной линии индивидуализации, появились и получили распространение психологические концепции, посвященные **выдающейся личности**. Она рассматривается в качестве критически выраженной индивидуальности, реализующей свой глубинный потенциал, открытой к другим, ответственной за все общество, оказывающей значительные культурные влияния, притягивающей к себе множество людей, готовых самобытно развиваться в одном ментально - психологическом

пространстве с ней как образцом персонализации. Характерны в этом смысле работы К. Юнга, Э. Нойманна, А. Менегетти, А. Маслоу и др.

- Для всего мира актуальна проблема разрастания масс и потребительского отношения ко всему, наряду с практическим исчезновением позитивной творческой индивидуальности...

- Общество страдает от отсутствия людей творческих, способных на духовное, научное и культурное возрождение во имя создания высшей культуры...

- В мире ощущается недостаток в человеке творческом, обладающем высочайшим интеллектом...

- Обществу не хватает людей, способных на выдающиеся свершения. (40)

Придерживаясь убеждения в важности поиска психологических путей «выращивания» современных талантов и творцов, предлагаем модель «Выдающейся личности» (В.Л.), намеченную по мотивам культурно – психологических исследований Э. Нойманна. (45) Доминирующими в границах данной модели являются отношения личного с «я» - **внеличным – надличным.**

1. В.Л. способна интуитивно уловить в бессознательном праобраз индивидуального творческого развития, превращающего его сознание в зрелое и интегрированное. Этим праобразом является архетип Героя, который, благодаря сознательным усилиям личности, становится особо адекватным современному духу и ведет личность путем направленных преобразований ценностного содержания культуры. Творческое качество личности может длительно жить в европейском культурном каноне, сохраняясь в разные времена, несмотря на натиск коллективных сил.

2. В.Л. направляет свою деятельность в область религии, искусства, философии, науки или политики, преобразуя их с помощью новых идей и символов, понятных, пленительных и убедительных для множества людей. Бессознательное «Героическое начало», творчески реализуясь в личности,

порождает знаменитых и масштабно влияющих художников, проповедников, философов, писателей, ученых и общественных деятелей.

3. Бессознательное В.Л. включает ожившие архетипы с потенциалом мощных воздействий на современность; ее эго-сознание представляет собой совершенный интеллектуальный инструмент и способ индивидуального творчества; ее супер - эго образовано устойчивыми культурными нормами, которых она строго придерживается. В психике и жизни выдающейся личности достигаются исключительно плодотворные связи архетипа – сознания – культурной традиции - индивидуальной культурной деятельности.

4. Творческий процесс В.Л. охватывает не только множество объектов и субъектов человеческого мира, но и максимум аспектов ее собственного бытия. Везде устанавливаются отношения центроверсии, когда зрелая индивидуальность гармонизирует взаимодействие дихотомий, избавляя свою внешнюю и внутреннюю жизнь от разрушительной двойственности. Личностная центроверсия исключает острые конфликты органического и психического, бессознательного и сознательного, рационального и иррационального, индивидуального и коллективного, эго и архаичной самости.

5. Иррациональное и трансперсональное играет в жизни В.Л. не менее важную роль, чем сознание и сознательное творчество. Открытие новых символов и идей осуществляется в ответ на «повеления голоса высшего духа». Образы, тексты, произведения личности относятся к культуре, сообщающейся с областью трансцендентного. В «продуктах» и «влияниях» личности всегда есть некоторая избыточность, не постигаемая большинством людей и относящаяся к уже исчезнувшему либо еще не появившемуся в человеческом мире. Тайна ее дарования, неотразимо действующая на других и овладевающая всеми, часто определяется как «харизма».

6. Создавая новые ценности, В.Л. сама более 200 лет представляет собой культурное достояние, освященное архетипом Героя. В отношении к этому

достоянию общность занимает неоднозначную позицию, наделяя личность огромной духовной властью, или отвергая ее как «несвоевременную», или растворяя ее уникальные вклады в «коллективных представлениях», или заставляя бороться с деструктивностью, привносимой в ее жизнь.

7. Своими идеями, образами, текстами, выступлениями В.Л. может нести предвестие кардинальных смен культурных форм и стилей. В них часто угадывается желание выразить уже пережитую в собственной душе возможность гибели ценностей, интуитивное знание о надвигающейся интеллектуальной опасности, предчувствие расширения границ познания и самопознания. Иногда, оберегая свои уникальные авторские установки, личность бывает вынуждена пойти на самоизоляцию, в одиночестве продолжая творческий путь.

8. В своей одержимости созидательной деятельностью, В.Л. иногда кажется чрезмерно эксцентричной, отличающейся не то необычной активностью бессознательного, не то неординарной работой сознания, не то какой - то «неправильностью» ее психической системы. «Любой талант неизъясним». Однако ни одна из этих гипотетических причин не устраняет и не ослабляет общего впечатления величия и могущества, производимого свершениями личности, тем большего, что она приобретает известность и власть, не стремясь к ним и не придавая им особого значения. Скорее она чувствует себя проводником власти Высшего, позволяющего ей создавать нечто значительное.

9. В.Л. - это человек, непрерывно растущий, совершенствующийся. Во всем выявляется его особое бытийное предназначение. В любом возрасте ему свойственна гениальность жизненных выборов, принимаемых решений, способов перехода с одного этапа жизни на другой. Он умеет постоянно рождаться на основе «вложений в себя», отражая результаты своих продуктивных действий, влияния своих произведений, эффекты любви к себе других людей и своей любви к ним. И даже при недостатке таких

«вложений» личность усиливает себя, работая на будущее, следуя великой «метафизической задаче».

10. В процессах роста В.Л. формируется единство ее мощного первичного порыва к творческому бытию, ее хорошо логически и семантически структурированного «я» и относящихся к ней «других». На психологической территории активности личности возникает социальность нового типа, где происходят духовные циркуляции от ее внутреннего мира к внутренним мирам «других». Последние также приобретают способность оказывать личные влияния в расширяющихся горизонтах совместной творческой жизни. Генерирующая социальность необходима В.Л. для свободного самоопределения.

11. Свойственное европейской индивидуальности самополагание, или свобода быть собой, неординарно выражено у В.Л. во внутреннем преломлении и подчинении себе великого множества жизненных событий, воздействий и ситуаций, а также в возведении их в значительный социокультурный масштаб. Она непрерывно расширяет и концентрирует себя, «приводя обстоятельства, обычаи, правила вкуса, этики, философствования и даже природу вещей в соответствие с собою». (8; с. 34)

12. В.Л. несет в себе потенциалы, направляющие в развитии любого индивидуального субъекта культуры. Однако в ней они выражены в великолепной форме, ярко высвеченной жизнью. К этим потенциалам относятся: мышление, проблематизирующее мир; творчество, дающее миру смыслы будущего; рефлексия, создающая суверенное «я» и приводящая внутренний мир в соответствие с социальными и трансцендентными перспективами; диалогизм психической жизни.

Притяжение выдающихся личностей традиционно велико среди европейцев. Влекут их имена, тексты, поступки, необычность жизни, заманчивые повороты судьбы. Но у ныне живущего человека, вобравшего основные европейские каноны персонализации, перед лицом Фигур и Авторитетов все

больше растет притягательность тайны собственной личности, растет «необходимость себя».

В отношении современного человека к себе есть множество диссонансов, которые заставляют личность быть, как никогда ранее, внимательной к себе и при этом переживать неуловимость своего «я». Трудность индивидуального выбора среди безмерных возможностей саморазвития, предлагаемых миром, острая конкуренция личных способностей и достижений часто побуждают личность к отказу от интенсивной внутренней работы, полной риска испытаний и поражений, а также к отстранению от тех областей коллективной жизни, где вершатся и происходят крупные дела и события. Субъективно уменьшаются меры личного роста, сферы персональной отдачи и духовного развития. Данный европейскому человеку историей и культурой дар «исходить из себя» начинает использоваться для умаления себя, а путь «героя» остается нереализованным архетипом.

Удовлетворенность личности собой все больше основывается на внешних действиях, которые приносят ей высокие психологические, социальные или финансовые дивиденды. Диапазон выигрышных в этом смысле действий стал необычайно широк и доступен, набор заманчивых образцов проживания до крайности разнообразен. Личности не нужно быть душевно сложной, цельной, зрелой, а тем более «всеобъемлющей», чтобы последовать влечению к выгодной или престижной активности. Например, включиться в редкий бизнес, заняться экстремальным спортом, погрузиться в экзотическое приобретение или сделать свою повседневную интимную жизнь предметом публичного разглядывания. Происходит абсурдный поворот к традиционной жизни «деятеля». На фоне удовольствия, доставляемого личности удачными эгоистическими и гедонистическими практиками, у нее постепенно теряется ценность внутреннего «я», оно реже вызывается к диалогу с собой и редко выражается в актах ответственного, этического самоопределения.

Дорожа индивидуализацией как «традицией», современная личность обнаруживает черты, противоречащие ей. Это непомерная раздвинутость предметных границ сознания и регресс самосознания, отступление творческого радио и наплыв архаичных бессознательных содержаний, эгоцентризм и конформизм социального поведения личности, активность внешней деятельности и уход от развивающего «овнутрения» объективных связей, экстремистское отстаивание права на персональное своеобразие и отстранение от себя в сети корпоративных отношений.

Ослабляя гуманистический канон, личность с **внешней стороны** демонстрирует избыток плохо структурированных чужих смыслов, частую перемену нормативных предпочтений из-за подверженности социальным манипуляциям, озабоченность самоподачей перед лицом влиятельных лиц, вымогание широкого признания, самоутверждение на поверхности модной деятельности, подмену талантливой эпистолярной и литературной рефлексии популярными «памятниками» себе или посредственными интернет - дневниками. С **внутренней стороны** ей свойственны: интуиция несостоявшегося «я»; ослабление регулирующей и организующей функции сознания; рефлексивное бессилие; отклик на бессознательную тягу к мистическому; узко специализированное мышление; экспансия эмоций во все сферы жизни; одержимость собой как персонификацией Успеха (я – власть, я - богатство, я - интеллект, я – талант, я – профи и т. д.); идентификация с другими по типу «имитаций» и «присвоения» в ущерб отношениям доверия и глубинным духовно - творческим влияниям; психологическая податливость, зависимость, внушаемость и конформизм; снижение ценностного уровня самовыражения. В обществе стали появляться **«знаки исчезновения личности»**. Человек, переживающий серьезный культурно - исторический кризис обращения с собой, приобрел имена, подчеркивающие его специфические отклонения от индивидуализации, векового европейского самостояния в мире и бытии.

«Человек массы» - индивид, теряющий бесценную и хрупкую свободу личного своеобразия, но приобретающий сходство и успокоительное равенство с другими из-за полной вовлеченности в коллективные устремления и переживания, совместные мыслительные процессы и практические действия.

«Человек в капсуле» утрачивает способность выходов в поле разностороннего общения и психологического обмена с другими людьми, избегает отношений взаимной значимости, отдачи и любви. Использует людей, повинуюсь ревности и ненависти к человеческой теплоте.

«Человек - тень» становится жертвой болезненного раскола сознания и бессознательного, при котором деструктивные архетипы и личные комплексы правят в агрессивных, разрушительных и самоубийственных действиях личности.

«Человек – текст» может признать свою реальность лишь в качестве субъекта семантических вкладов во всеобъемлющий Текст, собирающий и порождающий идеи и символы коллективного существования. Чувствует себя хорошо в режимах обширного информационного обмена, интенсивной речевой коммуникации, генерирования текстов, очищенных от личных смыслов.

«Человек - никто» демонстрирует омертвление высших способностей души, уход наиболее сильных стремлений в область потребления и инфантильного захвата принадлежащего другим, самоотдачу «неподвижной идее», оправдывающей зло и насилие, принятие над собой чьей – то полной персональной или коллективной власти, фанатичную преданность объекту культа.

Состояния потери личности «не есть приобретение новейших времен, а напротив, пережиток той архаической эпохи, когда индивидуальность вообще не существовала».(89; с. 119) Особенностью указанных человеческих **типов** является нарушение развивающей двойственности, всегда притягивавшей европейца к уравнивающему центру самосознания. В

этом центре любой «коллективной», «эгоцентрической» или «абсолютной» доминанте может быть найден гибкий индивидуальный противовес. Например, благодаря активности «я», поглотившая индивида «масса» превращается в условие его ответственного выделения из нее. Отчуждение и самоизоляция преодолеваются установлением ценностных отношений личности с другими. Взрывная сила бессознательной критики по поводу своей жизни может быть направлена по каналам проблемной рефлексии в я - обновляющие поступки. Присущая личности информационного общества интенсивная жизнь – в – слове может уравниваться другими способами генерирования и жизненной практики. Сильное влечение к обладанию желанными объектами преодолевается, благодаря осмыслению, пониманию и сопричастности.

Невозможно представить, что результаты многоэтапного исторического поиска индивидуальности могут ныне исчезать из «эфира» живых культурных смыслов. Но как раз вследствие их великого масштаба, процесс индивидуализации становится все более трудным. Избежание или преодоление диссонансов в этом процессе становится приоритетной задачей социума и самой личности, которая в своем индивидуальном случае из общего арсенала культурно-психологических стратегий персонализации должна найти близкий себе путь.

Общества, реализующие новейшие политико-экономические парадигмы, продвигают социальные модели личности, способной стать «агентом» перспективных реформ и преобразований. Акцент все более смещается на расширенное культивирование **новых личностных ценностей**, которое должно принципиально усилить потенциал инициативы, активности, устойчивости, и благополучия индивидов в обществе, организации, группе. Оптимальными условиями и результатами освоения этих ценностей считаются «экономика знаний и информации», «новый бизнес», «конструктивная конкуренция», «организация как система», «работа как значимость», «инновационная доминанта».

Ценности, характерные для личности как **субъекта инноваций и профессионального успеха**, можно представить в интерпретации Т. Питерса (46), выстроив следующую континуальную модель:

- жизнь в ускоренном темпе.
- жизнь, полная работы,
- движение от проекта к проекту,
- ставка на информацию,
- конкуренция как возможность для успеха и развития,
- подвижные альянсы, ставка на неординарных людей,
- творчество – созидание и творчество – разрушение,
- одержимость успехами,
- стремление к совершенству,
- воображение, фантазия, мечты, «безумные» идеи,
- мой талант, мое достижение, мой вклад, мой след,
- продукт деятельности – инновация,
- быть профи – быть звездой,
- гордость профессионала,
- работа с возможностями,
- процветание на неопределенности,
- культ мастерства и страсть к обновлению,
- производство «методов», «правил», «решений», «впечатлений»,
- способность к сотрудничеству,
- карьера как выстроенная система проектов,
- ставка на качество: прекрасно, красиво, элегантно, стильно,
- создание памятного, причудливого, исполняющего мечту, уникального, рассказывающего историю, усиливающего индивидуальность,
- референтная группа, ближайшее окружение,
- стратегическое выражение своего таланта и талантов других,
- креативность во всем,
- уверенность в себе,

- оптимизм, энтузиазм, воодушевление, напряжение, усилия,
- инициатива как добродетель,
- разнообразие видов интеллекта,
- стимулирующее незнание,
- любовь к парадоксам,
- лидерство как ответственность, экспериментирование, продвижение талантов,
- изобретательство как игра,
- артистизм и обаяние.

Превращение данной или другой социальной модели личности в индивидуальную реальность требует множества опосредующих звеньев, включая образование, воспитание, современные виды профессий, развивающее взаимодействие индивидов и саморазвитие человека. Весь этот спектр зависимостей может исследоваться в контексте культурной психологии личности.

2. ИНТЕГРАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ

2.1. ФОРМЫ СИНТЕЗА ИДЕЙ О ЛИЧНОСТИ.

Полагаем, что поддержка современного человека в наисложнейшем труде над собой требует построения **интегральных психологических моделей личности**, целостно собирающих и развивающих канонические и нарождающиеся идеи об индивидуальности. При этом должны сочетаться научные, феноменологические и индивидуально - рефлексивные установки культурной психологии личности.

Новые модели могут применяться наряду с традиционными, если те выражают целостный взгляд на личность в определенной культуре, или являются опытом культурно - психологического синтеза, то есть, раскрывают культурную детерминацию – идентичность - активность – самопознание - развитие личности, или учитывают культурогенез психологии личности и ее

место в научной «культуре человека». Упорядоченные интегральными моделями «открытия личности» закономерно намечают перспективу дальнейших исследований в проблемном поле «личность - в - культуре» и направление разработки новых технологий личностного консультирования, психотерапии, самоформирования. Лучшие из моделей, покидая границы психологии, могут стать активными императивами нарождающейся глобальной **личностной формы культуры**, известными признаками которой являются определение личности и ее жизни приоритетными ценностями постсовременного мира, развитие «личностной философии» и общественного «личностного мировоззрения», создание пролонгированных социальных гуманистических стратегий. (43)

Мы остановимся на **трех интегральных моделях**, построенных по принципам, релевантным культурной психологии личности. Первое, по принципу выделения и синтеза культурно – исторических **констант «я»**, присущих личности, продуктивной в духовной деятельности. Второе, по принципу синтеза **глубинных способностей** личности, затребованных современной культурой. Третье, по принципу синтеза **идей** о личности, сложившихся в культурогенезе и отразивших становление личностных свойств, традиционно высоко ценимых европейцами.

1. Оригинальная разработка культурно – психологического интеграла личности была предпринята в русле герменевтического анализа рефлексивных текстов, авторы которых представляли собой «исключительные случаи творческой индивидуальности», состоявшиеся в Европе V, XII, XVIII и XX веков (65). Исследование показало, что, несмотря на значительное пространственно-временное отстояние друг от друга и выраженную уникальность талантов, субъекты рефлексии обнаружили множество сходных психологических тенденций, формирующих устойчивые отношения «я» к **надличному – другим – своей жизни – себе**. Найденные константные я – отношения были представлены как взаимопроникающие

аспекты единой Личности, возрождающейся во многих лицах для культурного творчества и масштабных культурных влияний.

Основой реконструкция интегрального «я» стали тексты авторских жизнеописаний: «Исповедь» Аврелия Августина, «История моих бедствий» Петра Абеляра, «Из моей жизни. Поэзия и правда» Вольфганга И. Гете «Воспоминания, сновидения, размышления». Карла Юнга, «Самопознание: опыт философской автобиографии» Н.А. Бердяева.

Комплексно применялись следующие принципы и возможности герменевтических процедур:

- 1) воссоздавать явные психологические содержания текста, активно их преобразовывать, соединять их с культурным и личностным контекстом, выявлять их новые связи, извлекать скрытые планы текста, заключающие тайные смыслы автора;
- 2) сочетать приемы интуитивного понимания, вчувствования, рациональной интерпретации содержания текста, строить неявный диалог интерпретатора и автора текста, посвященный разгадке тайны «я» автора;
- 3) истолковывать тексты, получившие статус «больших произведений культуры» и вместе с тем остающиеся во многом непонятыми, нераскрытыми, представляющими проблему в аспекте личности автора;
- 4) находить ключи или «смысловой эквивалент» к исследованию текстовых выражений субъективного внутреннего и внешнего мира автора, например, использовать при интерпретации предложенный Р. Бартом принцип культурных кодов текста: знания, коммуникации, символов, рефлексии, загадки и т. д.;
5. разрабатывать «смысловой эквивалент» интерпретации как сложную психологическую модель выявления тонких нюансов субъективности автора, привлекая соответствующие теории и концепции индивидуальной личности. (В данном случае при построении смыслового эквивалента применялись концепции личностной рефлексии, теории творческой личности, концепции жизненного пути личности, социальные теории личности.)

«Я» личности, создающей культуру и определяемой в измерении отношений, приобрело в исследовании следующие аналитико-синтетические характеристики.

Я в отношении к другим

- Привязанность к отцу и сопротивление отцовским ожиданиям
- Переживание притягательности материнской тайны.
- Высокая ценность материнской любви.
- Отстраненность от семьи и критика «семейного духа».
- Ранее интуитивное понимание сути отношений между людьми.
- Уловление истинных мотивов поступков других.
- Сознание своей непохожести на других.
- Стрдание от непонимания другими.
- Вынужденное и выбранное одиночество.
- Сильное влечение к женщине.
- Полная поглощенность любовью и частая потеря любви.
- Амбивалентность отношения к женщине: сильная привязанность и отвержение.
- Отношение к полу и любви как к явлениям, порождающим иллюзии.
- Слабая способность к дружбе.
- Легкость перехода от чрезмерной увлеченности другим человеком к обесцениванию и холодности.
- Сильная нужда в «другом» на определенном этапе становления.
- Оппозиционная установка на автономию.
- Принятие опыта жизни выдающихся личностей как ориентира и утешения в собственном жизненном пути.
- Уверенность в своей способности к исключительным достижениям и возможности превзойти учителей.
- Благодарное отношение к близкому окружению за внимание и поддержку его дарований.
- Невольное влияние своим талантом и личностью на многих других.

- Открытость к людям, способным передавать знания, делиться опытом творчества и общения.
- Преображающее, глубинное влияние его произведений на многих других.
- Творчество, вызывающее у других духовные перевороты.
- Ранняя увлеченность азартом игры, соперничеством, преодолением.
- Страсть к выигрышу и творческой победе над другими.
- Любовь к феномену юности, пробуждению дарований товарищей, возможности творить вместе.
- Категоричность и чрезмерная требовательность к близким людям вплоть до неприятия.
- Внимание к оценке своих произведений другими.
- Стимулирующая ревность к достижению других.

Я в отношении к своему творчеству

- Ранее проявление способности к искусствам и наукам.
- Активная проба дарований в различных сферах деятельности;
- Жадное, часто истощающее овладение знаниями.
- Сильная увлеченность духовным общением, порождающим мощные порывы к творчеству.
- Ощущение бессознательных источников своего творчества, опора на интуицию.
- Огромная энергия жизнедеятельности и созидания в юности и молодости.
- Отношение к познанию и творчеству как к средству уничтожения иллюзий, скрывающих истину жизни.
- Осознание исключительной ценности творчества в своей жизни и человеческой жизни вообще.
- Неистощимая установка на творческий поиск.
- Меньшая ценность готового продукта в сравнении с процессом творчества.

- Наивысшие творческие подъемы под влиянием религиозных и мистических учений.
- Доминирующее внимание к «человеку» как к теме, мотиву и истоку творчества.
- Широкое использование символов в познании и творчестве
- Рано пробудившийся интерес к природе как источнику необычных духовных состояний и творчества.
- Отношение к своему жизнеописанию как способу творческого воссоздания «я».
- Понимание творческой жизни как пути обретения внутренней свободы.
- Осознание своего развития как зависящего от таланта и творческого предназначения.
- Исследование техник, приемов, инструментов своего творческого процесса с целью из совершенствования.
- Оценка собственных произведений и трудов как превосходящих достижения лучших творцов в данной области.
- Осознание исторических предпосылок своего творчества, а также его места в череде событий преобразования мира человеком.
- Осознание единства своего творческого начала с другими талантами в определенной области духовной деятельности.

Я в отношении к надличному.

- Вера и любовь к Богу
- Принятие Священного писания или других религиозных учений на определенном этапе своей жизни.
- Обостренная чувствительность к таинственным, мистическим, непостижимым явлениям.
- Повторяющиеся сны религиозного, трансцендентного характера.
- Склонность к символизму в философском, поэтическом и научном творчестве.

- Использование символа как средства выражения своих глобальных открытий.
- Одухотворение природы, вера в ее божественное величие и мощь.
- Любовь к мифу и сказке, высокая ценность фантазии, мечты, воображения.
- Поиск абсолютных начал в человеке вообще и божественного света в своей душе.
- Вера в силу магических действий и ритуалов, придание своим переживаниям, идеям и образам символического значения.
- Ценность своей способности к предвидению, предсказанию.
- Рискованные опыты личных встреч с бессознательными силами души.

Я в отношении к своей жизни.

- Осознание своей жизни как процесса духовного роста, идущего по определенным этапам.
- Способность посредством текста охватить мыслью свою жизнь, осуществить биографический синтез.
- Любовь к своей жизни как несущей творчество, уникальные свершения.
- Различение и тонкое соотнесение динамики своей внутренней и внешней жизни.
- Понимание жизни как последовательности встреч со значимыми, влияющими, любимыми людьми.
- Оценка своего жизненного пути как противоречивого, кризисного, сопровождающегося душевными подъемами и падениями.
- Придание высокого значения некоторым событиям жизни, как «отмечающим судьбу».
- Высокая ценность встречи с определенным человеком, кардинально повлиявшим на смысл и течение жизни.
- Осознание решающей роли какого-либо произведения, текста, определившего жизненный и творческий выбор.
- Интуитивное понимание скрытой связи своей жизни с ушедшими и

протекающими жизнями других творческих личностей.

- Благодарность близким людям, на определенных этапах жизни высоко оценившим его дарования и труды.
- Высокая ценность случаев сверхчувственного восприятия и удачных предсказаний событий своей жизни.
- Поиск причин многих явлений своей жизни в сферах, независимых от воли личности.
- Отношение к жизни как к игре высших сил, в которой личность обладает незначительной свободой.
- Любовь к своей юности и молодости как к периодам, определившим весь жизненный путь

Я в отношении к себе

- Высокая ценность состояния «быть с собой».
- Рано проявившаяся склонность к самонаблюдению, самоанализу, самоисследованию.
- Опыт «собираания себя» в исповеди, жизнеописании, автобиографии.
- Различение и цельное осмысление качеств своей личности, «я», жизни.
- Оценка самопознания как важнейшей сферы своего творчества.
- Направленность самопознания на творческий потенциал бессознательной жизни.
- Перенос философских, художественных, психологических идей, образов и символов «человека» в план самопознания.
- Раскрытие и разрешение противоречий «я» и своей жизни.
- Раннее внимание к своим способностям и достижениям, отличающим его от других людей.
- Осознание жизни как пути к истокам своего «я», пути к себе.
- Тщательное слежение мыслью за своей текущей жизнью, непрерывное вспоминание жизни, интуитивное проникновение в свое будущее.
- Интерес к времени, как реальному феномену, философской проблеме и субъективному измерению своей жизни.

- Увлеченность и любовь к действительному миру, наряду с осознанием своего влечения к миру иному.
- Оценка, как неразрешимой, коллизии между душевной свободой и «бременем тела».
- Оценка своих любовных страстей как препятствий для сосредоточения на подлинном жизненном назначении.
- Поиск единства и гармонии собственной жизни через осознание ее ритмов, циклов, сквозных занятий, смыслов и достижений.
- Идея личного противодействия миру как «погрязшему во зле».
- Осознание себя человеком «избранным», для которого дороже всего собственная уникальность.
- Рискованные рефлексивные эксперименты с разложением и новым синтезом собственного «я».
- Осознанные отождествления с другими людьми, выбранными в качестве образцов и ориентиров развития..

2. Вторая интегральная модель личности, в отличие от двух других, является классической, широко известной. И хотя ее автор - американский исследователь, она проникнута духом европейской культуры, с ее давней традицией видеть в философии центр формирующих влияний на образование, науку, литературу, религию, политику, экономику. Следуя от философии к психологии личности и руководствуясь эволюцией взглядов на индивидуальность в истории западного мышления, **Абрагам Маслоу** создал целостную концепцию **внутренних потенциалов** индивидуального бытия, находящих культурные формы самовыражения и издавна порождающих яркие феномены культурной самоактуализации личности. В настоящее время эти потенциалы все больше завораживают человека, заставляя изменять устоявшиеся каноны европейского ratio – self – action.

Личность, в интерпретации Маслоу (39), выступает глубинной «самостью» или «системой психических способностей», которая в случае здорового развития индивида устанавливает его многосторонние (познавательные,

эстетические, творческие) отношения с миром. Особенно подчеркивается то, что глубинная самость потенцирует активность личности в отношении к своему **бессознательному**, своему «я» и общению с **другими людьми**.

Модель объединяет положения, названные Маслоу «основными допущениями о природе человека». Приведем их с некоторыми сокращениями.

- Каждый из нас обладает **исконной внутренней природой**, которая является инстинктообразной, изначальной, естественной, наследственной, отличающейся высокой мерой сопротивляемости. В сущностную внутреннюю природу включаются инстинктивные потребности, таланты, пол, конституция, темперамент, травмы вынашивания и рождения. Эта внутренняя сердцевина «говорит» языком естественных склонностей, пристрастий и априорных убеждений. Внутренняя природа каждой личности обладает как характеристиками, свойственными всему виду, так и характеристиками, свойственными только данной конкретной личности. Человек обладает аутентичной **самостью** как способностью слышать голоса - импульсы внутренней природы, то есть способностью знать, чего ты на самом деле хочешь, а чего — нет, на что способен, а на что — нет. В разных индивидах эти голоса-импульсы звучат с разной силой; часто они достаточно слабы.

- Многие аспекты внутренней, глубинной природы либо (а) активно подавляются, потому что вызывают страх, неодобрение или являются чуждыми эго, либо (б) не используются, выпадают из внимания, не артикулируются. Поэтому большая часть внутренней, глубинной природы является **бессознательной**. Это может относиться к инстинктам, потребностям, способностям, эмоциям, суждениям, установкам, восприятию и т. п. Активное подавление требует больших усилий, что приводит к большим затратам энергии. Подавляющей силой могут быть общество и культура, но также и внутриспсихическое начало личности, которое можно назвать «внутренним противодействием». Подавляемое может быть восстановлено за счет активного осознания и нахождения адекватных культурных форм самореализации. Например, бессознательные аспекты

познания поддаются восстановлению посредством обучения искусствам, танцу, другим невербальным умениям.

- Несмотря на то, что внутреннюю природу подавляют или даже отрицают ее существование, она продолжает существовать, пусть даже в искаженной форме. Ей необходимо присуща динамическая сила, жаждущая вырваться наружу, - **«воля к здоровью», стремление к развитию, жажда самоактуализации.** Во взрослом человеке эта сила (самость) отчасти проявляется посредством ее объективного или субъективного раскрытия и принятия того, что есть в человеке изначально. Отчасти она является творением самой личности.

- Для личности жизнь представляет собой постоянную необходимость **делать выбор**, а выбор определяется, в первую очередь, тем, что представляет собой на данный момент эта личность (включая ее цели, отвагу или страх, чувство ответственности, силу эго или силу воли и т. п.). Мы не можем думать об индивиде как о «всецело предопределенном», поскольку эта формулировка означает детерминацию исключительно внешними для личности силами. Личность, если это **подлинная личность**, сама есть своя основная детерминанта, свой собственный **потенциал, проект и свое создание.** Утрата личностью способности к самодетерминации, способности дорасти до собственного потенциала, развиваться в своем стиле и алгоритме, потеря самобытности и потребности в творчестве означает «упадок личности», противоположный самоактуализации.

- Исходя из того, что мы знаем о внутренней природе человека, можно сказать, что она изначально представляет собой то, что мы, взрослые представители нашей цивилизации, считаем **добром.** «Обнажающая» культурная практика (психотерапия, наука, религия, искусство) усиливает любовь, отвагу, творческое начало, доброту, альтруизм и т. п., приводя нас к заключению, что эти качества — наиболее глубокие, естественные и изначально человеческие. То, что мы называем «плохим» поведением (агрессивное, враждебное, деструктивное), ослабляется или устраняется, благодаря раскрытию внутренней природы личности, а то, что мы называем «хорошим» поведением, — усиливается. «Злое» в человеке реактивно, а не

сущностно. Например, широко распространенные ненависть или ревность ко всему доброму, истинному, красивому, здоровому или разумному («контрценности») могут быть реакцией на угрозу утраты самоуважения, поскольку лжец видит для себя угрозу в честном человеке, невзрачная девушка — в красивой, а трус — в герое. Любой выдающийся индивид самим своим существованием указывает нам на наши недостатки.

- Вследствие предательства индивидом своей внутренней природы или своей самости, отклонения от пути, ведущего к самоактуализации; возникает внутреннее **чувство вины**, обоснованное недовольство самим собой. Оно истинное, заслуженное, справедливое, потому что оно порождено расхождением человека с чем-то глубоко истинным, что находится в нем самом. С этой точки зрения, человеку полезно, даже необходимо, для саморазвития ощущать внутреннюю вину, когда он того заслуживает. Это внутренний «поводырь» личности, указывающий дорогу к реализации самости и ее потенциала.

- Глубины нашей природы могут быть **хорошими, красивыми, желанными**. На это ясно указывают открытия, сделанные в результате исследования предпосылок любви, творчества, игры, юмора, искусства и т. п. Их корни глубоко уходят в самость, в бессознательное. Чтобы отыскать их, суметь ими воспользоваться и получить от них наслаждение, мы должны быть способны к «регрессивному движению» в свою сердцевину. Ни о каком психическом здоровье не может быть и речи, если эту сердцевину индивида не принимают такой, какая она есть, не любят и не уважают ни сам индивид, ни другие люди. Психическое здоровье взрослого человека выступает как встреча со своей самостью и выражается в эмоциональной зрелости, индивидуации, продуктивности, подлинности, полноценности и т.п. Здоровое развитие личности - это **«развитие в направлении самоактуализации»**. Оно означает: (а) примирение с внутренней самостью как сердцевиной личности и ее самовыражение, то есть реализация скрытых способностей и потенциальных возможностей, «идеальное функционирование», развитие индивидом всех своих индивидуальных и общевидовых характеристик; (б)

минимизация заболеваний, неврозов, психозов, снижения индивидуальных и родовых способностей человека.

- Признаком самоактуализации является **спонтанность**, заключающаяся в свободном, неконтролируемом, открытом, незапланированном самовыражении, то есть в проявлении психических сил при минимальном участии сознания. Чистая спонтанность уже невозможна, поскольку мы живем в мире, который подчиняется своим, не психическим, законам. Но она возможна в сновидениях, фантазиях, любви, воображении, сексе, на первых стадиях творчества, в работе художника, в игре ума, в свободных ассоциациях и т. п. Чистый контроль не может существовать постоянно, потому что тогда *psyche* умрет. Образование должно быть направлено на культивирование как контроля, так и спонтанности и экспрессивности. В условиях нашей культуры и в данный исторический момент необходимо склонить чаши весов в сторону спонтанности, способности к экспрессии, произвольности, доверию, непредзаданности, творчеству и т.п.

- Дорога к здоровью и самоактуализации лежит через удовлетворение основных **потребностей**, а не через их подавление. Основные потребности заключаются в удовлетворении запросов тела и в стремлении (1) к безопасности, надежности, защите, (2) к сопричастности, то есть принадлежности к семье, общине, клану, кругу друзей, любимых, (3) к уважению, одобрению, достоинству, самоуважению и (4) к свободе, необходимой для полнейшего развития своих талантов, для реализации своей самости. За потребностями стоят определенные **способности** (физические, познавательные, эмоциональные, творческие) личности. Способности требуют, чтобы их использовали, и прекращают требовать только тогда, когда их используют достаточно хорошо. То есть способности являются также и потребностями. Использовать свои способности не только интересно, но и необходимо для развития. Простаивающая без дела способность и незадействованный орган могут стать источником болезни или атрофироваться, обедняя личность. С мотивационной точки зрения психическая зрелость состоит в адекватном удовлетворении основных потребностей и уход вверх от потребности в ликвидации дефицита. Это

состояние можно определить как **метамотивированное**. Его можно также определить как Бытие, самовыражение, превращение в «зрелую личность». Например, свойством зрелой личности является «бытийное познание» или познание объекта таким, каков он есть, вне его способности удовлетворять наши влечения или разочаровывать нас, - бескорыстное или объективное познание.

- Самоактуализация основывается на согласованном бытии личности в двух мирах, **двух типах реальности**: естественном, действительном мире и мире психическом. Самоактуализирующихся личностей отличают обращение к миру, действующему по психическим законам, извлечение его потенциалов и их реализация в естественном мире. И хотя самоактуализация, в принципе, не представляет собой недоступной задачи, на практике она встречается довольно редко. К основным причинам этого относятся: убеждение, что глубинная природа человека несет в себе зло или опасность; утрата людьми сильных инстинктов, которые недвусмысленно говорили бы им, что, когда, где и как делать; внутреннее блокирование самоактуализации, страх перед ней, уклонение от нее; взгляд психопатологии на нее как вторжение в личность чуждых бессознательных сил, уводящих от действительного мира. Человек, который не боится внутреннего, психического мира, может получать от него такое наслаждение, что этот мир можно назвать Раем — в противоположность утомляющему, требующему больше усилий и ответственности внешнему миру «реалий». Это верно, несмотря на то, что здоровый человек может легко приспособливаться и к реальному миру, получать от него больше удовольствия.

- Развитие несет с собой не только достижения и удовольствия, но всегда было и будет связано со многими изначально предопределенными **страданиями**. Каждый шаг вперед — это шаг в неведомое, и возможно, опасное неведомое. Бывает, он требует расстаться с чем-то близким, хорошим, приносящим удовлетворение. Зачастую это означает расставание, разрыв, Даже нечто вроде смерти, предшествующей новому рождению, следствием чего являются ностальгия, страх, одиночество и печаль. Иногда это также означает отказ от более простой, более легкой и менее

напряженной жизни и начало более трудной жизни, связанной с большей ответственностью и большими испытаниями, проявлением отваги, воли, умения делать выбор, а также поиском защиты, поддержки и ободрения со стороны окружения.

- Развитие или его отсутствие являются результатом противоборства между силами, способствующими развитию, и силами, ему препятствующими. У развития есть свои преимущества и свои недостатки. И не - развитие имеет не только недостатки, но и преимущества. **Идеальный способ здорового развития** заключается, в принципе, в том, чтобы усилить все преимущества развития и все недостатки не - развития, ослабив все недостатки развития и преимущества не - развития. Гомеостатические тенденции, тенденции к сокращению потребностей и защитные механизмы есть обезболивающие меры, которые бывают совершенно необходимы, но при этом они оказываются сильнее тенденций к развитию

- Состояние бытия вне **системы ценностей** является психопатогенным. Человеческому существу, чтобы жить и постигать жизнь, необходимы высшие координаты бытия, философия жизни, религия, причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет или любовь. Это называется «когнитивной потребностью в понимании». Дефициты и отклонения в развитии, источником которых является отсутствие ценностей, определяются по-разному: утрата радостей жизни, моральное разложение, апатия, аморальность, безнадежность, цинизм и т.п. Необходима обоснованная, практически применимая система человеческих ценностей, в которые мы можем верить и служению которым мы можем себя посвятить, потому что они истинны, а не потому, что нас заставляют в них верить. Мне кажется, что в настоящее время существует реальная, по крайней мере, теоретическая, возможность появления такого эмпирически обоснованного мировоззрения.

- На уровне самоактуализации **разрешаются многие дихотомии и противоречия** личности. У самореализующихся людей наблюдается сильная тенденция к слиянию эгоизма и бескорыстия в единство более высокого, превосходящего обыденность порядка. Работа начинает быть игрой; призвание и профессия становятся одним и тем же. Когда долг превращается

в удовольствие, а удовольствие — в выполнение долга, тогда эти два понятия перестают быть противоположностями. Высшая зрелость включает в себя «детские» качества Граница между внешним и внутренним, сознанием и бессознательным, рациональным и иррациональным, между «я» и «все остальные» в значительной мере преодолевается и стирается, и на высшем уровне развития личности наблюдается их взаимопроникновение. Сейчас дихотомизация в противовес интегрированности представляется нам характерной чертой низкого уровня развития личности.

- У **интегрированных** личностей воля, познание, эмоции и моторные функции менее отделены друг от друга и более **синергичны**, то есть сотрудничают, а не конфликтуют. Рациональные, взвешенные мысли могут привести к тем же самым выводам, что и мысли, порожденные слепыми желаниями. Такой человек хочет и получает удовольствие от того, что для него хорошо. Его спонтанные реакции так эффективны и точны, как если бы они были продуманы заранее. Его чувственные и моторные реакции в большой степени соответствуют друг другу. Он понимает проблемность и опасность тех вековых рационалистических систем, которые располагают способности в дихотомически - иерархическом порядке, во главе которого стоит абстрактное мышление. Преодолевая господство рационального познания, необходимо освободить место для довербальных, невыразимых, метафорических, первичных процессов, для **конкретно-чувственного, интуитивного и эстетического познания**, потому что у реальности есть аспекты, которые можно познать только таким образом.

- Способность здоровых людей погружаться в бессознательное и предсознание, ценить и использовать первичные процессы, вместо того, чтобы бояться их, мириться с их импульсами, вместо того, чтобы всегда контролировать их, умение добровольно и бесстрашно отдаться регрессу, оказывается одним из основных условий **творчества**. Эстетическое восприятие, эстетические «пиковые переживания», творческий поиск представляются центральными аспектами человеческой жизни. В моменты творчества и пиковых переживаний личность выходит за пределы

объективного времени и пространства, за границы психического опыта жизни, достигая состояний **трансцендирования**.

- Самоактуализация не означает, что человек становится выше всех человеческих проблем. Конфликт, беспокойство, разочарование, печаль, обида, вина — все это можно обнаружить и у здоровых людей. В принципе, движение к зрелости — это постепенный уход от невротических псевдопроблем к **реальным, неизбежным, экзистенциальным проблемам**, изначально присущим природе людей, живущих в конкретном мире.

- Общество, цивилизация, культура могут, как способствовать развитию личности, так и мешать ему. Однако основные источники развития и человеческой полноценности находятся исключительно **внутри самого индивида** и не сотворены или изобретены обществом. Это так, несмотря на то, что цивилизация является обязательным фактором реализации человеческого потенциала, ибо с ней связаны, скажем, язык, абстрактное мышление, способность любить; но мы знаем также, что они существуют в качестве потенциальных возможностей в плазме человеческого зародыше, которая старше любой цивилизации.

- Самоактуализация предоставляет человеку большую возможность подняться над своей самостью, самоуверенностью и эгоизмом. Самореализующемуся человеку легче стать **частью чего-то большего, чем он сам**. Условием этого является полная автономность, обретаемая, благодаря успешному опыту общения с другими людьми (бытийная любовь, забота о других и т. п.).

- Самоактуализация не является универсальной по форме. Дорога к ней лежит через реализацию **мужских и женских качеств**, которые сильнее качеств общечеловеческих. То есть человеческое существо должно сначала стать настоящей женщиной или настоящим мужчиной, тем самым, создав возможность для самоактуализации в общечеловеческом смысле. Есть также доказательства того, что люди с разной конституцией реализуют себя по-разному. Телесные и половые предпосылки не ограничивают, а создают особые условия самоактуализации.

Рассмотренные интегральные модели обосновывают наличие силового, содержательного, деятельного и творческого потенциала, заключенного в «я» и «самости» личности. Однако важно подчеркнуть и то, что реализация этих потенциалов и характер их психологическое наполнение во многом зависят от возможностей, ожиданий и поддержки со стороны культуры по отношению к индивидуальной личности.

3. Третья интегральная модель – один из возможных вариантов синтеза «сквозных идей» о личности, закрепленных в европейском культурогенезе, составляющих и одновременно указывающих на **культурный потенциал** персонализации и индивидуализации европейцев. По нашей версии моделирования, сохранение и наращивание этого потенциала обусловлено, как развитием **понимания** сути персонализации индивида, так и, в первую очередь, развитием того реального **жизненного контекста** и тех **свойств личности**, которые отражены в этом понимании.

Исходя из проведенного культурно – психологического анализа, признаки персонализации можно обобщить в следующих положениях о свойствах и жизненных связях индивидуальной личности.

1) Личность в своих отношениях к миру исходит из **абсолютных мер жизни**, имеющих осознанные образы и символы Бога, Универсума, Космоса, Разума, Идеального, Бытия, Слова, «Я». Присутствие абсолюта в бытии личности составляет для нее высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, деятельного служения и трансцендирования.

2) Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее **живыми множествами людей**, подобных ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. Коллективное ощущается и понимается ею не в качестве довлеющей тотальности, а в качестве плодотворной среды совместного с «другими» проявления архетипов, творения ментальности, выработки стилей поведения и деятельности, создания ценностей и самопознания. Целью и сутью соединения личности с общностью является ее внутреннее превращение в «часть, индивидуально вмещающую целое».

3) Абсолютное и коллективное представлены в личности способом культурного опосредования, а именно, в формах религиозности, этики, науки, философии, искусства, канонов обыденной жизни. Активное **культурное априори** придает всем жизненным отношениям индивида направленность на освоение, оценку и преобразование культуры. Трансцендентное, общественное и культурное слиты в едином, сложном ритме детерминации личности.

4) Определение мер сакрального, общественного и культурного бытия личности происходит в соответствии с ее **природным априори** или витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно задает ее влечения, активность в поиске удовольствия, конституцию, психодинамику, сексуальность, психофункциональные возможности, соотношения мужественности и женственности, сенсорно - интуитивный опыт познания, действия и потребления. Психические компоненты природной организации сосредоточены в **бессознательном** личности. Они конституируют самость личности, ее «естественную» внутреннюю жизнь, ее врожденный душевный потенциал.

5) Сильным противовесом бессознательному аспекту личности является **рациональность** или способность к мышлению, логическим построениям, идеализации мира. Мышление, направленное одновременно на внешние объекты и самого индивида, развивается в качестве **сознания**, формирующего символическую границу внутренней автономии личности, препятствующую ее слиянию с предметной средой или общностью. Центром внутренней личности создается «я», которое, благодаря рефлексии, самоотношению и непрерывному я - синтезу, полагает себя свободным в выборе абсолютных, социальных, культурных норм собственной жизни. «Норма – это, прежде всего, свободное отношение сознания к норме». (8; с. 902)

6) «Я» позволяет личности субъективно отделить свою психологическую сущность, как устойчивую определенность потребностей, притязаний, способностей и характера, от собственного существования, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и

осмыслении. Направленно и спонтанно, в каждый момент проживания оно решает проблемы наполнения внутренней личности новым жизненным содержанием, отождествления и разотождествления личности с другими людьми, собирания себя - множественного и многоликого - в единство, уникального самовыражения и самоутверждения личности в социуме и культуре.

7) Благодаря «я», личность становится **основанием себя – живущей**, причиной собственных активных выходов в мир, которые состоят в индивидуальном развитии или изменении коллективных форм и способов веры, познания, морали, творчества, социального поведения и самопознания. В связи с этим, личность может полагать себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире и социуме, подтверждая безмерность ее **индивидуальности**.

8) Личностное «я» самодостаточно в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако, цели и смыслы отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены в иных **жизненных отношениях личности**, требующих активного культурного диалога с другими людьми. К ним принадлежат отношения к природе, жизни и времени, религиозное и этическое, интеллектуальное и профессиональное, эстетическое и творческое, социальное и политическое отношения. Полноценное осуществление отношений в системе «мир – другие - личность - я» предполагает равновесие или вскрытие и разрешение **противоречий** их сознательной и бессознательной динамики, их объективности и субъективности, рационального и эмоционально – чувственного аспектов, психического и практического способов реализации, коллективных и индивидуальных условий развития. Задача уравнивания и преодоления коллизий в отношениях остается за их внутренним я - субъектом с его способностью инициировать интроспекцию, рефлекссию, самоисследование.

9) Посредством отношений личность удерживает живые внутренние связи с «другими», будь то реальные люди из повседневного окружения, или

выдающиеся авторитеты, или символические личности. «Другой» сохраняет свое присутствие во мне в форме «значимого для меня», «моего другого», «другого как я», «я как другого», «моего другого я», «недоступного для меня другого», «другого, для кого я недоступен». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие разновидности, включая подражание, имитацию, присвоение, обладание, принятие влияний, обратные влияния, признание взаимной свободы. В нормальном жизненном процессе происходит непрерывное интуитивное и рефлексивное дистанцирование «я» от любой «другости». «Я» личности проникает в другое «я», когда ей доводится нравиться, быть образцом, авторитетом или учителем, вызывать сопереживание, быть любимым и составляющим тайну.

10) Суверенность, самостоятельность личности в культуре и обществе обеспечиваются **деятельной** стороной индивидуальной жизни: профессиональными практиками, социальными действиями, поступками, творческой деятельностью и приемами самовыражения. Закрепляясь за разнообразными качествами внутренней личности, укореняясь в ее жизненных установках и «я», конкретные действия, поступки и творческие акты начинают глубинно определяться «деятельной индивидуальностью», что привносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании мотивов, намерений, целей, процессов, продуктов, социальных результатов и личных последствий активности. Личность, деятельная в качестве «я» и индивидуальности, обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного я – возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и самовозрастания в существовании, то есть является **субъектом жизненного восхождения.**

11) Все, что происходит в личности и с нею, включено в общую **историю индивидуальной жизни.** Она соединяет освоенные личностью места жизни, неповторимые превращения объективного и субъективного времени,

принятые и персонально преобразованные формы культуры, личный контур социальных связей, динамику жизнеотношений, трансформации сознания и бессознательного, изменения качеств и свойств личности, смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей, последовательность, длительность и смысл ведущих жизненных событий и значимых жизненных ситуаций. История индивидуального бытия становится **автобиографией** при участии «я», осмысливающим и творящим отношения прошлого, настоящего и будущего своей жизни. «Моя жизнь» или «мой жизненный путь» создается вобравшим личность общим потоком Бытия, силой ее исходного порыва «быть», ее бессознательной экзистенцией, ее сознательной активностью и следующей за жизнью рефлексией.

12) Личность, вобравшая свои отношения с абсолютом, социумом, культурой, природными истоками и историей своей жизни, оказывается единичным носителем **и** субъектом тотальности, что делает ее сравнимой и не сравнимой с другими людьми. Полюса тотальности и единственности отмечают широкий диапазон **универсальности - типичности - уникальности** личности. Собранность общих, типологических и неповторимых характеристик в личностное целое сочетается с их рассеиванием в конкретных жизненных проявлениях, что определяет диапазон существования личности между полюсами **целого и множественного**. В ракурсе персонологии одновременное применение указанных координат означает моделирование индивидуальности личности на основе структурного и типологического подходов.

13) При осознании культурно - психологических свобод своего внутреннего и внешнего существования, личность может активно **самоопределяться** по отношению ко всему, что составляет ее личный, жизненный мир. Она охватывает самоопределением формы своей веры, значимые для себя общности, жизненные ценности, отношения интимности, способы сотрудничества, оказываемые на нее воздействия, отношение к здоровью, доступные сферы деятельности, индивидуальные достижения, жизненный

путь и этапы становления «я». Меры и качества индивидуального самоопределения могут меняться в пределах активности-реактивности, инициативы - ухода, принятия - отрицания, конструктивности - критичности, целостности - противоречивости, новизны - нормативности, вариативности-однообразия, реалистичности-идеализации, агрессивности-терпимости, власти - любви и т. д.

14) Личность может самоопределяться и в отношении к своим **многомерным потенциалам**: архетипическому наследию, природным способностям, культурному априори, иррациональным началам психики, спонтанной энергии «я», возможностям, заключенным в деятельности и наличных условиях индивидуальной жизни. Усилия и успехи «я» в осознании, раскрытии, согласовании и реализации потенциалов образуют многокрасочную, яркую и динамичную картину **роста личности**.

Приведенные положения относятся к методологии не только интегрального, но и парадигмального подхода, который отражен в разнообразных **определениях и теориях личности**. Культурная психология личности по своему высвечивает происхождение персонологических парадигм, находя их источники в «сквозных идеях» о личности.

Многие авторитетные теории личности, не игнорируя личностное целое, сильно акцентируют внутренние или внешние способы существования личности, ее жизненный динамизм или качественную устойчивость, объективную или субъективную детерминацию, сознательную или бессознательную активность. На первый план выдвигаются или абсолютные, или природные, или социокультурные факторы становления личности, а также рациональный, или рефлексивный, или деятельный, или глубинный способ жизни. В мире современной психологии личности сосуществуют, выявляют взаимные достоинства и нередко конфликтуют:

- теории психических функций,
- теории интеллекта,
- теории поведения и деятельности,

- психодинамические теории личности,
- теории личностной организации и структуры,
- теории детерминации и самодетерминации личности,
- трансцендентные теории личности,
- теории жизни личности,
- теории смыслообразования,
- социальные теории личности,
- теории тела и здоровья личности,
- феноменологические и глубинные теории,
- теории субъекта и теории рефлексии личности.

В своих концептуальных расширениях и связях, данные теории образуют аналитическую психологию личности, когнитивную психологию личности, поведенческую психологию личности, психологию деятельности, психоанализ, телесно-ориентированную психологию личности, структурную психологию личности, психологию личностных типов, гуманистическую психологию, экзистенциальную психологию личности, психологию «я», трансперсональную психологию, социальную психологию личности и т. д.. Мировой статус, большое число последователей, некоторая диффузность и высокие притязания на лидерство позволяют говорить о многих из них как о глобальных **персонологических направлениях**.

В границах различных теорий и направлений родились специфические определения личности, освещающие тот или иной ее аспект и заметно адресующие к тем или иным моментам культурогенеза ее познания. Их можно сформулировать следующим образом.

Личность - общность, сконцентрированная в индивиде, индивидуальное средоточие общественных отношений, выражение сил коллективности и образцов социального поведения.

Личность - «видимость», которой человек обращен к другим, «маска», скрывающая его «я», роль, заданная общностью, в которую человек уходит от самого себя.

Личность – концепт, совокупное представление о себе, которое мы вырабатываем из опыта нашего воздействия на окружающий мир и его воздействия на нас. Он обозначает то, чем человек является себе самому и окружающей среде, но не то, что он есть

Личность - наблюдаемые, изменчивые способы и характеристики внешних действий, поступков, поведенческих актов, обеспечивающих оптимальное приспособление индивида к выполняемым социальным функциям.

Личность - глубинная самость, скрытая субъективность, образующая истинную сердцевину всех жизненных проявлений индивида.

Личность - единство психических свойств, функций, диспозиций, преломляющее внешние воздействия и составляющее основу преемственности, непрерывности индивидуальной жизни

Личность - прижизненно сформировавшаяся структура природно и социально обусловленных качеств поведения – мотивации – переживаний – интеллекта.

Личность - представленный в форме «я» целостный способ осознанных связей индивида с миром и самим собой.

Личность - иерархическая организация устойчивых признаков бессознательной, сознательной и сверхсознательной активности индивида.

Личность - уникальная динамика индивидуального самоосуществления, подчиненного надличному: «идее», «миссии», «предназначению», «смыслу».

Личность - конфигурация свойств, указывающая на принадлежность индивида к определенному психологическому типу, которая воплощает и его своеобразие в сравнении с другими людьми, и его тождество с ними.

И т. д.

Красота и глубина многих сформировавшихся теорий личности не вызывает сомнений. Но становится понятно и то, что множественность

«личности», в свете современных установок на синтез и инновации в гуманитарном познании, должна рассматриваться сейчас как богатейшая основа для творческих интеграционных процессов в психологии личности.

Возвращаясь к **интегральному моделированию**, отметим, что в русле предложенного культурогенетического подхода, оно возможно не только в форме построения гештальта сквозных идей о личности, но и в форме разработки **каждой идеи в системе других идей**. В этой связи, можно обратиться к идее «**типов личности**», разрабатывая ее в контексте общего культурно - исторического понимания «индивидуальной личности». Здесь намечается новая перспектива изучения разнообразной типологической принадлежности личности и построения сложных структурных типологий.

В приведенном выше культурно – психологическом интеграле личности обобщены свойства, которые могут, во-первых, выступать параметрами типизации личности, во-вторых, характеризовать генез типов личности в истории культуры, в-третьих, обозначать потенциал образования и исследования типов личности в наше время, в-четвертых, указывать на возможность определять индивидуальную личность в ее многомерном типологическом строении. Главное здесь то, что интеграл эксплицировал и соединил **содержательные признаки** индивидуальной личности, которые в своем развитии и проявлении могут иметь типологические варианты:

- свойство личности быть «частью, вмещающей коллективное целое»;
- наличие архетипических предпосылок психической жизни личности;
- устойчивость конституция, пола, нейродинамики и биоэнергетики личности;
- организация индивидуальных психических функций, процессов, состояний личности в структурное целое;
- протекание психической жизни личности на уровнях сознания и бессознательного;

- интеграция текучих феноменов психики в «психические константы», формирующие обобщенный способ личностной детерминации индивидуальной жизни;
- постоянство «ментальных контуров» поступков и деятельности личности;
- образование устойчивых качеств «внутренней» и «внешней» личности, оцениваемых в терминах и нормах конкретной социокультурной среды;
- проявление «качественного ядра» личности в том, что она создает, совершает в человеческом времени и пространстве;
- собранность осознанных феноменов психической жизни в «я» личности как интенциональном центре с определенными общими свойствами и качествами;
- целостность психической репрезентации жизненного пути личности, его поступательность и смысловое единство, возможность субъективного проживания в трех временных измерениях;
- конфликтность строения и функционирования личности, которая преодолевается ее активностью как субъекта жизни;
- эволюция личности в направлении развития и внутренней интеграции или в направлении регресса, редукции, дезинтеграции.

Данный континуум признаков отсылает к известным и потенциальным **основаниям** типологий личности, в том числе, жизненным, соматическим, гендерным, функциональным, глубинным, сознательным, поведенческим, деятельностным, социокультурным., ценностным, трансперсональным. Кроме того, он говорит о многих нереализованных возможностях типологического изучения личности и намечает задачу моделированию **типологических интегралов личности**. Принцип типологических интегралов позволяет исследовать и определять «типы» личности по сложным основаниям, объединяющим многие личностные свойства, а также использовать при изучении личности множество согласованных друг с другом типологий.

Типологические интегралы личности могут строиться несколькими основными способами.

1. Путем построения многих типологий с разными основаниями и организации этих типологий в единую типологическую структуру, личности.
2. Путем построения отдельных типологий с многопараметральными основаниями, структурирующими ряд свойств или качеств личности.
3. Путем применения многих типологий или отдельной типологии со сложным структурным основанием для разработки **моделей аналитико-синтетической типизации индивидуальных личностей**.

Третий путь представляется наиболее доступным, при условии, что интегральная модель типизации личности задается отдельной типологией, обладающей поликомпонентным и целостным основанием. Поэтому в дальнейшем изложении будут рассмотрены модели типизации личности, производные от комплексной гендерной типологии личности, от типологии психических функций и установок личности, созданной К. Юнгом, от акмеологической типологии жизненных отношений личности. Выбор моделей обусловлен тем, что они соединяют личностные свойства, укорененные и реализующиеся в условиях европейской культуры.

2. 2. МЕТОД ТИПИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ,

Но сначала остановимся на **методе типизации личности** как сложной, недостаточно исследованной и творческой проблеме психологии.

Метод объединения личностей в «типы» по строго выдержанным критериям, дополненный методом идентификации конкретной личности с определенным типом, выступает частной формой общего **логического приема**, характерного для европейского *ratio*, издавна умеющего искусно упорядочивать явления мира. Выстраивая таксономии, создавая объектные категории, разрабатывая научные классификации, европейское мышление

именно в отношении «типологий» достигло той гибкости и многомерности, с которыми только и можно подойти к человеку. Обосновывая ценность метода типизации для психологии личности, следует в первую очередь охарактеризовать **интеллектуальную процедуру** применения и развития данного метода.

К достаточно редким опытам научного осмысления и использования типологического метода относятся исследования **К. Г. Юнга** и **К. Ясперса**. (89; с. 92). В их фундаментальных трудах есть и содержательные определения «типа» личности, и строго эксплицированные приемы типизации.

Вслед за Ясперсом будем говорить о типизации **«личностных свойств»**, принятых за обобщающее понятие, под которое можно подвести даже такое разнообразие психических явлений (функций, качеств, уровней, направленностей), которое вошло в психологическую типологию Юнга. «Принимая одно или несколько свойств за основу для обобщения, относящегося к человеку в целом, и отмечая доступные пониманию связи между этим фундаментальным набором свойств и тем, что человек переживает и делает, мы тем самым развиваем типологию личности». (92; с. 526)

Интеллектуальная процедура типизации как научного метода заключается в последовательном применении «идеи типа» к определенному множеству событий, в данном случае, множеству индивидуальных личностей. В основных чертах **путь к типу** означает:

- 1) дифференцированный взгляд на определенную общность как состоящую из отдельных, автономных индивидов;
- 2) выявление существенных признаков сходства и отличия между индивидами, которые разбивают их на разные категории;
- 3) выделение среди найденных категориальных признаков противоположностей, делящих индивидов на «оппозиционные» группы;

- 4) нахождение разнообразных бинарных признаков и соединение их в сложные типологические конструкции, которые задают кардинальные различия многопараметральных типов внутри созданной типологии;
- 5) конкретизацию или усмотрение признаков определенного типа в отдельном индивидуе;
- 6) присвоение психологическому «типу» статусов теоретического объединителя людей и реального атрибута отдельного человека.

Полноценный тип строится в виде **гештальта личностных свойств, организованных в методологически строгом порядке**. Этой чертой научно-типологический способ «маркировки» личностей отличается от литературных типологий, а также от поныне распространенной символической категоризации людей. Типизация по своим возможностям превосходит также метод психологической **классификации**, работающий с родовыми признаками, которые не позволяют выделить личность из общности, а также берутся иногда произвольно, упрощенно, без учета взаимосвязей друг с другом. «Класс» устанавливает разделяющие границы внутри общности; распределяет индивидов по крупным разрядам; отвлекаясь от индивидуальности, вбирает личность в ту или иную группу людей; всегда остается определителем структуры коллективного, а не индивидуального. «Тип», сохраняя все достоинства «класса», ориентирован, прежде всего, на творческое открытие сложных ритмов и порядков в многообразии индивидов и на познание законов сродства и разнообразия, действующих в отношении конкретных личностей.

В процессе типизации взаимодействуют индуктивные и дедуктивные мыслительные операции, операции анализа и синтеза, операции дуального и континуального мышления, дискурсивные ходы мысли и эффекты инсайта, результаты движения от интуитивных прозрений и абстрактных конструкторов к эмпирической реальности и от эмпирических наблюдений к теоретическим обобщениям. У Юнга операциональные границы типизации намечены так: «Я вынужден ограничиться изложением принципов, выведенных из

множества единичных фактов, которые мне довелось наблюдать. При этом речь идет не об априорной дедукции, как это может показаться, а о дедуктивном изложении эмпирически приобретенных взглядов». (89; с.30)

С точки зрения типологического подхода, психика выступает не как нечто универсальное, однородное, хотя это необходимо присуще ей, а как образование, по уровням и качествам своих свойств обладающее **закономерными межиндивидуальными отличиями**. Понимание психики переходит здесь из философского и общепсихологического плана в план психологии типов и дифференциальной психологии. «Нет сомнения, что объяснение психического на основе однородности не только возможно, но и вполне правомерно. Однако, если я захочу восполнить образ психики до его полноты, то я должен поставить перед собою факт разнородности психик». (89; с. 591)

Поиск типов личности связан с рассмотрением психики в ее **сознательной, я - опосредованной форме**. Типы конституируются в виде устойчивых аспектов психической активности и жизненной практики, освещенных сознанием. Типолог оперирует четко различенными свойствами сознательной личности, в том числе, парами противоположностей. С сознательностью типизируемых свойств обычно связывается их функциональная сила, доминирование в психической жизни, энергетическая заряженность, а также подавление нежелательных бессознательных тенденций личности или, наоборот, усиление ценных несознаваемых содержаний. Сознательность типов делает их хорошо доступными для направленного научного наблюдения, оценки и объективации исследовательских данных.

Там же, где психическая жизнь протекает под порогом сознания, где она действительно может быть общей, однородной, «коллективной», рациональный типологический метод уступает место интуитивным толкованиям всеобщих, слабо дифференцированных, бессознательных образований: «архетипов», «группировок», «комплексов», «установок». Это

как будто исключает соединение в «типе» аспектов сознательной и бессознательной психики. И все же, согласно Юнгу, подлинную целостность типологический конструкт приобретает при введении в его структуру гипотетических **бессознательных противовесов** сознательным свойствам личности или ее «теневого стороны». Отсюда гибкость предложенных им критериев типизации: учитываются соотношения свойства сознательной экстраверсии и бессознательной интроверсии и наоборот; устанавливаются связи хорошо дифференцированных, недифференцированных и слабо дифференцированных функциональных психических свойств, например, связи сознательного мышления и бессознательных чувств, а также их обратные отношения; и т. д.

Признание единства сознательных и бессознательных составляющих типа свидетельствует о влиянии на типологический подход различных общетеоретических течений в науках о личности. При этом основополагающей для метода типизации является **холистическая теория**, видящая в личности «множественное и неделимое целое» свойств, качеств, установок, отношений, моментов жизненного пути и определяющая тип как проявление этого «целого». «Личность» и «тип» соотносятся как глобальная целостность и ее существенный частный вариант. Это хорошо видно на примере юнгианского применения принципа холизма. Личность исследуется им как единство функциональных свойств, каждое из которых с жизненной необходимостью и индивидуальным своеобразием дополняет другие. Свойство ощущать позволяет устанавливать, что нечто **существует**. Свойство мыслить – что это нечто **означает**. Свойство чувствовать – какова **ценность** этого. Свойство интуиции служит установлению, **откуда** нечто появилось и **куда** оно следует. Этот всеобщий гештальт свойств находит типологические формы развития при условии явного доминирования у личности того или иного функционального свойства при менее выраженной активности всех других.

С учетом сложного интеллектуального обеспечения процедуры типизации, ее направленности на сознательные и бессознательные свойства личности и ее происхождения из холистического видения личности, можно определить следующий возможный **порядок типологического моделирования**.

Оно предполагает решение трех задач. Во-первых, построение обобщенной психологической структуры, характерной для всех индивидов и всех типов в определенной общности или группе, во-вторых, структурирование типологии личностей, охватывающей данную совокупность людей и указывающей на повторяющиеся варианты развития обобщенной психологической структуры, в-третьих, выявление типологической принадлежности и индивидуально - типологической структуры конкретной личности.

1. **Моделирование общей структуры типа** ориентировано на поиск базовых, сознательных свойств, повторяющихся в некотором множестве личностей и имеющих диапазон изменчивости от одного своего ярко выраженного качества, уровня развития или степени активности до их противоположностей. Крайние сознательные свойства с противоположными характеристиками, или **свойства – доминанты**, принимаются за исходные типологические признаки. Если обнаруживаются несколько доминантных типологических свойств, то раскрываются и учитываются **связи** между ними, создающие устойчивые контуры и динамику типов – оппозиций, называемых еще «основными» и «первичными». Исходные типологические признаки и их взаимосвязи выступают **основаниями типизации личностей**. Так юнгианские первичные типы включают сознательные мышление или чувство, ощущения или интуицию, экстраверсию или интроверсию.

Типологические конструкты, содержащие яркие свойства – доминанты, рассматриваются как **чистые типы**. Учитывая относительную жизненную редкость и опираясь на клинические и теоретические исследования своих восьми чистых типов, Юнг выделяет особые условия их возникновения:

- врожденные психические расположения индивида;

- отчетливо преобладающая у личности субъектная или объектная направленность влечений и психические формы их реализации;
- способы спонтанной адаптации личности к окружению в раннем детстве;
- социальные ограничения индивидуальной жизни, исключаяющие развитие свойств, уравнивающих типологические доминанты;
- недостаточность форм психического приспособления личности в зрелом возрасте;
- коллективные запреты на признание позитивных влияний бессознательного на сознание;
- личное пожертвование свойствами, оппозиционными свойствам - доминантам;
- в ответ на жертву – бессознательное поклонение отвергнутому свойству и сознательное преувеличение роли доминанты;
- интенсивная поддержка доминанты со стороны бессознательного.

Чистый или **первичный** тип личности может отличаться заметной односторонностью, иногда крайностью, а также наличием во внутреннем составе противоположных «запущенных свойств». Они образуют бессознательный либо частично осознаваемый **вторичный** тип, подчиненный первичному типу и существующий как «контрличность». Первичный тип может обладать отношениями равновесия, вытеснения, компенсации, сверхкомпенсации, комплементарности и противоречия с вторичным. По мнению Юнга, разлад основных и запущенных свойств личности указывает на недостижимость для нее разнообразных психических богатств, препятствует ее взаимопониманию с носителями других типов.

Психологическая ценность чистого типа состоит в возможности сознательного развития личностью оппозиционных свойств ради совершенствования доминирующих, то есть, в возможности его направленной компенсации. При этом скомпенсированный тип часто оказывается парадоксальным, так как в нем всегда присутствуют скрытая

непонятность и двусмысленность, которые при снижении контроля сознания могут проявить себя в виде **критической односторонности** исходного типа. Иногда компенсация в форме вовлечения запущенных свойств в активную жизнь личности может так влиять на свойства – доминанты, что вызывает или их положительный переход за пределы обычных сознательных проявлений или сдерживает их развитие, или порождает конфликты первичного и вторичного типов.

Большим психологическим риском и вместе с тем потенцией чистого типа является его избыточная компенсация, когда вторичный тип бесконтрольно и анархично подчиняет себе первичный. «Недоразвитая функция, освобождаясь от сознательной диспозиции, по собственному побуждению, то есть как бы автономно, бессознательно сливается с другими функциями; проявляется она при этом без дифференцированного выбора, чисто динамически, словно какой-то натиск или как простое усиление, которое придает сознательной дифференцированной функции характер восхищения, увлеченности или насильственности». (89; с. 116)

В типологии Юнга первичными и вторичными образующими первых четырех чистых типов выступают: экстравертное мышление – интровертное чувство, экстравертное чувство – интровертное мышление, экстравертная интуиция – интровертное ощущение, экстравертное ощущение – интровертная интуиция.

2. **Моделирование типологии** предполагает нахождение объединительных типов, наиболее часто встречающихся в общности или группе, либо типов, концентрирующих «чрезвычайные» свойства, присущие личностям, обладающим особой социальной, культурной, исторической значимостью. В нежестких, прозрачных контурах любой хорошей типологии, прежде всего, выделяются упомянутые **чистые типы**. Их дополняют **средние типы**, обладающие более или менее выраженными свойствами – доминантами и основанные на относительном равновесии противоположных типологических признаков. Кроме того, существуют **переходные типы**,

внутри которых или сложилась жизненные предпосылки, или уже осуществляется постепенная смена доминант, связанная, как правило, с конфликтным состоянием типологической структуры или процессами компенсации. Типология подразумевает и наличие **гармоничных типов**, в составе которых равно хорошо развиты все типологические признаки, не составляющие оппозиции друг другу и описывающие контуры многосторонней уравновешенной личности. «Исследователь, увлекающийся распределением людей по «чистым» типам, неизбежно терпит неудачу. Во-первых, ни один такой тип не может исчерпать человека в целом, поскольку служит прояснению лишь одного из его аспектов. Во-вторых, любая отдельно взятая типологическая схема относительна, поскольку представляет собой не более, чем одну, из возможностей. В-третьих, личностный тип всегда соотносится с ситуациями жизни как часть с целым; ситуации же характеризуются бесконечным богатством возможностей». (92; с. 531)

В своих описаниях восьми первичных типов Юнг придерживается **принципа континуальности**, то есть показывает, как в динамике жизни каждый чистый тип может приобрести черты среднего, переходного или гармоничного типов.

В юнгианской трактовке, типология представляет собой «сетку», «кристалл», позволяющую упорядочить богатство индивидуальных свойств личности, сформированных посредством социума и культуры. Кроме того, она выступает инструментом понимания индивидуальных личностей, когда за точку отсчета принимается некоторое разнообразное личностное множество. С методологической точки зрения, типология указывает на специфику теоретической установки и собственного психологического типа создателя, выделяющего и акцентирующего определенные аспекты личности, что может составлять фундаментальные отличия его теории от теорий других типологов. На основе типологических материалов, полученных разными интеллектами, становятся возможными их сопоставление и высший синтез.

3. Типологическая идентификация конкретной личности связана с применением одной или нескольких типологий. Отнесение личности к тому или иному типу в границах определенной типологии основывается на следующем идентификационном алгоритме. Устанавливается:

- какие типологические свойства приобрели у личности преимущественное развитие;
- какой тип – чистый, средний, переходный, гармоничный – воплощен в данной личности;
- какой тип выступает вторичным по отношению к ярко выраженному первичному;
- в отношении компенсации, подчинения, подавления, поддержки и т.д. находится вторичный тип по отношению к первичному типу;
- является ли сознательная личность носителем контрастирующих типологических свойств как источников внутренних конфликтов;
- демонстрирует ли она принадлежность к противоположным психологическим типам и указывает ли это на невротическое нарушение ее целостности либо на позитивное использование потенциала разных типов;
- может ли данная личность быть субъектом развития своего типа в смысле активизации вторичных типологических свойств, или придания основным свойствам творческой направленности, или углубленной рефлексии возможностей своего типа;
- станет ли доминирующий тип личности скомпенсированным, уравновешенным в результате ее собственных усилий;
- является ли данная личность «чрезвычайным человеком», в смысле причастности к высоко развитому чистому типу или, возможно, «всесторонним человеком», сочетающим в себе несколько зрелых типов.

Представленные в конкретной личности типы из разных типологий могут раскрывать существенные аспекты ее целостности. В этом назначении метод

типизации демонстрирует свои наилучшие перспективы в отношении индивидуального случая. «Чтобы исчерпать все возможности описания того или иного случая, имеет смысл оценивать его в терминах множества типов». (92; с. 677) Параметры многих типов со сложными конфигурациями взаимосвязей между ними могут образовать **индивидуально – типологическую модель конкретной личности или ее интегральный тип**. Он будет выглядеть как конструкт с зыбкими, раздвинутыми границами, служащий углубленному пониманию индивидуальности личности.

Вслед за рассмотрением интеллектуальной процедуры типизации, анализом особенностей ее применения в психологии личности и определением «типа» как логического конструкта, посмотрим на типы как **социальную реальность**. Рассмотрим, в частности, с какими человеческими множествами имеют дело типологии, и каким образом тот или иной личностный тип, а также типичность индивидуальной личности связаны с общностью, «другими» и коллективной жизнью.

Все известные типологии личности касаются состава тех или иных человеческих объединений, категориально структурируя его; каждая типология связана с общностью определенного пространственно – временного масштаба. Наибольшим объемом и универсализмом отличаются общности, из которых извлечены типологии строения и динамики тела, типологии темпераментов, некоторые гендерные типологии, психологическая типология Юнга и т.д.

Другие типологии охватывают конкретные культурно – исторические сообщества. Это, например, типологии античных, средневековых, ренессансных личностей и личностей Нового времени, выражающие этапы многовекового становления европейского человека.

Часть типологий соотносится с общностями, взятыми по принципу развития в них специфической разновидности культуры. К ним принадлежат описанные О. Шпенглером типы магического – аполлонического – фаустовского человека и исследованные К. Ясперсом типы греческой –

римской – позднеантичной – нордической личности. В том же ряду находятся распространенная социокультурная дефиниция, предполагающая существование человека Запада – человека Востока – человека смешанной Культуры.

Кроме того, типологическое структурирование ведется в отношении представителей конкретных наций или конкретных государств. Сюда относятся популярные сейчас типизации национальных характеров или национальных менталитетов и их исторических трансформаций.

Или внутри общества с определенной политико-экономической организацией выделяется система социальных характеров. Они связывают и обобщают формы общественной адаптации, активности и ведущей деятельности личности, а также устанавливают соответствие ее желаний преобладающим в обществе ценностям и готовность осуществлять их во взаимодействии с другими людьми. Примерами являются типологии, созданные А. Адлером и Э. Фроммом..

Иногда типология относится к профессионально – ролевому составу определенного культурного сообщества, как, например, у Э. Шпрангера. Или типологии охватывают личностей из отдельных сфер профессиональной жизни, дифференцируя типы ученых, философов, предпринимателей, политиков и т. д. В отношении философов такая типология была в свое время предложена В. Джемсом, в отношении ученых - В. Оствальдом, А. Пуанкаре, Б. Кедровым.

Социальность отдельного личностного типа проявляется в том, что он необходимо выражает тождество индивида с другими людьми, и что в нем закрепляются каноны психологической интеграции индивидуальности в какую-либо общность. Существование многих личностных типов в обществе означает вариативность социального бытия индивидов, достаточно высокий уровень гуманитарного развития социума, необходимый поиск коммуникации между различными типами, возможности конструктивных и деструктивных коллизий между представителями разных типов. Сложная

типологическая организация свидетельствует о достижении общностью гибких отношений между коллективным и личным началами жизни и о достаточной свободе индивидуализации для ее членов.

Типичность индивидуальной личности помещает ее жизнь в общественное измерение, является показателем ее единства с другими людьми, независимо от того, относятся ли они к ее типу или представляют иные типы. Одновременно она дает возможность включения в социум без ущерба собственной автономии и развитию «я». Самосознание типичности и отличия своего типа от типов, к которым принадлежат другие, углубляет процессы социальной идентификации индивида, понимания себя – как - другого, слияния «я» с «мы» и принятия других как обладающих не менее ценными свойствами и способами жизни, чем «я». Принадлежность к определенным личностным разрядам укрепляет взаимосвязь человека с общностью при условии, если он может придать своим типологическим свойствам индивидуальные формы и личное своеобразие. Осознанная и развиваемая личностью **многоплановая типологическая идентичность** сообщает ей как индивидуальности особую социальную ценность и «общественную расширенность».

Типичность как социальное явление должна обосновываться психологами с учетом сложного жизненного взаимодействия процессов отождествления личности с общностью, процессов достижения автономии личности в общности и процессов индивидуализации. Именно такой подход воплощен в юнгианской типологической модели. Утонченная **динамика социального (коллективного) и индивидуального** особенно ярко проступает в описаниях экстравертного и интровертного типов. Коллективное и индивидуальное, присущее их носителям, характеризуется Юнгом с точки зрения современной нормативности и архаичности, сознательности и бессознательности, активности объективирования и субъективирования, конфликтности и согласования. Остановимся на некоторых принципиальных моментах указанной динамики.

Сначала напомним, что «в случае экстраверсии движение интереса направлено на объект, а в случае интроверсии оно отвращается от объекта и направляется к субъекту, на его собственные психические процессы». (89; с. 31) Экстраверт отличается выраженной эмпатией в отношении к объекту, отождествлением с ним, а также своей намеренной зависимостью от него. Он настолько же находится под влиянием объекта, насколько стремится ассимилировать его. Интроверту свойственно заметное самоутверждение по отношению к объекту. Он восстает против зависимости от объекта, отклоняет всякое его влияние, а иногда испытывает перед ним страх. Но тем сильнее он зависит от внутреннего Образа или Идеи, которые защищают его от внешней зависимости, дают ему чувство свободы, но вместе с тем сообщают ему и ярко выраженную психологию власти.

Развитие того и другого типа, ввиду их сознательного качества, необходимо предполагает отделение индивидуального «я» от того универсального окружения, сферы жизни, предмета желаний и познания, каким является для человека «коллективность». Сам факт появления этих личностных типов, независимо от их преобладающей объект - субъектной ориентации, означает отступление коллективности перед индивидуализацией, наличие равных возможностей течения сознательной активности индивида в направлении к «другим» и к себе. Сознание, выполняя индивидуализирующую функцию, стремится сообщить личностному интересу и к объекту, и к субъекту характер актуальной нормативности, соответствие традиционным и нарождающимся требованиям социума. Одновременно бессознательное представителей обоих типов придает их связи с внешним объектом и своей психикой качество, говорящее о глубинном сращении индивидов с архаичной общностью, с историей рода. В современном существовании типов устанавливаются паритетные отношения индивидуализации и коллективности, а также оттеснения «новой» коллективностью «старой».

Активность дифференцированных функциональных свойств экстраверта устремляется к предметам, непосредственно вовлеченным в коллективную

жизнь, и к людям, осуществляющим ее. «Я» в мысли, чувстве или образе интенсивно осваивает предметные и ментальные содержания общественной жизни, наполняется и отождествляется с ними, становясь «единичной проекцией» коллективности. Тенденция к индивидуализации проявляется в придании личностью оттенка самобытности или творческой оригинальности своей социально нормативной деятельности и во многом зависит от направленного вовлечения в эту деятельность слабо дифференцированных психических свойств. Поглощенность коллективным объектом принуждает экстраверта тщательно приспосабливаться к нему. И та же поглощенность побуждает личность подчинять и адаптировать объект к индивидуальному рисунку своей жизнедеятельности, создавая «место я» в коллективном целом. Одаренный талантом экстраверт приходит к жизненным достижениям, понятным и благодарно принимаемым современниками. Через приток коллективного признания он поддерживает самотождественность, которая, однако, легко нарушается при изменениях отношения со стороны общности.

Экстраверт может интровертировать, или направленно обращаться к самому себе, в ответ на возникновение диссонансов во взаимодействии с «другими» как неотъемлемым условием, целью и смыслом его жизни. В случае глубокой конфликтности экстравертных связей, во внутреннем мире личности активизируются бессознательные содержания, низводящие ее до уровня архаичного, негативного, коллективного мышления, а также содержания, обычно сопровождающие ее неявные, эгоцентрические переживания и желания. Появляются смутные интуиции, ощущения, идеи, несущие непривычные для экстраверта данные об одиночестве человека в мире, о соблазнах и рисках личной автономии и свободы, об опасностях, исходящих от других людей. Архетип «трагической индивидуализации» неумолимо проступает в сознание, наполняя нормативное «я» беспокойством и тревогой. При этом трудно дающийся экстраверту перевод процессов самообращения на уровень «рефлексии конфликта» может способствовать развитию у него новых защитных и продуктивных форм персонализации в обществе.

Сознание **интроверта** наиболее активно в процессах самоотношения. «Я» выступает привилегированным объектом, данные о котором обычно предшествуют и руководят действиями и поступками личности в среде других людей. Коллективная нормативность осознается как внешняя, чуждая и приспособляется к субъективным идеям, представлениям и ожиданиям. В любые выходы к «другим» привносится сильный индивидуальный компонент, часто воспринимаемый окружающими как непонятный, сомнительный, притязающий на необоснованное господство. Неисчерпаемый сознательный интерес к самому себе побуждает интроверта обращаться к потаенным, часто рационально не проработанным душевным содержаниям: символам, фантазиям, необычным идеям, сновидениям. Их проекция и трансляция в общность могут носить оригинальный, творческий характер, но редко сразу понимаются и принимаются современниками.

Если устоявшиеся регламенты коллективной жизни интроверт не может согласовать с интенциями «я», возникает конфликт, снижающий активность индивидуального сознания и усиливающий участие бессознательного в наблюдаемой жизни личности. Она оказывается легко проницаемой для внутренних, стихийных воздействий бессознательной «коллективной души». Определяющее тип интроверта мощное стремление быть индивидуальностью и рефлексивно создавать «я» отступает перед древней тягой полностью исчезнуть в «мы». Интроверт экстравертирует, бесконтрольно уступая влиянию общих чувства и представлений. Но это состояние обычно скоро вызывает неудовлетворенность личности и всплеск индивидуального сопротивления, который при позитивной динамике выражается в умножении потенций самопознания и в совершенствовании форм социального самовыражения. Психологическими средствами свободного внутреннего сращения интроверта с общностью являются творчество – эмпатия – рефлексия.

Если встать над различиями рассмотренных типов, можно заметить ряд критических соотношений «индивидуальности» и «коллективности»,

которые проявляются при любых типологических вариантах личностного развития, хотя и принимают характерные для типов формы. Суть этих соотношений Юнг определяет, характеризуя следующие ситуации человеческой жизни. (89)

- Когда перед индивидом встает задача, которую он не может разрешить средствами сознательной психики, наступает возвратное движение психической энергии с уровня, где правит «я», на уровень бессознательной душевной жизни. При такой регрессии оживляются более или менее близкие аналоги возникшей у личности задачи из древнего коллективного бытия человека и отыскиваются давние способы приспособления. Как правило, **индивидуальная регрессия к коллективности** выражается в обращении к символу.

- Иногда возникает серьезная субъективная проблема, с которой человек оказывается один на один. Спасением от испытываемого одиночества и тяжелых переживаний становится для личности нахождение **связи между своей коллизией и большим общественным вопросом текущего времени.** И если раньше личная проблема располагала только энергиями интереса к собственному «я», то теперь к ней со всех сторон притекают коллективные двигательные силы. Соединяясь с интересами эго, они создают новое внутреннее положение, дающее обширные возможности разрешения.

- Когда личность находится в ситуации активного саморазвития, ей важно соблюдать **принцип средней стези**, предусматривающий согласование индивидуального пути с интересами и ценностями других людей. Личностный рост и высокие жизненные достижения возникают не на стороне эгоизма и индивидуалистического стремления к самовозвышению. Они нуждаются в радости разделенных с другими усилий созидания. Коллективный элемент в человеке настолько силен, что глубокая жажда совместности нарушает любое удовольствие от эгоистически ориентированного успеха.

- Создание значительных произведений, высшие напряжения души, великие переживания личности затрагивают сокровищницу форм коллективного бессознательного. В процессах интенсивной жизни **первичные психические формы коллективности превращаются во внутренние способы сознательного творчества и самосознания** индивида. Творческая личность не просто ярко изживает миф или символ, а мыслит и рефлексит о своих душевных напряжениях, взлетах, необычных моментах проживания.

Следует добавить, что иногда социально общее может существенно подавлять в личности тенденции к индивидуализации. Крайняя сознательная «социализация» в определенные исторические периоды захватывает множество людей, обеспечивая им душевный комфорт и удовлетворенность жизнью в относительной независимости от тонкой специфики их психотипов. Согласно Э. Фромму, поглощение основными потребностями, ведущими идеями и глобальными переживаниями социума определили появление в западном обществе середины XX века массы ярких носителей «социальных характеров», имеющих два типа ориентации: неплодотворную и плодотворную. Неплодотворно ориентированный тип личности оказался более распространенным, разделенным на ряд подтипов (рецептивный, эксплуататорский, стяжательский, рыночный), был хорошо исторически адаптирован и характеризовался в терминах социальной философии и социологии. Плодотворно ориентированный тип, несмотря на свою обусловленность общественными ожиданиями новаций в отношениях к труду и другому человеку, предполагал индивидуальное творчество и самореализацию личности и, следовательно, не мог быть объяснен только средствами социальных наук. Требовался их синтез с психологией личности, соединяющей общность – тип – индивидуальность. (75)

Трактовка личностных типов как социальной реальности, включенной в общественные процессы **поддержания традиции и создания нового**, вводит психолога в круг проблем, касающихся отношений **типа и культуры**. Здесь

обнаруживаются связи, особенно важные для культурной психологии личности.

Как отмечалось, явления культуры выступают продуктивными событиями индивидуальной и коллективной жизни, приобретающими значение «ценностей» для определенного социума. Культурное творчество и рефлексия культуры с **жизненными и ценностными установками** стали характерной чертой европейского человека.

Личность порождает культурные феномены в форме духовных и вещественных структур, высоко оцениваемых многими с точки зрения улучшения совместной и индивидуальной жизни в сферах религии, этики, искусства, науки, труда и общения. Личность в качестве «человека культуры» или «субъекта культуры» способна занять ценностную позицию по отношению к самым разнообразным явлениям жизни других и собственной жизни и таким образом придать им культурный смысл и значение. Авторски воссоздаваемые и создаваемые культурные ценности транслируются другим, формируя поле взаимных влияний, оживляющих культурный опыт прошлого и подающие импульсы к новому индивидуальному творчеству. Личность и культура образуют единую систему, где воспроизводятся, обновляются, передаются общезначимые нормы веры в Бога - поклонения красоте - любви к ближним - развития языка - достижения мастерства – добывания фундаментального знания.

Идейное, теоретическое достояние занимает одно из главных мест в культурном наследии европейской жизни. Особенно ценными становятся идеи, смысловая структура которых обладает способностью скрывать в себе потенциальную бесконечность. Они определяют канонический пласт и перспективные цели многих наук, в том числе, наук о человеке. Как было сказано, в персонологии одной из них является **идея о типах личности**, развернутая в трудах выдающихся мыслителей, философов, психологов. В мире культуры она давно утвердилась как поддерживающая давнюю линию персонализма и заключающая неизвестный потенциал будущего

познавательного отношения к феномену «личность». Личность, создающая культуру, существует для себя в свете созданных интеллектуальных моделей.

Особая **культурная ценность идеи о личностных типах** состоит в формируемых ею тематических акцентах самопознания человека. В учении Юнга она моделирует культурогенез личности на уровнях сознательной и бессознательной жизни, указывает на культурное происхождение высших психических функций и культурные последствия их индивидуального осуществления, обозначает разновидности индивидуальных культурных продуктов, подводя их под категорию «символов». Ею намечаются критерии культурного развития типов, психологические характеристики творчества и культурных вкладов их выдающихся носителей. Она так креативно обобщает и структурирует инварианты душевной и практической жизни человека, что позволяет каждому отразить свое культурно - психологическое сродство с другими людьми и в его свете понять уникальность собственного я – в - культуре.

Юнг обосновывает **культурное происхождение личностных типов**, связывая его с разделением сознательных психических функций в коллективной и индивидуальной жизни человека.

Благодаря **межиндивидуальному разделению** функций в коллективной жизни, стало возможным относительно автономное развитие образного, мыслительного, эмоционального и интуитивного способов общественного бытия и соответственно, разных операциональных средств совместного порождения ценностных значений и смыслов. Мир европейской культуры сильно дифференцирован и сложно образован продуктами воображения – интеллекта – переживания – провидения, завоевавшими признание конкретных общностей. В структуре современного социума умножение способов и результатов культурного производства обуславливает рост числа личностных психофункциональных типов, которые становятся все более специализированными и потому затрудняющимися во взаимодействии, склонными к разладу и конфликтам по поводу стиля жизни и ведущих

ценностей. Отдельные типы стремятся к дальнейшей специализации, дифференцируясь на все большее количества подтипов. К примеру, трансформациями мыслительного типа становятся мыслитель интуитивный и мыслитель рефлексивный, мыслитель логического и мыслитель визуального склада, мыслитель – теоретик и мыслитель – эмпирик, мыслитель – идеалист и мыслитель – прагматик.

Вследствие разрастания количества типов, общность приобретает мощную культурную подпитку и одновременно культурную релятивность. Так, экстравертные мыслители активно создают интеллектуальные ценности в области естественных наук, предпринимательства, политики и изобретательства. Экстравертные интуитивы искусно оперируют иррациональными моделями в сфере финансов, гуманитарных наук, продюсерской деятельности. Интровертные мыслители развивают исконные идеи в философии, искусстве и литературе. Интровертные интуитивы реализуют себя в религиозной сфере, символической поэзии, метафизике. Зависимость культурной динамики социума от личностного начала, проявляющегося по типологическому закону, придает ей мало прогнозируемый контур сменяющихся и всегда относительных доминант в достижениях продуктивных носителей типов.

Разнородные элементы культуры, соответствующие типическим особенностям их создателей, сообщают культурному облику Европы трудно преодолимую **дуальность**. В нем причудливо сочетаются рационализм и иррациональность, сциентизм и религиозность, гуманизм и технократизм, романтизм и практицизм, власть сознания и свобода бессознательного.

Внутрииндивидуальное разделение психических свойств и функций происходило в единстве с дифференциацией областей культуры. Для личностей это имело двойные последствия. С одной стороны, они приобрели потенциальную способность разными психическими средствами включаться в культуру, превращая эти средства в зрелые, изоощренные, совершенные. С другой стороны, полноценная жизненная реализация **всех** возможных

средств оказалась для большинства личностей недоступной. Например, индивиды с доминантой образного строя психики могут развиваться в тонких эстетов или достичь высоких результатов в изобразительном искусстве, но при этом отстают в эффективности их другие культурные функции, например, логическое и рефлексивное мышление. Психологическая «односторонность» или «типичность» существенно определилась как признак причастности личностей к одним областям культуры и большей или меньшей отстраненности от других.

Культурно обусловленное типическое проступает в личности даже тогда, когда у нее развиты и согласованы все основные психофункциональные свойства. Эта особенность хорошо выражена у **выдающихся субъектов культуры**, проявляющих свой тип не столько в явной приверженности к тем или иным видам деятельности и творчества, сколько на глубинном уровне смыслообразования и стилевых характеристик трудов и произведений, а также на уровне влияния последних на культурное сообщество. Вспомним, к примеру, приведенную выше типологию ученых Оствальда.

В масштабе жизни отдельного человека типические ограничения его связей с культурой могут преодолеваются удачными развивающими или компенсаторными практиками. В масштабе социума существование личностных типов с яркими психологическими доминантами означает, с одной стороны, богатство культурно - ценностных линий коллективной жизни, а с другой, их далекое расхождение, вновь и вновь актуализирующее мечту о **синтетических формах Культуры**.

Ожидание такого синтеза ощутимо в давней гуманитарной тенденции видеть в значительных авторских культурных продуктах **большие символы жизни**. «Все, что только и может сделать человек, - это создать (в языке, религии, искусстве, науке) свой собственный универсум - «символическую Вселенную», которая открывает перед ним возможность понимать и истолковывать, связывать и организовывать, упорядочивать и обобщать свой человеческий опыт, а также обрести свою индивидуальность через

приобщение к культурному космосу» (26; с 656) За символами признается непревзойденная активность влияния на ценностные отношения человека к миру и способность интегрировать их.

Причины высокой культурно - синтезирующей роли «большого символа», которая распространяется на общность и проникает в индивидуальную жизнь, детально проанализированы Юнгом на примере мифа о Граале.

- Символ объединяет в себе наибольшее количество libido.
- Он устраняет зависимость от внешних объектов, обесценивая их и полагая их подлинный смысл только в соотношении с субъектом.
- Он неприкосновенен для упрощенных рационально – практических толкований и воплощений, неизбежно умаляющих и искажающих его содержание.
- Он недоступен для агрессивного критического интеллекта, ставящего под сомнение его ценность.
- Он является наилучшим выражением для определенного целостного миропонимания.
- Он скрывает не сравнимый ни с чем и не определяемый ничем смысл и таким образом стимулирует творчество.
- Он облечен в чрезвычайно убедительную для чувства эстетическую форму и несет в себе универсальный этический канон, которому не сопротивляется мышление, а наоборот, обосновывает и возвышает,
- Он так соединяет сознательную и бессознательную установки, что становится сверх - влияющим, словно заключает нечто «божественное».

«Грааль» для Юнга – символическое средоточие истины, бессмертия, любви, красоты и творческой мощи.

Моменты чувственно – образно – мыслительного и ценностного синтеза, как и прежде, наиболее характерны для символов, рождающихся в пространстве мифа и литературы. При этом символическое знание все заметнее укрепляется там, где логика и дискурс всегда играли неоспоримо ведущую роль: в науке, политике, журналистике, предпринимательстве.

Авторы символических открытий реализуют и ведущие, и подчиненные типологические свойства собственной психики, не оставляя за пределами творческого процесса ни интуитивных, ни логических, ни эмоциональных, ни фантазийных потенций. Достаточно по аналогии вспомнить личностный и творческий универсализм Леонардо да Винчи, сохраняющий и сегодня свою исключительность. Символы закономерно становятся «агентами» **целостности и разносторонности своих творцов**. Не искажая действительности индивидуальной жизни, объединительные символы придают ей ту «ошеломляющую видимость», которая превращает личность в неотъемлемую часть символической культуры.

Одновременно, вопреки установкам на построение символического универсума, среди порождений современного духа все большей притягательностью и влиянием обладают культурные формы, лишенные свойства психического синтеза. Они односторонне характеризуются рациональностью, теоретичностью, абстрактной образностью, агрессивной вербальностью и гипнотизирующей визуальностью. В их пространстве могут рождаться настоящие шедевры, вроде совершенных компьютерных технологий или суперсложных теорий управления производством и финансами, или новейших моделей информационного представления реальности. Однако, блеск этих достижений неизбежно связан с избирательным, экстремальным развитием отдельных типологических свойств создателей, которые, как никогда прежде, персонифицируют «чистые типы», отыгрывают их в узких сферах деятельности и затрудняются с полноценным вовлечением в жизнь своей психической системы в целом.

Не менее, чем 50 лет назад, актуален юнгианский тезис о сущности **культурного развития индивида**, состоящего в понимании личностью недостаточности собственного типа, остром переживании этого конфликта как «войны с самим собой» и возложении на себя ответственности за восстановление своей психической целостности. «Наше познание конфликта, существующего между типами и типическими механизмами, принуждает нас

искать средств и путей для воссоздания их единения». (89; с. 120) Единение может совершаться путем экзистенциального проживания и рефлексии, которые способны вызвать и согласовать интенсивность мысли и глубину аффекта, утонченность перцепции и изощренность воображения, строгость интеллекта и раскованность мечты. Непрерывный континуум сложных экзистенциальных состояний, соединяющих спонтанность, направленность и разносторонность психической жизни, служит решению задач «во что верю?», «о чем мыслю?», «чем восхищаюсь?», «что считаю благом?», «что создаю?», «что собой представляю?». Здесь **культурный процесс происходит внутри индивида**, творится его жизнью, приобретает оттенки его типологических доминант и отсвет интегральной психической структуры, выходит за индивидуальные пределы, наполняя общность продуктивными культурно-психологическими типами.

«Тип» в культуре является реальной порождающей субстанцией. Вслед за Юнгом европейскую культуру можно представить как продуктивное существование культурно – психологических типов. Ее бессознательная жизнь образуется символической жизнью **архетипов**, хранящих исконные человеческие ценности: Мага, Мудреца, Просветленного, Спасителя,, Мастера, Государя, Воина, Монаха, Алхимика, Учителя и т. д. Ее сознательная жизнь представлена активностью **психокультурных типов**, в пределах исторических возможностей актуализирующих и раскрывающих ценности жизни: Рационалистов, Романтиков, Прагматиков, Деятелей, Ученых, Философов, Пророков, Поэтов, Художников, Моралистов, Бунтарей, Бойцов, Предпринимателей, Изобретателей, Политиков.

Поместить психологию личностных типов в фокус культуры, значит, увидеть в личности «место» осуществления типичных культурных событий, носителя типичных культурных содержаний, субъекта характерных культурных новаций и широко признанное культурное достояние. Это, значит, подчеркнуть важность идеи типа в познании личности как важнейшем элементе современной научной культуры, а также наметить

стройные типологические координаты самопознания индивида, развивая культуру его отношения к себе.

Перейдем к самому сокровенному вопросу типизации – моделированию **оснований типологии**. В истории персонализма их варианты часто появлялись в связи с моноаспектными представлениями о сущности «личного». В разные времена «личностью» становились «характер», «темперамент», «поведение» «жизнь», «тело», «психика», «сознание», «я», «роль», «интеллект». «Типами» выступали: черты характера (Теофраст, Лабрюйер), разновидности темпераментов (Гален, Гиппократ), неординарные и курьезные поступки знаменитых людей (Плутарх), выдающиеся биографии (Транквилл), физиогномические образы (Лафатер), культурные начала психики (Шиллер, Ницше), уровни сознательной жизни и подструктуры эго (Фрейд) и т. д. При всех достоинствах типизации такого рода, ее роль в психологическом познании конкретной личности ограничена. То, что в индивиде соответствует тому или иному типу, относящемуся к «узкой» типологии, - это только один из «срезов» его личностной сущности, один из путей, ведущих к ее раскрытию.

Лишь незначительное число известных типологий отсылает к синтетическому пониманию личности и многокомпонентным основаниям типизации. Не придерживаясь хронологической строгости, назовем среди них типологии Клагеса, Лазурского и К. Юнга. Эти построения хорошо демонстрируют различные способы разработки сложных типологических оснований.

Основания обычно выводятся из той или иной **структурной модели личности**. Базовые компоненты избранной структуры становятся для типолога обобщенной матрицей типов. Тип формируется из личностных признаков, между которыми установлены жизненно очевидные (в терминах Ясперса - «понятные»), эмпирически подтвержденные, статистически и теоретически обоснованные зависимости. Разные пути установления зависимостей при создании типологий является вполне естественным,

вследствие избирательной доступности компонентов личностного целого для разных методов изучения: наблюдения, понимания, интерпретации, измерения, теоретического конструирования. При использовании указанных методов нахождение строгих корреляций между компонентами личностной структуры не является главным. Следуя идее структурной организации личности, исследователь не может игнорировать противоположную идейную установку, согласно которой «личностное», значит «незавершенное» и заключающее в себе неустановившиеся, неопределенные, иррациональные связи. Даже в утонченно вычисленных и выстроенных структурах слишком многие аспекты личности остаются в непредсказуемом, подвижном подтексте установленных структурных инвариант. «В личности мы не усматриваем ничего окончательного, никакого завершенного в себе бытия. В эмпирической действительности личность иногда выступает как целостное множество доступных пониманию явлений и связей; но в любой момент свобода может проявить себя и сообщить всей совокупности связей совершенно иной смысл». (92; с. 523)

В своих основаниях тип может означать **качественные** определения человека: каким он является? Может выражать этапы его **личностного роста**; на каком уровне жизненного развития он находится? Может указывать на **ведущий способ его существования**: глубинной, чувственной, духовной, рефлексивной или деятельной жизнью он живет и какие функции - способности у него преобладают? Может свидетельствовать о **моменте онтогенеза**: в какой возрастной фазе он находится?

Критерии качества – уровня – способа - фазы бывает трудно удержать в отдельном типологическом построении, но они одинаково важны для целостной, комплексной типизации личности. К примеру, присутствие нескольких критериев можно обнаружить в типологии, предложенной З. Фрейдом. Его «эротическая», «нарциссическая» и «компульсивная» личности в качественном отношении выражают доминирующие влечения и ценности (сексуальность, «эго», социум). В отношении способа жизни – ведущую

активность бессознательных, сознательных или сверхсознательных тенденций. В онтогенетическом отношении – преобладающие стремления в фазах инфантилизма, открытия «я» и освоения социальных ролей.

В число оснований комплексной типизации попадают личностные свойства разного порядка, в частности, стремления, функции, установки, отношения, качества, черты, поведенческие константы. В общей структуре типа свойства могут обладать следующими характеристиками: высоким, средним или низким уровнем развития; наличием или отсутствием противоречий с другими типобразующими признаками, прежде всего, оппозиционными; ориентацией на внешние или внутренние объекты; тем или иным сочетанием с признаками другого порядка; силой влияния на целостную личность. Так сравнительный анализ типологий личности, созданных Фрейдом, Салливаном, Адлером, Фроммом и др., позволил С. Мадди (32) выделить свойства, формирующие «типы» в моделях разных персонологов:

- ведущие, или ядерные, стремления – мотивы и их сравнительная выраженность,
- отношения к социуму и самому себе,
- поведенческие черты как «периферийные ориентации»,
- конфликты стремлений – отношений – черт,
- интеграция, противоречия или согласование личностных тенденций.

В типологии самого Мадди главным типобразующим свойством выступает когнитивный мотива разнообразия и новизны. Этот мотив может реализоваться по экстернальному (социальному) или интернальному (эго - направленному) пути. Поведение, реализующее данный мотив, обладает биполярными чертами активности – пассивности, сложности - простоты, высокой – низкой результативности, фрагментарности – целостности. Источником динамики мотивационных типов являются конфликты и согласование периферийных ориентаций.

Когда любые типологические признаки (основания) обозначаются категорией «свойства» и подразумевается, что все разнородные

составляющие типов «свойственны» личностям как моменты их сущности или существования, лучше раскрывается сравнительная структурная сложность и полнота типологий и потенциал их применения в теоретической и практической работе психолога. Рассматривая основания типизации с указанной точки зрения, удобно, провести теоретическое и символическое сравнение типологических конструктов Клагеса, Юнга и Лазурского.

Клагес (92) в основание типологического различения личностей положил следующие признаки:

- темпо - ритмическое свойство психики в диапазоне флегматичности – сангвиничности;
- свойство эмоциональной чувствительности в диапазоне меланхолии – эйфории;
- свойство силы влечений в диапазоне жизненного вдохновения – воодушевления – негативной страсти;
- свойство воли в диапазоне спонтанной активности – сознательной направленности – реактивности и сопротивления;
- свойство рефлексивного осознания собственного «я» в диапазоне подверженности внешним влияниям – тенденции к внутренне направленной активности.

Тип в его типологии представляет устойчивую композицию из перечисленных свойств, которую можно символически представить как звезду с пятью лучами, обладающими определенной яркостью и окрашенными определенными цветами.

У **Лазурского** структурное основание типизации составили:

- свойства интеллектуальности, эмоциональности, волевой активности, деятельности (и – э – в – д);
- направленность и – э – в – д на внешние и внутренние объекты или экзопсихическая и эндопсихическая направленность;
- развитие и – э – в – д в диапазоне высокое – среднее – низкое.

Здесь при конструировании типов строже логика и прозрачнее связи типологических признаков. Символом типа можно выбрать **группу из четырех деревьев**, одни из которых выглядят более зрелыми и цветущими, чем другие, и уходящая в глубь корневая система или поверхностная крона одних мощнее, чем у других.

Наконец, у **Юнга** основание типизации включает ряд свойств, одни из которых могут считаться ведущими, другие – подчиненными. Те и другие взаимодействуют в стройном ансамбле, который можно эксплицировать таким образом:

- свойство испытывать влечения, инициирующие жизненную активность;
- свойство обладать установкой на сознательную – бессознательную психическую жизнь;
- свойство осуществлять психическую активность в функциональных формах ощущений – интуиции – мысли – чувства;
- осознанность психических форм в диапазоне дифференцированность – недифференцированность;
- расположение к рациональной (аполлонической) и иррациональной (дионисийской) психической активности;
- свойство интровертного – экстравертного направления психической активности;
- свойство локализации жизненных достижений в сферах рефлексивной – духовной – практической деятельности;
- свойство развития и регресса форм психической активности;
- свойство соответствия или рассогласования индивидуальных качеств с коллективными ценностями.

Символом типа, учитывая символические предпочтения самого Юнга, можно избрать большой **монастырь**. Здесь поразительно подходит описание средневекового аббатства, сделанное Умберто Эко. «Восьмиугольное сооружение сбоку выглядело **четыреугольником** (совершеннейшей из

фигур). Южные грани **возвышались** над площадью аббатства, а северные росли из склона горы и отважно **свисали над бездной**. Снизу, с некоторых точек, казалось, будто не постройка, а сама каменная скала громоздится до неба, и, не меняя ни материала, ни цвета, переходит в сторожевые башни: произведение гигантов, родственных и земле, и небу. Три пояса окон сообщали **тройной ритм** их вертикали, так что, оставаясь на земле физическим квадратом, в небе здание образовывало спиритуальный треугольник». (83; с. 32) Можно продолжить, что основная жизнь монастыря может протекать во **внутренних** подземельях, потайных комнатах и коридорах или во **внешних** наземных постройках, садах и аллеях. Деятельность населения может быть сосредоточена на **собственных** нуждах или простираться **далеко** за монастырские пределы. Монастырь может **процветать** или быть **заброшенным**, быть местом всеобщего **поклонения** или вызывать недоверие и **страх**.

На примере последнего, особенно полно и хорошо структурированного, типологического конструкта видно, как можно искусно использовать **принцип встроенности** в многомерные личностные типы типов с небольшим числом оппозиционных или континуальных оснований. В юнгианские синтетические типы личности включены: тип с преобладающей активностью сознания или бессознательного; тип с рациональной или иррациональной доминантой в функциональной структуре психики; тип с субъективной или объективной модальностью психической жизни и т. д.

В отличие от многих других типологий, созданных как **статичные**, типология Юнга апеллирует не только к устойчивым структурным формам, но и к изменчивым отношениям между ними. Его постановка проблемы **динамических оснований типизации и внутренней динамики типов личностей**, а также ее найденные решения, до сих пор недостаточно оценены психологами. Особенно, в смысле перспектив развития, индивидуального консультирования и рефлексивной поддержки личности. Поэтому так важны

любые попытки обобщения тех личностных процессов, которые Юнг считает причинами конструктивных и деструктивных изменений типа.

Анализ показывает, что внутренняя подвижность каждого юнгианского типа обусловлена:

во-первых, взаимодействием оппозиционных свойств, составляющих первичный и вторичный типы,

во-вторых, взаимодействием свойств – доминант, относящихся к разным порядкам структуры типа, например, порядку сознательно - бессознательных установок, порядку объект - субъектных ориентаций, порядку психических функций и т. д.;

в-третьих, изменениями жизненных условий или личностного целого, требующими перестройки основного типа.

К наиболее раскрытым детерминантам внутренней динамики типов у Юнга относятся **оппозиции свойств первичного и вторичного типов**. Характеристиками свойств первичных психологических типов являются высокая энергетическая заряженность, сознательность, обладание сложными активностью и содержанием, высокая ценность для субъекта, целевая направленность, рациональность, продуктивность, способность обеспечить индивидуализированное освоение личностью регламентов социальной жизни. Свойства вторичных типов, напротив, характеризуются сниженной энергетичностью, недостаточно осознанным и бессознательным действием, диффузным содержанием, сниженной продуктивностью, стихийностью влияний на поведение личности, непосредственностью отношений с коллективным бессознательным, упрощенностью связей личности со своей самостью и социальной жизнью.

Интерпретация юнгианской типологии как динамичной позволяет включить оппозиции первичного и вторичного типов личности в число значимых **оснований типизации**. В конфликтных отношениях могут оказаться следующие признаки, явно или не явно конституирующие первичные и вторичные типы личности:

- влечения (сексуальные и творческие, к любви и власти, к идеям и жизни, к своей самости и миру, к бытию и смерти), определяющие силу и направленность libido;
- сознание – глубинные процессы;
- экстраверсия - интроверсия;
- абстрагирование - вживание;
- мышление - эмоциональность;
- ощущения (восприятие) - интуитивность;
- субъективность - объективность;
- устойчивость – изменчивость;
- индивидуальность - коллективность;
- мужественность - женственность.

Провоцирующие изменчивость личности многообразные соотношения первичных и вторичных типологических свойств (единство, гармония, конфликт, раздвоенность) представляют, по признанию Юнга, «картину чрезвычайно загадочную; разгадать ее подчас настолько трудно, что иногда склоняешься даже к отрицанию самого существования типов и ограничиваешься признанием одних лишь индивидуальных различий». (89; с. 30) Неизбежное действие принципа акциденций, или проявления непредсказуемых или «случайных» признаков индивидуальности, как будто ставит под сомнение принцип типобразования. Однако, отдавая дань личностному релятивизму, искусная диалектика Юнга ищет строгие ритмы взаимодействий, протекающих в границах четко обозначенных типов. Типичное выражает себя устойчивыми закономерностями и конфликтами индивидуального жизненного процесса, творящего «авторскую партию» личности в величественном оркестре Жизни.

Изменения состояний личностного типа определяются перестройками отношений типологических доминант со своими противоположностями или «дуалами» в результате активности личности или возникшей и разрешенной

коллизии. Эти перестройки также можно считать **основаниями типизации** по Юнгу. К ним относятся:

Усиление. Энергия жизненных устремлений все больше вовлекается в русло сознательного функционирования первичного типа. Его проявления становятся заметнее, демонстративнее. Вторичный тип обесценивается, оттесняется на периферию психической жизни. Экзальтация основного типа растет за счет слияния с содержаниями слабо дифференцированных психических функций. Устанавливаются таинственные ассоциации с бессознательными аналогами сознательной жизни.

Если отчуждение личности от своего вторичного типа поддерживается преувеличенной оценкой своих достижений в доминирующей деятельности, может произойти спонтанный прорыв в сознание архаичных и деструктивных форм. Проявления основного типа приобретают инфантильный, иногда карикатурный характер.

Критическая односторонность первичного типа может быть преодолена творческими замыслами и оригинальными продуктами, предполагающими раскрытие и использование личностью потенциала «запущенных» свойств.

Уравновешивание. Связано с конструктивным включением в сознательную деятельность оппозиционных функций и установок вторичного типа. Это нахождение «правильного пути», который означает усиление сознания и интуиции, пребывание личности в жизненном потоке, где идет свободное возобновление процесса и согласование противоположностей, имеет место «максимум энергетических выявлений и соответствующих личных достижений». Типологическое равновесие выражается в актах порождения оригинальных идей, продуктов воображения, неординарных поступков. Проживание на этом уровне сопровождается периодически возникающим у личности чувством соответствия своему призванию, предназначению, судьбе.

Усовершенствование. На основе достигнутого равновесия с вторичным типом происходит полное раскрытие потенциалов первичного типа. Ему

предшествует проблематизация личностью жизненных отношений и внутренних позиций, благодаря которой находятся новые модели синтеза противоположных типологических свойств. Например, уравновешенный интроверт ставит задачу полноценного самовыражения в близкой ему среде. Формулой развития его типа становится рациональная установка: «обнаружить все внутреннее и всему внешнему придать форму». Средствами осуществления новой установки выступают символическая и игровая деятельность, создание авторских текстов, концентрация на совместном творчестве.

Обновление. Происходит вследствие настройки личности, испытывающей неудовлетворенность своим основным типом, на высвобождение энергии вторичного типа и переводение его свойств в дифференцированное, активное состояние. Деятельность, соответствующая основному типу, подхватывает и ассимилирует идущие из «затененных» зон психики символические образы, мечты, продукты фантазийного мышления и интуиции. Первичный тип меняет свое качественное наполнение, обогащается необычными содержаниями, меняет субъект – объектную установку. Так экстраверт может рефлексивно изменить качества своего типа путем отнесения значимых внешних объектов к новой обобщающей идее, которую он признает достоянием и характеристикой собственного «я».

Регресс. При возникновении внутреннего кризиса первичного типа, активность доминирующих свойств может ослабевать, психическая энергия отвлекается на освещение и усиление деятельности вторичного типа. Доминирующие свойства личности частично замещаются подчиненными. Ведущие позиции захватывают упрощенные, инфантильные формы психической активности.

Исключение. Иногда конфликтность основного типа так истощает личность, что ее сознание утрачивает различительную и интегрирующую способность в привычных сферах активности. Ранее организованная психическая жизнь становится проницаемой для вторжения подавленных

желаний и аффектов. Поток сознания смещается на дифференцирование признаков вторичного типа, постепенно исключая прежние личностные доминанты. Новая типологическая ориентация личности оказывается проблемной и уязвимой, так как подвержена сильным влияниям слабо осознанных влечений.

Взаимное отрицание. Если между свойствами основного и подчиненного типов личности завязывается неразрешимое противоречие, сознание как уравнивающая инстанция может ослабить свою активность в отношении обоих типов. Их несовместимость со временем становится критической, а затем они начинают терять свою жизненную, регулирующую силу. Наступает момент уничтожения противоположностей, означающий «ту пустоту, которую мы называем бессознательным» (89; с. 157).

Отщепление. Этот эффект связан с полным вытеснением вторичного типа за границы сознательной жизни в связи с избыточным усилением первичного типа. Лишенный обычных источников активности, вторичный тип притягивает и аккумулирует силы глубинных интенций личности, что способствует частичному отводу психической энергии из области сознательного действия основного типа в бессознательное. Оба типа начинают действовать на двух уровнях психической жизни, как две автономные личности, утратив многие из своих начальных потенций.

Симуляция. Это формальное присвоение личностью, обладающей яркими признаками ведущего типа, свойств, присущих вторичному типу. Такая «подстановка» может придавать личностным проявлениям оттенки или искусственности, двусмысленности, курьезности, или умелой игры, удачной компенсации, своеобразного самовыражения.

Представленные изменения типа личности в зависимости от оппозиций первичных и вторичных типологических свойств в реальном жизненном процессе сочетаются с изменениями, заданными подвижными отношениями разнопорядковых свойств ведущего типа. В юнгианском варианте это может быть отношение какого-то функционального свойства, например, мышления,

с направленностью личности на объект или на субъект, то есть с экстраверсией или интроверсией личности. Отношение может меняться при актуализации и усилении одного из ведущих влечений. Возьмем для иллюстрации контур изменений интроверта – мыслителя, когда он захвачен чувством **любови**.

- В любви личность этого типа стремится согласовать выношенную идею «любимого человека» с тем, что ей кажется значимым в реальном «объекте».
- Постепенно внутреннее отношение субъекта становится все более возвышенным, но при этом более абстрактным, и властно требует подчинения ценного «объекта» идее.
- В противовес сильной идейной установке формируется безотчетная привязанность к «объекту» в его конкретных жизненных проявлениях.
- «Объект» неотразимо притягивает любящего, вызывая восхищение, смутно отравляемое сомнениями, идущими со стороны бессознательного.
- Идеализация и абстрагирование в сочетании с аффективной зависимостью порождают «увлекающую силу страсти, бросающую одного человека на путь другого».
- Власть страсти, постоянно обращающая личность к «объекту», ведет к конфликту и фрустрации, которые неизбежны для интроверта, невольно вставшего в позицию экстраверта. Мышление при этом затрудняется в экстравертной переориентировке.
- Только творческая мысль личности может превратить коллизию любви в проблему «я», разрешаемую путем реалистичной оценки достоинств «объекта». Идеализация сменяется эмпатией и установкой на построение новых отношений
- В этом случае личность прибегает к приданию другому эстетической, этической или интеллектуальной ценности и творчески вырабатывает соответствующие способы взаимоотношений.

- В ином случае усиливающаяся страсть отвлекается от желанного «объекта» и, слившись с идеей «любви», вызывает к жизни символ Божества. «Тогда человек возвращен самому себе и, вынужденный предаться себе, он вновь находит себя среди богов и людей, на своем собственном пути». (89; с. 280)

Здесь в движении типа к **обновлению** сменяют друг друга интровертная и экстравертная позиции мышления, субъективная мысль усиливается и обогащается объективным переживанием, актуализируется идейный потенциал коллективного бессознательного, сознательное мышление поднимается на уровень творческой интуиции.

Можно предположить, что структура оснований психологических типов Юнга как, несомненно, интегральная модель типизации, включает мощный потенциал **переноса** ее принципов на новые типологические модели. Например, она может учитываться при разработке **типологии жизненных отношений личности**.

В этом случае корректность переноса обоснована замечаниями Юнга о том, что действие сознательных психических свойств означает «отношения» личности к внешним или внутренним объектам и событиям.

- То, что находится по ту сторону влечений, является нашим отношением к ним или нашим «пониманием», например, одухотворением эротики...
- Если у нас оказывается достаточно самосознания, чтобы мы мыслили то, что воображаем и переживаем, значит, появляется внутреннее отношение...
- Любое объективирование субъекта в объекте, независимо, в чувстве, мысли или символе, означает внутреннее отношение к объекту...
- Избирательное развитие индивидуальных психических функций связано с формированием отношений к ценным объектам...
- Через отношения осуществляются культурные функции психики: приспособление к культуре, изменение ее форм в соответствии с индивидуальностью, культурное творчество и саморазвитие...

Очевидно, что в этих тезисах личность освещается со стороны «жизни» как протекающей в виде психических отношений, исходящих из «я» или «самости», стремящихся к предмету или субъекту, имеющих сенсорную – интуитивную – мыслительную – эмоциональную форму и качественно определяемых приоритетными ценностями личности.

Выбор «жизненных отношений» в качестве оснований типизации личностей может быть направлен, во-первых, на создание новой концептуальной матрицы личностных типов, во-вторых, на выявление системы координат типологической идентификации индивида по параметру «отношение», в - третьих, на разработку теоретически и эмпирически обоснованной типологии индивидуальных субъектов отношений. Мы обратимся к первым двум возможностям, допуская, что тип отношений будет выражать **качественные и ценностные характеристики**, свойственные **взрослой** личности, а также **уровень ее развития**, зрелость и масштаб позитивных жизненных связей. Типологические варианты отношений конституируются в зависимости от принадлежности личности к конкретному социуму, общности или определенной категории людей, в частности, профессиональной.

Как показали наши исследования (63), выбор «жизненного отношения» единицей познания и типизации личности позволяет соединить многие персонологические подходы:

1. учесть существование устойчивых и изменчивых аспектов личности - в - жизни;
2. сочетать исследование структуры сложившихся свойств личности и подвижной организации ее жизненной активности;
3. соединить характеристики психического и деятельно – практического планов жизни;
4. соотнести жизненные устремления личности с ценностными сферами конкретной культуры; определить «личностное» в культурных параметрах;

5. совместить объективно заданные координаты личностного развития определенной социальной, профессиональной, или иной категории индивидов с личностным развитием ее конкретных представителей;
6. установить соотношение объективных зависимостей личности с ее субъективным потенциалом;
7. соотнести во внутреннем строении и динамике личности сознательный, духовный, рефлексивный и бессознательный уровни психического;
8. свести разнородные жизненные тенденции в ведущие смыслы жизни и «перспективу» личности, например, творчество, социальный успех, заботу о близких и т. д.

Общее основание типизации могут составить отношения, реализующие связи личности с абсолютом, социумом, своим «я», близким другим, знанием, творчеством, искусством, профессиональной практикой. В многостороннем видении «личности относящейся» может быть раскрыта история актуальных жизненных ориентиров человека. Внимание типолога может фокусироваться на сознательно – каноническом или сознательно – творческом участии личности в коллективном бытии, не оставляя за пределами анализа архетипических источников сознательной активности. Поликомпонентное основание типизации может обеспечить выход к тонкой индивидуальности субъекта отношений. Благодаря юнгианским конструктам, типологические отношения могут приобрести детальное психологическое наполнение.

Как вариант, типизация личности в зависимости от **развития жизнеотношений** может осуществляться, в такой последовательности.

1. Определяются формы изначальных силовых, побудительных тенденций индивидуального бытия, задающих мощь стремления «жить!» Рассмотрению личности в модусе жизненных отношений более всего соответствует дуальная классификация побуждений, «берущих начало в самом существовании человека», предложенная Э. Фроммом (50; с. 299). Его дихотомия экзистенциальных стремлений существенно уточняет и

конкретизирует понятие *libido* в трактовке Юнга и очень близка идее ценностной дифференциации отношений к жизни. С этой точки зрения, человеческой жизнью движут:

- стремление приобщиться к бытию других, к единению с ними, к обретению корней в противовес стремлению к изоляции и нарциссизму;
- стремление к знанию как системе ориентации против стремления к иррациональному способу бытия;
- стремление к любви – эросу, любви – дружбе, любви – братству в противоположность деструктивным отношениям с другими людьми;
- стремление к созидательности, творению жизни в противовес стремлению к разрушению;
- стремление найти объект возвышенного поклонения, испытать трансцендентные состояния против стремления к идолопоклонству;
- стремление найти и бескорыстно любить гармоничный порядок вещей в противовес стремлению к обладанию и присвоению;
- стремление к доминированию, влиянию в противовес стремлению к подчинению;
- стремление к обретению самоидентичности и индивидуальности в противоположность стремлению к обезличиванию и конформизму;
- стремление к самореализации в противовес стремлению к защите.

Бессознательное самодвижение позитивных стремлений, а также их осознанное осуществление, ведут, согласно Фромму, к душевному здоровью в его гуманистическом понимании, к исполнению цели жизни, состоящей в том, чтобы «прожить с полной отдачей, родиться в полном смысле слова, полностью пробудиться».

2. Различаются «ставшие», отношения, которые образуют сущностное душевное «ядро» личности и одновременно формируют процессуальную канву ее жизни. Акцентируется переход стремлений как глубинных истоков отношений в их осознанные, дифференцированные, дихотомические

формы. Личностные типы прогнозируются как закономерно включающие и связывающие отношения, находящиеся на разных уровнях развития и имеющие разные качества. Исследуемыми субъектами отношений могут выступать личностные категории и отдельные личности, тесно связанные с той или иной социокультурной сферой жизни: с профессией, сферой социального управления и влияния, сферой духовной деятельности и т. д.

В качестве типологических отношений могут выступать

социальное отношение в диапазоне

принятия других людей,	---	избегания других,
диалогизма во взаимодействия с ними,		отвержения «коллективного»,
богатой идентичности, сотрудничества		отчуждения в социуме;

интеллектуальное отношение в диапазоне

рациональности, логической	---	иррациональности,
организации знания, креативности,		ассоциативности, тяготения
рефлексивности		к символам;

эмоционально - этическое отношение в диапазоне

жизни в любви, исповедания	---	эгоцентризма, себялюбия,
добра, согласия со своей		конфликта с собой,
совестью		дефицита любви;

эстетическое отношение в диапазоне

высокой личной ценности	---	безучастности к эстетическим
воображения, образотворчества,		формам, впечатлениям,
игры, красоты предметных форм		художественному творчеству;

профессиональное отношение в диапазоне

личной ценности труда,	---	обесценивания труда,
компетентности, авторских		профессионального пути,

достижений, профессионализма

карьеры и компетенции;

рефлексивное отношение в диапазоне

я - осмысления, я - интеграции,
контроля своей жизни,
самодеятельности и саморазвития

--- спонтанности жизненных
отношений, их объектной
адресации и зависимости;

религиозное отношение в диапазоне

веры, служения, понимания
Учения, следования заповедям
и канонам, личного искания Бога

--- неверия, отрицания
божественного начала
мира или фанатизма и культа

3. Различаются основные психологические образующие жизнеотношений, в целом соответствующие юнгианской структуре психофункциональных свойств. В каждом отношении выделяются:

мотивационные составляющие,
эмоциональные составляющие,
сенсорно – образные составляющие,
мыслительные составляющие,
интуитивные составляющие,
рефлексивные составляющие,
действенно - экспрессивные составляющие.

В процессах типизации раскрываются функциональные доминанты каждого отношения и их системы в целом. Например, при активном развитии профессионального, интеллектуального и этического отношения у личности может обнаружиться яркое преобладание их мыслительных, практических и рефлексивных компонентов, связываемых сознательной логикой позитивно – ценностных стремлений, ведущим из которых является стремление к саморазвитию в сферах профессии, познания и гуманитарной деятельности.

4. Строится система параметров, качественно оценивающих отношения и их структурно – психологические составляющие. К примеру, параметры могут служить общей оценке профессионального отношения крупного бизнесмена,

исходя из частных оценок хорошо выраженных у него интуитивных, эмоциональных, действенно-экспрессивных компонентов этого отношения.

Качественной дифференцировке жизнеотношений и компонентов их структуры может служить применение следующих парных критериев:

- зрелость - регресс;
- позитивность – негативность;
- активность - пассивность;
- конструктивность – деструктивность;
- устойчивость – релятивность;
- реалистичность - нереалистичность;
- эффективность – отсутствие эффективности;
- обновление – стагнация;
- разнообразие – схематизм;
- сложность - упрощенность.

5. Конструируется общее основание типизации жизнеотношений личности в модусе «развития» и «зрелости». Или может быть предложена идеальная модель развития нескольких определенных жизнеотношений, избирательно ожидаемых конкретной социокультурной средой от активно включенной личности, например, современным интеллектуальным сообществом от ученого и разработчика инноваций. Или воссоздается «эталон» исторически возможного развития всей системы отношений в предельно благоприятных социокультурных, жизненных и внутриличностных условиях, аналогичный, например, «полноценно функционирующей личности» Г. Олпорта или «акмеологическому типу личности». При этом,

- обе модели могут служить «высшими типами» типологий, включающих многие другие типичные варианты развития отношений и взаимосвязей между ними;
- каждая из них как «оптимальный тип индивидуальности» может выступать априорной формой для типологической идентификации отдельных личностей;

- данные модели в виде «перспективных структур личности» могут приниматься за гипотетические ориентиры при типологическом обобщении результатов эмпирических исследований тех или иных множеств индивидов;
- модели могут стать теми «образами индивидуальности», к которым стремится развивающая и коррекционная психологическая практика.

Кроме иерархической формы типологий, могут применяться типологии с бинарным строением или со строением по принципу равноценных типов.

6. При типизации субъектов жизнеотношений нужно учитывать виды взаимодействия «первичного» и «вторичного» типов. За поверхностью сознательно реализуемых типологических отношений могут обнаруживаться отношения с оппозиционными характеристиками и противоположным ценностным наполнением. Методами раскрытия вторичного типа могут стать не только проективные и аналитические, но и рефлексивные приемы. Вторичный тип или «тень» личности представляет собой «проблему, бросающую вызов личностному эго, ибо ни один человек не в состоянии осознать свою тень, не приложив серьезных усилий. Ее осознание предполагает признание реального присутствия скрытых аспектов личности. Акт подобного признания – существеннейшее условие самопознания любого рода; как правило, для совершения его нужно преодолеть немалое сопротивление». (85; с. 19)

Так, за сознательными, вербально отточенными, позитивными, тщательно контролируемыми проявлениями профессионализма яркого политика с большой вероятностью могут неявно присутствовать архаичные иррациональные и аффективные побуждения, смыслы, поведенческие интенции. Тогда в острой, непредвиденной проблемной ситуации абстрактные продукты позитивного мышления могут находить заместителей в виде негативных и примитивных образов или древних, возможно сексуальных, символов аналогичных ситуаций. Обычно сильная властная позиция может обернуться раздраженной, агрессивной, эгоцентричной

позицией. Внезапный прорыв бессознательных тенденций вторичного типа в сознательную деятельность (оговорка, двусмысленность, шутка, язвительная тирада и т. д.) может приобрести шокирующий, гротескный характер.

Феномены вторичного типа спонтанно выражаются как **антагонисты** отдельно взятого типологического отношения (например, проявления безвкусицы у эстета), или всей системы доминирующих отношений (инфантильная узость кризисного реагирования у разносторонней личности), или некоторых психологических составляющих первичных отношений (взрывная аффективность логика), или определенных качеств отношений - доминант (деструктивность творческой личности).

7. Применительно к типологическим моделям жизненных отношений важно учесть «закон» динамики типов, предполагающий возникновение конфликтов между различными доминирующими отношениями, между доминирующими и подчиненными отношениями, между дуальными функциональными компонентами отношений и между бинарными качествами отношений. Разрешения коллизий отношений можно типизировать как происходящие:

- при ведущем влиянии объективных обстоятельств;
- под влиянием усилий самой личности, сознательно изменяющей условия своей жизни;
- под влиянием личностной рефлексии, преобразующей «я» как внутреннее условие отношений;
- под влиянием бессознательного, действующего бесконтрольно для личности.

Качественные эффекты выхода личности из противоречий отношений могут быть типологически определены, например, по аналогии с эффектами разрешения конфликтов по Юнгу. А именно, оценены по типу усиления – уравнивания – обновления – регресса – взаимоотрицания – симуляции и т. д. Психологический анализ Ф. М. Достоевского, напоминающий логику «усиления», показал, что сознательные попытки его героев встать выше

всяких законов морали оборачиваются вспышками покаянного самообнажения, сменяющимися все более утрированной сознательной демонстрацией аморализма.

8. Типологические жизнеотношения могут быть рассмотрены как интеграл личности, соединяющий ее психические функции, сознательные ценности, деятельности, поступки и жизненные достижения. В норме целостность осознанной жизни - в - отношениях поддерживается синтезирующим действием **глубинных праформ отношений**.

Высший, зрелый тип отношений указывает на многосторонние возможности личности, которые можно рассматривать двояко: в качестве социального и культурного канона «максимума индивидуности», внешнего для конкретной личности, и в качестве ее внутреннего потенциала или «начала» индивидуальной жизни, в котором «все есть и все еще в будущем».

Взгляд на тип личности как взаимосвязь многих отношений в их априорных (силовых, динамических, содержательных) и реальных жизненных формах хорошо согласуется с юнгианской идеей психологической **самости**. Как известно, у Юнга «самость» определяет личность в значении архетипа целостности и в значении достигнутого в индивидуации синтеза способов сознательной и бессознательной жизни. Зрелая «самость» указывает на личность с точки зрения четырехмерности и бинарности ее потенциала, который цельно осуществляется в координатах уникальности – универсальности и единовременности – вечности. «Будучи апофеозом индивидуальности, самость имеет атрибуты единственности и единовременности. Но поскольку психологическая самость представляет собой трансцендентальное понятие, охватывающее совокупное содержимое и сознания, и бессознательного, оно поддается описанию только в терминах антиномий». (54; с. 72)

«Самость» закономерно ведет к понятию «типа», Это связано с тем, что, исходя из всеобщего бессознательного, она направляет свою первичную энергию на личностное освоение способов коллективной жизни, характерных

для определенного социума. Соответственно, координаты развития самости могут быть дополнены бинарными оппозициями индивидуальность – типичность, где последняя означает зависимость личности от типов взаимодействий с другими людьми.

На бессознательном уровне самость обладает свойствами универсальности и вневременного пребывания. В ней заключены глубинные предпосылки выделенных выше жизненных отношений, представленные архетипами Логоса – Отца – Эроса – Искусства – Героя – Старца – Бога. На уровне сознательной жизни самость и ее отношения приобретают свойства уникальности, личного времени и типичности в соотнесении с конкретно - исторической «человечностью».

Зрелый психологический тип отношений формируется как интеграл индивидуальности с некоторыми ярко выделившимися ценностными темами жизни. Эта можно увидеть на примерах выдающихся субъектов культуры. С высокой жизненной достоверностью, соблюдая принцип «плодотворной триады», можно ожидать, что среди них выделятся носители следующих типологических инвариант:

- искусный интеллект - социальная успешность – рефлексивность;
- профессионализм – рефлексивность - этическая доминанта;
- социальное влияние – эффективный интеллект – профессионализм;
- искусство – религиозность – этический поиск;
- религиозность – рефлексивность - активная этика;
- социальное служение – искусство - утонченный интеллект.

Подводя итоги рассмотрения типологического метода в контексте культурной психологии личности, подчеркнем неразрывную связь **идей типизации и индивидуализации личности**. Они, несмотря на свою видимую оппозиционность, не стали в культуре идеями – антагонистами. Наоборот, в пространстве их пересекающихся содержаний рождается множество творческих смыслов, которые касаются развития принципа

индивидуальности при типологическом подходе и удержания принципа типов личности при изучении индивидуальности.

Для соблюдения единства методов типизации и индивидуализации в психологии личности предпринимаются или могут быть предприняты следующие шаги.

1. Личность исследуется как индивидуальность с пониманием тех ограничений, которые накладывает тезис о ее неповторимости на ее теоретическое определение. Допускается, что процесс индивидуализации означает индивидуализацию, как по «акциденциям», так и по типологическим вариантам.
2. Предлагаются модели типологий со многими тонко проработанными и хорошо структурированными основаниями типизации личностей. Применение таких типологий дает возможность осуществить интерпретацию конкретной личности с богатой индивидуальной нюансировкой ее типических характеристик.
3. Создаются модели «критически выраженной индивидуальности», обладатели которой объединяются в часто малочисленные, но чрезвычайно ценные для культуры и социума «типы». В европейской персонологии к таким типологическим моделям можно отнести «человека средневековой исповеди», «ренессансную личность Титана», «личность Деятеля», «гамлетовскую личность», «фаустовского человека», «ницшеанского сверхчеловека», «выдающуюся личность».
4. Строится типологическая структура индивидуальной личности, где индивидуализация обеспечивается привлечением множества типологий, организованных по иерархическому, бинарному или координационному принципам и охватывающих личностные свойства от биологических до духовных
5. Создаются методы рефлексии типологической принадлежности, используя которые личность может установить свою многомерную типологическую идентичность, продвигаясь в познании собственной

индивидуальности. Предлагаются способы раскрытия не только первичных, но и теневых типов. Эффектом становится не статичная самохарактеристика, а понимание внутренних причин и закономерностей своей жизненной динамики, конфликтов и изменений. В многоаспектной рефлексии достигается такая творческая типологическая гибкость, что исключается расхожий тезис о негативной роли «самотипизации».

В данной работе поиск единства методов типизации и индивидуализации ведется в направлении моделирования многомерной типологической принадлежности личности.

2.3. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЛЫ ЛИЧНОСТИ.

Приступим к рассмотрению интегральных моделей типизации индивидуальной личности. Они позволяют устанавливать тождество личности с типами, конституирующими психокультурный и психосоциальный «пол» (гендер) личности, с типами, указывающими на доминирующие психические функции - способности личности в ее связях с социумом и культурой, а также с типами ее жизнеотношений как субъекта деятельности, профессионала с его вкладами и влияниями в определенной культурной сфере общества. В выборе и сочетании этих моделей мы видим теоретическую и прагматическую логику относительно целостного подхода к личности, охватывающего ее самость – психику – деятельность в их культурном качестве и выражении.

Отметим, что представляемые модели типизации построены по трем различным принципам.

1. Модель гендерной типизации включает два **бинарных**, но внутриличностно связанных типа.
2. Психофункциональная модель типизации включает восемь типов, хотя и построенных по бинарному принципу, но рассматриваемых как **равноценные** типы личности.

3. Модель типизации жизнеотношений включает зрелый или **акмеологический** тип личности как воплощение высокого уровня личностного роста, от которого иерархически «отсчитываются» другие типологические варианты жизненных отношений.

Первая модель (типологический интеграл) личности основывается на анализе существующих в психологии личности, социальной психологии и культурной психологии гендерных концепций и гендерных типологий личности. В целом, она является авторской разработкой, системно объединяющей множество признаков, благодаря которым можно тонко дифференцировать «мужское» и «женское» в личности.

Вторая модель является известнейшим типологическим интегралом личности, прославившим Карла Густава Юнга как типолога. Учитывая, что она в значительной степени была представлена в предыдущем разделе книги, сосредоточимся на характеристике каждого из восьми юнгианских типов, подчеркивающей их социокультурные связи и зависимости. При этом выделим некоторые имплицитные признаки типизации.

Третья модель является результатом наших исследований, посвященных типологическому изучению личности профессионалов, занятых в сфере современного интеллектуального труда. (63) В контексте культурной психологии личности подобные модели имеют особое значение. Это обусловлено тем, что в развитых странах, в том числе европейских, основной вес индивидуальной продуктивности заметно смещается из области производства вещей в область производства идей и знаний, а также в область поддержки, саморазвития, актуализации творческого начала личности. Традиционная «предметная» культура постепенно отстывает перед интеллектуальной и гуманитарной культурами в аспекте открытий и инноваций.

Модель гендерной типизации личности.

В современных исследованиях личности понятие «гендер» обычно употребляется в значении «пола, обусловленного и сконструированного

культурой определенного социума». Допускается и обосновывается, что реальные мужчины и женщины обладают полом сложной природы: биологическим, социокультурным и психологическим, что социокультурный и психологический пол (гендер) индивида не является жестко обусловленным его биологическим полом, что личности, обладающие мужским или женским телом, могут эффективно осваивать и реализовывать потенциалы противоположного гендера. Определенный пол (гендер) – «половина», «осколок целого», требующий активного внутриличностного воссоединения со своей противоположностью. Этот свободный взгляд на индивидуальную половую принадлежность постепенно оформляется в **теорию личности как субъекта гендерного развития.**

В принципе, «гендер» значит то же, что и «гендерный тип» личности. С применением международной терминологии, исследователи гендеров различают «фемининный тип личности» и «маскулинный тип личности», доминирующие, соответственно, у реальных женщин и мужчин. Эти бинарные типы конституируют женские и мужские свойства, происхождение которых связано в основном с процессами социокультурных идентификации, регламентации, самоопределения личности. Как результат изучения и моделирования, каждый «гендер» выступает **конструктом**, рационально регулирующим в обществе становление социокультурной идентичности, самопознания и самоопределения мужчин и женщин, а также позволяющим научно определить типологическую принадлежность индивидов в конкретном обществе. «Устойчивая сущность или самость с устойчивыми гендерными характеристиками, относящаяся к ядру культурно конституированного пола, производится распределением свойств вдоль установленных культурой линий согласованности». (5; 328)

Разработка проблем гендеров в границах **психологии личности**, допускающей «равенство всех человеческих состояний», означает признание универсальных личностных свойств (психики, сознания, бессознательного, деятельности, способностей, творчества и т. д.), а также равноценности

фемининной и маскулинной форм развития индивидов. При этом необходимо учитывать, что в современных европейских обществах в более или менее явном виде проявляются и поддерживаются тенденции андроцентризма - следствия длительного преобладания в культурогенезе «мужской власти», выдвигающей на первый план «маскулинные» черты социума и личности: рациональность, активность, направленность, независимость, прогресс, агрессивность, продуктивность, успех.

Одновременно доминанта мужской власти все больше проблематизируется амбивалентными взглядами на социокультурный статус фемининности и на ценность «женского» в личности. В философии – культурологии – социологии – литературе – обыденном сознании – жизненной практике в странном, иррациональном ритме актуализируются примерно следующие отношения к женскому началу:

- женское обесценивается, угнетается;
- женское эксплуатируется в своих ценных качествах и способностях;
- женское формально уравнивается с мужским, но, по сути, дискриминируется;
- женское превозносится, обожествляется;
- женское признается необходимым для полноценной мужской самореализации, считается существенным дополнением мужского начала в обществе и личности;
- женское утверждается высшим началом, придающим всему мужскому смысл, форму и назначение;
- женское в своей растущей экспансии представляется опасной силой, вынуждающей мужское искать новые способы самоутверждения.

Неустойчивые научные и общественные взгляды на сравнительное значение и соотношение социокультурных «полов» закономерно отражаются в установках гендерной психологии. В современных гендерных исследованиях развивается множество конкурирующих идей, затрудняющих построение

единой теории полов. Основываясь на анализе Д. Батлер (9), выделим наиболее распространенные из них:

- 1) существует только один пол – мужской, полно представляющий «личность», в то время как женщины – это «другие»;
- 2) существует только женский пол, а «мужчина» является обозначением универсальной личности;
- 3) мужской и женский пол определяются различиями в сексуальности, формы которой заданы культурой;
- 4) мужской и женский пол исчезают, рассеиваются в связи с ослаблением власти гетеросексуальности;
- 5) чтобы «мужское» и «женское» получили равный личностный статус, понятие «пол» следует уничтожить;
- 6) «пол» - это языковое ухищрение, призванное увековечить различия мужчин и женщин в глазах общества, подчеркнуть значение гетеросексуальности и узаконить неравенство полов;
- 7) женщина может быть определена, исходя из мужского существа, и эти определения, в основном, отрицательные;
- 8) разделение «мужского» и «женского» - дурная полярность;
- 9) «женское» обозначает убывание субъектности, составляющей сущность приоритетного «мужского»;
- 10) женский – единственный пол, а мужской существует, лишь благодаря усилиям мужчин оторваться от него.

К этому следует добавить влиятельную позицию, отчетливо выраженную в критике традиционных аргументов феминизма у Жана Бодрийера: «то, что зовется «женским», обычно запирается в жесткой, дискриминантной структуре сексуальности, где оно обречено либо на унижение, если структура крепка, либо на смехотворный триумф, если структура ослаблена». Бодрийер напоминает о величии женской силы - «соблазне» или искусстве создавать обольстительный мир видимостей, приверженности красоте и игре, расшатывающей половые полюса. «Анатомия – это судьба: так говорил

Фрейд. Только соблазн радикально противостоит анатомии как судьбе». «Соблазн представляет господство над символической вселенной, тогда как «власть» - всего лишь господство над реальной». «Соблазн разбивает сексуальный ритуал – один из последних, оставшихся в западной культуре». «Суверенность соблазна несоизмерима с обладанием политической, экономической или сексуальной властью». «Женское соблазняет, поскольку никогда не оказывается там, где мыслится». «Женственность – принцип неопределенности». «Женщина – ничто, и в этом ее сила». «Обделенность» женщины – пародийный вызов мужскому наслаждению. В этой провокационной стратегии скрыты разрушение и могущество. Мужчина оказывается в ловушке, оставленный наслаждаться в одиночку». «Освобождение женского субъекта означает увядание мужчин». «Женское – не просто один из противостоящих друг другу полов, но нечто такое, что придает полу, за которым удерживается половая монополия, налет чего – то радикально нового, иного». (15)

Нужно отметить, что превознесение утонченного феномена соблазна, царствующего в мире символов, по сути, нивелирует право «женского» владеть достойным местом там, где «мужское» не желает расставаться со своим первенством – в мире реальности.

Во всех приведенных установках гендерных исследований проступает их зависимость (принятие/отрицание) от фрейдовского психоанализа как учения, навсегда отдавшего «мужскому» власть над «женским» в сфере психосексуальности. Не подвергая сомнению важности психосексуального моделирования гендеров в психологии личности, мы акцентируем другие свойства гендерных типов, изучение которых требует существенного расширения круга применяемых исследовательских парадигм. Представляется важным вводить в контекст моделей (конструктов) фемининного и маскулинного типов личности свойства, познаваемые средствами аналитической психологии, психологии архетипов, психологии мифа, экзистенциальной философии и психологии, культурной психологии,

социальной психологии личности, психологии личностных черт и характера. Это может быть сделано только путем тщательного анализа множества разнородных источников, отличающихся тонкой проработкой темы пола. Осуществив подобный анализ, мы попытались создать «коллекцию» и провести категоризацию разнообразных гендерных свойств.

Модели фемининного и маскулинного типов строятся нами как структуры параметров, которые могут применяться в качестве **оснований гендерной типизации и интерпретации индивидуальной личности**. Определяются общие и частные критерии, по которым может быть установлена **гендерная идентичность личности**

1. Первым порядком структурирования фемининного и маскулинного типов личности является выделение типобразующих свойств гендеров. К ним относим, во-первых, архаичные **символические свойства**, указывающие на таинственное, загадочное сродство женщин и мужчин с явлениями, существующими в безличном и внеличном мире (в природе, в вещной среде, в сфере абстракций и т. д.). Эти свойства, как правило, вызывают мифотворческий, эстетический и поэтический интерес, но все более становятся предметами психологического и жизненного интереса.

Во-вторых, в качестве типобразующих рассматриваем **метафизические свойства**, восходящие к символам и раскрывающие сопричастность гендеров общемировым, надличным процессам (вселенским, космическим, трансцендентным, идеальным, сакральным и т.д.). К этим свойствам обычно направляется внимание философов, которых волнует загадка порождения «личного» в мире. Однако сейчас их тайна и сущность влекут многих людей, ощущающих «экзистенциальную пустоту», вместо понимания своего жизненного предназначения.

Символические и метафизические свойства указывают на потенциалы личности, уводящие вглубь времен и в необозримо дальнюю перспективу. Они выражают то, что в значительной степени недоступно познанию и

самопознанию человека но, тем не менее, интуитивно ощущается им как близкое и возможное.

Третью группу типологических признаков составляют **архетипические свойства**, заключающие бессознательный потенциал «самости» носителей гендеров. Они имеют психическое происхождение и представляют собой предмет исследования аналитической и архетипической психологии. Ими задаются паттерны формирования мотивов, интеллектуальных установок, переживаний, поступков, качеств и тематических линий жизни личности. Архетип - это форма, в которую облекается индивидуальное психическое развитие и которая определяет его глубинную типичность, раскрываемую в терминах мифа и литературы.

Для обоснования важности этой категории свойств в целостном подходе к личности, обратимся к оригинальным определениям К.Г. Юнга:

- «Архетипы представляют собой системы **установок**, передающихся по наследству вместе со структурой мозга, являясь ее психическим аспектом. Это «хтоническая» часть души, через которую она связана с природой, миром, землей» (88 с. 136).;
- «Архетип есть изначальное, объединяющее, **образное** выражение живого процесса. Он вносит упорядочивающий и связующий **смысл** в чувственные и внутренние восприятия, являющиеся вначале вне порядка и связи, и этим освобождает психическую **энергию** от прикрепления ее к голым и непонятным ощущениям. Но в то же время он прикрепляет энергию к определенному смыслу, который направляет действия человека» (89 с. 542);
- «Развитие архетипа ведет к **идее**, которая есть не что иное, как изначальный образ, достигший мысленной формулировки. За пределы идеи идет развитие **чувства**.... Если индивид оказывается неспособным сочетать чувство с идеей, изначальный образ вступает во внутреннее поле зрения в качестве **символа** и овладевает чувством, захватывая и идею» (Там же, с. 543);

- «Восприятие новой ситуации жизни осуществляется архетипом, имеющимся **априори**. Он является удобно приложимой формулой, без которой восприятие и осмысление новых фактов было бы невозможно» (Там же);

- «Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются исключением. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму, благодаря **сознанию**, функция которого заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешний, но и в том, чтобы **творчески** переводить мир внутренний во внешний» (88. с. 133).

Характеристиками любого архетипа являются априорность, эмоциональная наполненность, сильное действие на сознание, обобщенность, необычайная суггестивность, порождаемая чувством истинности, недостижимость для рационального понимания, фатальность. Так же, как символические и метафизические свойства, архетипические свойства представляют значительные трудности для научного, в том числе, типологического, оперирования.

Четвертую группу образуют **психологические свойства**, гибко намечающие доминанты и соотношения гендеров в характерологической и феноменологической сфере индивида. Эти свойства выступают основными ориентирами идентификации и самоидентификации личности по признаку «пола» в ее осознанных когнитивных, эмоциональных, ценностно - смысловых и деятельно - продуктивных отношениях к миру, к другим, к себе. Их изучение в диагностике в русле гендерных исследований являются традиционными и хорошо методологически оснащенными.

В-пятых, к типобразующим принадлежат **ролевые свойства**, позволяющие определить место, статус, социально-психологические функции и культурно-психологические перспективы индивидуальных

носителей гендеров в обществе. В основном, именно эти свойства становятся предметами многих дискуссий в области гендерных исследований, в связи с поиском возможностей перераспределения и уравнивания маскулинного и фемининного типов власти в приоритетных областях духовного, интеллектуального, гуманитарного и экономического развития общества.

Подчеркнем, что символические – метафизические – архетипические – психологические - ролевые свойства могут быть рассмотрены и как новое многокомпонентное основание ее гендерной типизации, и как новый комплекс равноценных параметров гендерной идентичности личности.

2. Второй порядок структурирования состоит в определении вариантов связи гендерных типов в личности по каждой и по всем выделенным категориям типологических свойств. Учитывается, что свойства индивидуальной фемининности - маскулинности могут соотноситься по нескольким принципам.

- По принципу **бинарности**, предполагающему естественную гендерную доминанту личности во внешнем и внутреннем соотношении с противоположным гендером в диапазоне от гармонии до конфликтов и разрывов. «Поляризация «полов» не столько осуществляется между индивидами, сколько выступает в форме внутренне контрастного целого в одном индивиде. При односторонней реализации одного из полюсов, другой полюс, конечно, отодвигается в тень, но напряжение жизни зависит от сохранения полярности, без которой живое, будучи сведено к односторонности и однообразию, нивелируется, утрачивает полноту и объемность. Жизнь достигает вершины, когда половая полярность внутри индивида сохраняется в полной мере, когда между противоположностями осуществляется непрерывное движение». (92; с. 755).

- По принципу **единства** или взаимного проникновения, сосуществования, «диалога» обоих гендеров в контексте нормального полового развития личности. «Человек всегда больше того «пола», к которому он принадлежит. Человек, живущий как некая целостность, облечен в оболочку одного из

альтернативных «полов», но в своей сущности не полностью совпадает с ним. Поэтому мы постоянно колеблемся между переоценкой и недооценкой своего «пола». (Там же; с. 754) Единство гендеров достигается также в межличностном единении, духовном общении, взаимном принятии и любви мужчины и женщины, что символически определяется как Эрос.

- По принципу **инверсии**, то есть вытеснения и замещения гендеров друг другом в противовес исходной половой принадлежности личности. По замечанию Бодрийера, трансвестизм как не только сексуальное, но и культурно - психологическое явление - это устранение дуальности пола, «кража пола», половая обратимость, исчезновение «пола» личности.

Перечисленные принципы означают, что в индивидуальном случае, при наличии определенного биологического пола или слишком ярко выражены соответствующие фемининные / маскулинные свойства, или фемининные и маскулинные свойства гармонично сосуществуют, или соответствующие гендерные свойства носителя пола угасают, уступая место свойствам противоположного гендера.

Намеченные соотношения свойств фемининного и маскулинного типов также могут быть включены в число **оснований** гендерной типизации личности.

Добавим, что предлагаемая ниже модель гендерной типизации основывается на принципах бинарности и единства гендеров, а также является выражением «идеальной» совокупности мужских / женских свойств и, следовательно, может быть применена к взрослой, ставшей личности.

Итак, структуру **фемининного типа личности** составляют следующие типобразующие свойства.

1. Символическая идентичность.

Женщина - имеющая сродство с землей, ночью, тьмой, луной, лесом, чащей, пещерой, камнем, домом, глубокими водами, стихией, хаосом, смертью, детским, пассивным, нежным, мягким, таинственным, пугающим, воспроизводящим, берегущим, околдовывающим и т. д.

По архаичной магической «логике», все эти явления вбирают в себя друг друга и друг через друга раскрываются и определяются. «Женское», таким образом, может быть поставлено в основание грандиозной символической системы, как это произошло, например, с древнекитайским «Инь».

В литературе дух символического толкования «женщины» великолепно уловил и передал Джойс: «Какие особые сближения существуют между луною и женщиной? Ее древность, предшествующая череде поколений и ее переживающая; ее ночное владычество; ее зависимость как спутницы, ее отраженный свет; ее постоянство во всех ее фазах; восход и заход в назначенные часы; пребывание и убывание; нарочитая неизменность ее выражения; неопределенность ее ответов на вопросы, не подсказывающие ответа; власть ее над приливами и отливами вод; ее способность влюблять, укрощать, наделять красотой, сводить с ума, толкать на преступления и пособничать в них; безмятежная непроницаемость ее облика; невыносимость ее самодовлеющей, деспотичной, неумолимой и блистательной близости; ее знаменья, предвещающие и затишья, и бури; призывность ее света; ее движения и присутствия; грозные предостережения ее кратеров, ее безводных морей, ее безмолвия; роскошный блеск ее, когда она зрима и ее притягательность, когда она остается незримой». (22; с. 487)

И в дополнение - поэтический образ единства женщины с водой, использованный П. Флоренским для раскрытия сути «женской тоски» и «женской экзистенции».

Женское: влажное; вольно разлитое; свободное и беспредельное, как волна; стихийная и хаотическая сила; ищущее властно наложенного на нее предела; бунтующее против всякой власти и всех пределов, средоточие потенциальных возможностей, жизненная сила, возрождение.

Следующий ряд символических свойств, присущих женскому началу, определяется через систему отождествлений женщины с мифологическими фигурами и фигурами поклонения. (25; 86; 87; 88))

Женщина:

- мать, родительница, мать – природа, мать – земля, женщина телесная, плодovitая, кормящая, возвращающая, женщина – призыв к продолжению рода: Гея, Афродита;

- дева, незнакомка, вечная женственность, таинственная возлюбленная, предмет мужского почитания: Психея, Беатриче, Прекрасная Дама;

- очаровывающая, соблазняющая, увлекающая, отвлекающая мужчин от дел, свершений и завоеваний: Афродита, Сирена;

- активное разрушительное начало, губящее и подчиняющее мужчин: Изида, Кали;

- охраняющая тайну смерти, носительница губительных сил любви и красоты: подземные женские божества;

- загадочная, двойственная, обладающая изощренным умом, помощница мужчин: Сфинкс, Гетера;

- инстинктивная, интуитивная, близкая природе, владеющая тайной жизни, пассивный потенциал: Ева;

- воинственная, яростная, охотница, победительница: Диана, амазонка;

- «рабыня на троне», воспеваемая как объект любви, невозможной в земной жизни: Любовь трубадура, поэта – романтика;

- эмоциональная, чувственная, влюбляющая в себя, губительно красивая, обманчиво доступная: Елена;

- мудрая, обладающая духовным знанием, проводник между миром Духа и миром людей, соединяющая истину и веру, исцеляющая: София;

- рождающая божество, великая добродетель, посвященная в высшие тайны мира: Мария;

- свободная от мужской власти, творящая от избытка созидательных сил: Сафо.

Далее следуют определения свойств «женского», встречающиеся, в основном, в эзотерических и философских учениях и принадлежащие тем мыслителями, которые, по выражению одного из них, были «навсегда задеты полом» и тонко чувствовали динамику полов в личности.

2. Метафизическая идентичность.

Когда «женское» мыслится не в качестве самостоятельного и личного начала, а только в отношении к мужской власти, оно находит, как правило, отрицательные, обесценивающие определения.

Женское: тень мужчины, сновидение мужчины, искушение мужчины, слабость мужчины, тюрьма мужского духа, момент в жизни мужчины, инструмент мужского творчества, носитель темных сил, пассивное и безличное, скрыто опасное, лишенное самосознания, несущее напряжение, страсть, безумие, демоническое, истребляющее себя и мужчин, притягивающая бездна.

У О. Вейнингера разоблачение женского начала достигает критического уровня, сводя на нет любые положительные свойства женщины.

«Истинно женское существо не знает ни логического, ни нравственного императива. Слова: закон, долг, долг по отношению к себе – совершенно пустой звук для женщины. Она лишена также чувства сверхчувственной личности и лишена всякого «я». (18; с. 193)

«Есть женщины с некоторыми чертами гениальности, но нет женского гения, и никогда его не было. Нельзя приписать гениальность существу, которое лишено души». (Там же; с. 195)

«Понимание действительности у женщин гораздо слабее, чем у мужчин. Факт познания у них всегда подчинен посторонней цели, и если стремление к ее осуществлению достаточно интенсивно, то женщина в состоянии очень правильно смотреть на вещи. Но она никогда не в состоянии понять истину ради самой истины, постигнуть, какую ценность имеет истина сама по себе». (Там же; с. 202)

«Чистый мужчина есть идеальный образ Бога, абсолютного «нечто»; женщина, даже женщина в мужчине, есть символ полного «ничто»; таково значение женщины во вселенной, так дополняют и обуславливают друг друга мужчина и женщина». (Там же; с. 327)

В противоположность тенденциям обесценивания, мыслители русского философского ренессанса начала XX века придают «женскому» статус положительного воплощения трансцендентных, вселенских, космических, антропологических, культурно – исторических процессов и дополнения «мужского абсолюта».

Женское: неразрывно скрепленное с природой, телесное, родовое, коллективное бессознательное, нуминозное, дионисийское начало, дух архаичной культуры, матриархальное жизнеустройство, примат коллективности, первобытный коммунизм, интуитивная нравственность, стихийная творческая сила, иррациональность, мистический дар, чуждое индивидуальности, утверждающееся в деторождении, растворенное в текущих переживаниях, разделенное на состояния, преобладание «бытия» над «сущностью», гениальное и неуловимое в любви, дух женственности в культурном творчестве. (12; 57)

Так же отталкиваясь от «мужской» точки отсчета, в истории философской мысли сформировалась традиция придания «женскому» сверх – ценности в мире и бытии мужчин. «Женщина в своей полярной противоположности мужчине имеет свое индивидуальное призвание, свое высокое назначение. Призвание я вижу не в рождении и вскармливании детей, а в утверждении метафизического начала женственности, которое должно сыграть творческую роль в ходе всемирной истории. В охранении своеобразной силы женственности – честь и достоинство женщины, равные чести и достоинству мужчин». (14; с. 253)

Женское: Мировая Душа, цельность бытия, всеприсутствие таинства и неоднозначности, высшее, духовное, придающее мужскому духу возвышенность, несущее человеколюбие, благодать, сердечность, целомудрие, постигающее красоту, умеющее «служить миру собой», таящее наивысшую мудрость, берегающее веру, одушевляющее любовь, приобретающее знание у лучших мужчин – мыслителей; преодолевающее мужскую односторонность и абстрактность, ограничивающее агрессию

мужского интеллекта, создающее видимость, призванное быть произведением искусства, соблазняющее, приверженное игре, заключающее иронию, нивелирующее чрезмерную серьезность, творящее модели реальности, разбивающее каноны мужского рацио.

Обосновывая идею о грядущей смене эпохи европейской «мужественности» эпохой «женственности», современные последователи гуманистического и глубинного учений связывают восходящую волну женской активности с необходимостью преодоления «мужского кризиса» культуры, становящейся все более безличной, механистичной, абстрактной и саморазрушительной. Наступление «женского» (интуиции, воображения, эмоций, тонких ощущений) усматривается в таких глобальных явлениях, как новый расцвет мифологического сознания, интерес к древним культурам, эзотерическим учениям, восточному мистицизму, трансперсональной и архетипической психологии, герменевтике, методам моделирования и интерпретации, теориям полей, рассеивающих структур, хаоса, сложных систем.

К выходящим на первый план **женским ценностям** относят: объединяющее людей чувство единства со всеми природными формами; общность, оказывающую поддержку творчеству и индивидуальности; взаимопомощь и сотрудничество в коллективах; величие деторождения и материнства; разум, обращенный к живому, к жизни, к человеку; эстетизацию всех человеческих деятельности, этику добра в жизни; поиск перспектив улучшения существования человека; соединение любви и творчества; любовь как основу отношений мужчины и женщины.

В числе причин близкого высвобождения множественных женских сил, часто называют смену **архетипических доминант** коллективного бессознательного. Считается что архетипы «женщины» все более властно проступают, как в формах и содержании индивидуальной жизни, так и в деятельности духовных, гуманитарных, социальных, политических и экономических институтов.

3. Архетипическая идентичность.

Ее критериями выступают универсальные, составляющие глубинные потенциалы, собственно женские элементы души женщины. (84; 87; 88)

Женская самость – сокровище, инстинктивная женщина, душевные силы, психическая энергия, творческое начало, безупречное чувство тела, единственность, непохожесть на других, прозорливость, выносливость, дальновидность, устремление к внешним и внутренним изменениям, изобретательность, восприимчивость к красоте и чувственность, способность придать всему гармонию и хорошую форму, исследовательская интуиция, интуитивное знание обо всем, что нужно для полноценной жизни; неисчерпаемый потенциал любви.

Старуха – плодородная, возвращающая, собирающая и хранящая древний опыт, оживляющая умерших, знающая тайну смерти, прозревающая будущее, обучающая наивные души, излечивающая душевные раны, использующая целительные силы природы, живущая в одиночестве, помогающая справиться со злом и собственным гневом, освобождающая творческую энергию женщины.

Дева - искренняя, наивная душа, пребывающая в дремотном состоянии; опекаемая и любимая: страстно любящая: терпящая изгнание и испытания, открывающая в себе героическое начало; побеждающая; становящаяся эго – героиней; рождающая духовное дитя.

Мать - добрая, любящая, опекающая, оберегающая, наставляющая, помогающая душе ребенка пробудиться, отпускающая ребенка в самостоятельный путь, героически отказывающаяся от власти над ребенком, мужественно поддерживающая ребенка в тяжелых испытаниях, залечивающая его душевные раны.

Или – злая, опасная, ужасная, разрушающая то, что любит ребенок, порочащая и изгоняющая ребенка, посылающая его на смерть, присваивающая или отнимающая то, что даровано или достигнуто ребенком.

Тень - негативные аспекты женской души: злость, неукротимость, ненависть к себе, мстительность, душевный голод, притворство, тщеславие, терпимость к насилию, жажда власти, распущенность.

Или прекрасные аспекты женской души: провидение, ясновидение, прозрение истины, божественная любовь.

Женская индивидуация - утрата или отказ от родительской опеки; обращение к своей душе и ее потенциалам; мужество быть в одиночестве; обретение эго – сознания; учение у мудрых женщин; открытие своего источника психической энергии; пробуждение «священной чувственности» тела; освобождение от внутренних последствий неудачных решений и неправильных выборов; учение самому лучшему у мужского духа; нахождение своего способа творчества или рождение «духовного ребенка»; умение любить и наслаждаться любовью; терпение без отчаяния; запоминание и вспоминание всего прожитого; соединение в творчестве тела - души - любви - духовности.

Анимус - мужское начало в женской психике; Дух, Логос, Отец, Возлюбленный; проекция на реальных мужчин; сильный, идеальный мужчина в фантазиях и снах; компенсация ярко выраженной женственности; форма рациональной организации деятельности женщины в социуме, профессии, жизни; оформление спонтанного женского творчества и самовыражения по принципам сознательной жизни; воплощение замыслов и идей женщины, проводник ее творческой энергии; женская стойкость и мужество; сила активности и инициативы во внешнем мире; потенциал сознания, эго, рефлексии, самодостаточности; друг и помощник: знающий, дальновидный, предсказывающий, создающий законы, преследующий цели, оценивающий по канону справедливости, выбирающий наилучшие решения, наблюдающий, рассчитывающий, контролирующий, объединяющий душевные силы женщины.

В негативном аспекте: упрям, деспотичен, догматичен, спекулятивен, созерцателен, амбициозен, прямолинеен, самоуверен,; источник предвзятых

мнений, необдуманных суждений, банальностей, клише; спорщик, не признающий ничьей правоты, оперирующий нелогичными и неубедительными аргументами, категоричный, предпочитающий говорить о «должном», а не реальном; сила, заставляющая следовать непроверенным склонностям; вероломный, обманщик, лгун, предатель; хищник в душе женщины: грозящий опасностью и гибелью, обесценивающий ее творческие силы, порождающий сомнения, деструктивный и разрушительный, ведущий к одиночеству и забвению.

Анимус проявляет себя и осознается в реальных взаимоотношениях женщины с мужчинами, особенно, близкими. Общение устанавливает связи не только между женщиной – субъектом и мужчиной – субъектом, между женщиной – субъектом и ее Анимусом, между мужчиной – субъектом и его Анимой, но также между Анимусом женщины и Анимой мужчины. «Когда сходятся вместе Анима и Анимус, то Анимус вынимает из ножен меч силы, а Анима источает яд заблуждений и соблазнов. Исход далеко не всегда отрицателен, так как оба участника в этой ситуации способны влюбиться. При этом, они сохраняют иллюзию сознательного и индивидуального отношения друг к другу». (85 с.27)

В индивидуальной жизни архетипы, в качестве глубинных душевных потенциалов женщины, реализуются посредством образования сложной системы **психологических качеств**, зависящих от активного сознания и саморазвития личности, а также от степени социокультурной поддержки либо подавления тех или иных женских архетипов и женской активности. Действующий европейский канон «примата мужественности», допуская богатство психических свойств - универсалий и свободу самореализации «личности вообще», по традиции формирует запрос на психологические качества женщин, уступающие мужским качествам. По-прежнему налагаются объективные ограничения на индивидуальную актуализацию высших, лучших архетипов женственности. Традиционный континуум «вторичных», «дополнительных», «странных», «непостижимых» аспектов

психологии женщины продолжает служить распространенной моделью женской идентичности. (50; 70; 75; 88)

4. Психологическая идентичность.

Интуитивность: ощущаемая связь с коллективным и личным бессознательным; чувствительность к таинственным, загадочным сторонам жизни; понимание сути родового опыта и традиции; проницательность в общении; стремление к творчеству в отношениях с близкими людьми и в повседневной жизни; ожидание обновлений и изменений в будущем; необычные решения и выборы; чувствительность к назревающим противоречиям и конфликтам; доверие к субъективному пониманию и знанию.

Эмоциональность: внутренняя ранимость, уязвимость; погружение в интимную жизнь чувств, дифференцированность переживаний близости; прорывы аффектов в значимых ситуациях; высокая ценность любви; страх поражения или несостоятельности в любви; умение читать «язык чувств»; преобладание эмоционально - интуитивной оценки явлений в сравнении с логической оценкой; активное самовыражение в эмоциональной сфере.

Зависимость: переживание постоянной нужды в благополучии и безопасности детей, в мужской любви, заботе и защите, в покровительстве мужчин, обладающих властью, в продлении молодости; привязанность к родителям, детям, объектам влечений; подверженность влияниям коллективных мнений, внешних оценок, обычаев и предрассудков; привычное согласие с приоритетом мужчин; принятие позиции подчинения в семье и организации; зависимость от процессов и импульсов тела, от спонтанных побуждений и чувств.

Ориентация на взаимоотношения: сосредоточенность на субъект – субъектных, а не субъект – объектных связях; стремление разделить любовь с единственным мужчиной; направленность в общении на взаимную поддержку, взаимопомощь; склонность к компромиссам, избегание конфликтов, распределение обязанностей, совместный поиск возможностей в

общении; предпочтение контактности, интимности во взаимодействии с другими людьми; высокая оценка успеха в отношениях в сравнении с другими достижениями; вера в возможность взаимно развивающих отношений; склонность обучать, воспитывать, исцелять.

Эмпатия: чувствительность к состояниям других; сопереживание и сострадание; готовность разделить трудности других, оказать помощь в решении их проблем; эмоциональный резонанс; таинственная синхронность переживаний с близкими людьми; избегание деструктивного поведения в присутствии других людей; приветливость, дружелюбие, теплота.

Этика жизни: поиск любви, доброта, сердечность, заботливость, преданность, служение, миролюбие, терпимость, гостеприимство, уступчивость, стремление к согласию, преодоление агрессии, принятие ответственности, аккуратность, тщательность исполнения дел, искренность веры, защита ценностей, твердость, бесстрашие, достоинство матери и хранительницы семьи.

Динамичное мышление: направленность мысли на конкретные события, ситуации, явления, субъективные состояния и действия; ассоциативность мышления; активность образного мышления; реалистичное воображение; романтические фантазии; внимание к символам; ориентация на толкования и интерпретации; разнообразие понимания объекта; критичность мышления, основанная на интуиции скрытых возможностей; склонность к синтезу противоположностей и континуальному мышлению; сохранение интеллектуальных традиций; легкость вербального выражения мысли; осмысление текущей жизни; акцент на ближние цели, задачи, планы; оригинальность, нестандартность в решении встающих жизненных проблем.

Утонченность: хороший вкус, нежность, мягкость, чувствительность к красоте; поиск эстетических впечатлений; создание благотворной эстетической атмосферы; ценность своей привлекательности, изящества, очарования, грации, изысканности, прелести; искусство соблазна; эстетизация повседневной жизни; значимость красоты других людей;

высокая ценность моды; стремление найти и придать себе «идеальную форму».

Подвижность самоотношения; зависимость отношения к себе от текущего самопереживания, ситуативного самовосприятия и самоощущения; изменчивость и неопределенность рациональных знаний о «я»; рефлексия актуальной жизни и отношений; зависимость самооценки от оценок со стороны других людей; сосредоточенность на своих отношениях со значимыми людьми; относительная устойчивость «я» на основе глубинной интуиции; тонкая саморегуляция при решении конкретных жизненных проблем и задач деятельности; способность к самокоррекции и самопомощи; чувство внутренних потенциалов роста и развития.

Контуры фемининного психологического типа во многом обусловлены теми функциями, ролями, которые отведены и приписываются женщине в определенной социокультурной среде. Несмотря на то, что в обществах с европейским жизнеустройством фемининно – маскулинные роли все более сближаются, унифицируются, становятся «плавающими», размытыми и взаимозаменяемыми, на уровне психологических способов их осуществления сохраняются заметные гендерные дифференцировки, заставляющие исследователей по традиции разделять «женские» и «мужские» ролевые приоритеты. Встают сложные объективные и субъективные проблемы обновления гендерных ролей. Это насыщение мужского функционирования психологически эффективными «женскими» приемами и средствами; интеграция в контексте гендерных ролей мужского и женского подходов к деятельности; выявление новых фемининных ролей, порожденных расширением сфер самоактуализации и творчества женщин; культурное обогащения ролей женщины – матери, женщины - центра семьи, женщины – творца любви, женщины – профессионала и деятеля.

Развитие и интеграция гендерных ролей, прежде всего в их операционально-исполнительном и продуктивном аспектах, а также усиление индивидуальных позиций в ролевой активности, должны стать

ведущими факторами изменения качеств личностей, включенных в фемининные или маскулинные ролевые структуры. Здесь большое значение имеют следующие психологические стратегии. Во-первых, согласование множества известных путей ролевой идентификации мужчин и женщин: имитации, игрового овладения, прямого обучения, познания, присвоения, субъективного принятия, индивидуальной реализации. Во-вторых, создание условий для освоения индивидами всех структурных составляющих гендерных ролей: мотивационно-аффективных, когнитивных, поведенческих, результативных, смысловых, нормативных, статусных и творческих. В-третьих, ориентирование идентификационных процессов на образование прочных внутриличностных связей «я - гендерная роль». В-четвертых, развитие взглядов на приобретение ролевой идентичности как возможность для личности раскрыть не столько потенциал своего гендерного типа, сколько потенциал своей индивидуальности.

В настоящее время по отношению к женской ролевой идентичности в науке продолжают существовать и канонические, и новые определения. Приведем наиболее распространенные из них. (5)

5. Функционально - ролевая идентичность.

Женщина: дочь, сестра, избранница мужчины, жена, мать, воспитательница детей, хранитель семьи, душа дома, работница, исполнитель мужской воли, помощница мужчины, пособница смягчения нравов, ослабления агрессии, укрепления родовых связей.

Женщина: носитель красоты, источник соблазна, объект желания, предмет любви, произведение искусства, двигатель моды, объект эстетического созерцания, роскошь в мужской жизни, вдохновительница мужского творчества,

Женщина в семье: осуществляет сбережение супружеской любви, рождение детей и уход за ними, заботу о здоровье, комфорте, удобствах членов семьи, поддержание материнского авторитета, помощь дочерям в освоении фемининных ролей, создание положительных эмоционально –

этических взаимоотношений в семье, сохранение и развитие своей женственности, координацию интересов и действий членов семьи, формирование высокой ценности семьи в системе предпочтений мужа, создание привлекательного образа семьи в окружении, формирование стиля жизни и имиджа мужа во внешней среде, поддержку мужа в его профессиональном росте и карьерных устремлениях.

Женщина в организации: осуществляет постановку и решение тактических задач; точную исполнительскую деятельность; помощь сотрудникам в адаптации; регуляцию межличностных отношений; предупреждение конфликтов; поиск согласия; выявление скрытых противоречий и участие в их позитивном разрешении; неформальное лидерство; «внутреннюю» власть; создание имиджа организации; заботу о стабильности организации; опережающее кризисное реагирование, инициативу в разрешении коллизий; свободное принятие и освоение «мужских» функций и ролей.

Женщина ближней перспективы: инициатор инновационных процессов; руководитель бизнес - структур нового типа; лидер – профессионал; проводник креативных идей; потребитель рынка суперсовременных товаров и услуг; разработчик вариативных интеллектуальных моделей; создатель делового стиля, основанного на артистизме, эстетике и искусности исполнения; «агент» взаимоотношений, стимулирующих самореализацию и самоэффективность участников; «звезда», соединяющая блеск уникальности таланта, красоту, женственность и силу мастерства.

Далее симметрично, по бинарному принципу, рассмотрим модель типизации и социокультурной идентичности мужчины или **маскулинный тип личности**. Здесь вряд ли нужны развернутые текстовые обоснования и иллюстрации, подтверждающие европейское поклонение мужским свойствам, со времен античности избранным в качестве идеала, канона, образца человека – в – мире, человека – в – обществе и человека – в – культуре.

1. Символическая идентичность.

Мужчина – имеющий сродство с небом, солнцем, огнем, днем, воздухом, светом, жизнью, здоровьем, активностью, сознанием, порядком, развитием, духом, властью, творчеством, дворцом, храмом, вершиной, вертикалью, твердостью, оружием и т. д. Символическим синтезом неизмеримого количества сродных признаков «мужского» мира является универсальное «Янь».

Персонифицированная символика «мужского» представлена рядом фигур, типичных для европейской мифологии и религии. (25; 86; 87; 88)

Мужчина:

- единое первоначало, породившее противоположность мужского и женского: Юпитер, Бог Отец;
- воплощение мощи универсума, средоточие всех человеческих потенциалов: Адам;
- универсальный человек, духовная сила, верховное сознание, объединение людей; достижения, осуществление желаний, единение с прекрасной женщиной: Король;
- неистощимая жизненная энергия, героизм, рыцарство, справедливая власть, величие, победа над собой, самоконтроль, выдающиеся свершения, создание законов, осуществление идеалов и надежд множества людей: Великий монарх;
- огромное дикое существо; человек, принесенный в жертву для дальнейшего творения; покровитель общности; трагический герой, сокрушенный враждебными силами; дух, сопротивляющийся инстинктам; пробуждающееся личное начало: Гигант, Богатырь;
- свобода и раскованность желаний; душевный подъем, вдохновение; раскрепощение скрытых сил; забвение себя; влечение к смерти, к самоуничтожению; Дионис;
- разум, интеллект, познание, самопознание, воля, гармония, преодоление страсти, человеческий идеал: Аполлон;

- духовная интуиция; мастерство и искусность; контроль над внешним миром; обучение и воспитание людей; защита идеала; самодостаточность; служение и жертвенность; нравственная победа: Рыцарь;

- любовное влечение; поклонение красоте; требование любви, вознаграждение любви; испытание любовью; бессмертная любовь, внутреннее воссоединение с женщиной: Эрот.

- древние, бессознательные, демонические силы; склонность к розыгрышам, коварным шуткам, изменениям облика, превращениям, «дурацким» выходкам; подверженность наказаниям и мучениям: Меркурий, шут, простак;

- единое с женщиной, преодоление противоположности полов в человеке: Андрогин.

2. Метафизическая идентичность.

Здесь мужское начало человека обычно берется в общих определениях, указывающих на абсолютные ипостаси «мужчины», преобладающие над «женским». (12; 14; 57)

Мужское: божественное, высшее, антропологическое, торжество духовного принципа, примат сущности над существованием, познание, творчество, индивидуальность, индивидуальное сознание, личное начало в обществе, прогресс, развитие, цивилизация, власть, отрицание бессознательного, трансцендентное «Я», абстрактно - логическое мышление, деятельность, свобода воли, мораль, норма, закон, субъект, исследование мира, обновление, глубина, гениальность, великолепная энергия, духовная любовь, понимание и почитание женственности, поиск красоты в мире женщины, поддержка женщины в познании, руководство деятельностью женщины, противостояние стихии женского, подавление женской иррациональности, страх перед тайной женского, сознание своей созидательной и устроительной миссии в мире, порождение глобальных учений и мировоззренческих систем, видение мира в противоположностях и противоречиях, борьба, конкуренция, преодоление, успех как ведущие

способы бытия, целенаправленность, прагматизм, сдерживание и мощные прорывы аффекта, сосредоточенность на «идеях» и «действиях», а не на «отношениях», историческая память, рефлексия, ориентация на будущее..

3. Архетипическая идентичность.

К ее критериям и соответствующим маскулинным основаниям типизации личности относятся следующие мужские элементы и потенциалы человеческой психики.

Герой - самость; жизненный порыв, пробуждение сознания, становление эго, необходимость самореализации; индивидуализация и развитие личности; соединение в себе «отцовской» и «материнской» сторон; отказ от родительских и коллективных аспектов души в пользу надличных, высших аспектов; преодоление власти архаичного, бессознательного; трудность пути, начатого с чудесного рождения; покинутость и гонения; ощущение себя как «иного» среди людей; приобретение независимости, вопреки внешним препятствиям; овладение способностями своего тела; скитания и отшельничество; открытие сознанием «сокровища» бессознательного как источника творчества; уязвимость; конфликтность и трагичность жизни; умножение культурных достижений людей; статус «культурного героя»; обретение «отцовской» позиции; уникальность творений и деяний; три вектора становления: лидером, основателем и открывателем новых ценностей; спасителем; эго, познающим себя и проникающим в глубину самости.

Отец - всеобъемлющий образ Бога, общество, Отечество, государство, разум, интеллект, знание, традиция, идеал мужчины, образец мужественности, мужские сообщества, авторитет, духовный и практический деятель, вождь, законодатель, учитель, мастер, хранитель тайн, долг, ответственность, терпение, преданность, самопричинность и самодвижение, влияние, убеждение, запрещения, твердость взглядов; скрытая мощь, война, охота, разведка, путешествия, профессия, политика, богатство, производство, реформы.

В негативном аспекте - склонность к догмам, жесткость требований, неотвратимость наказания, консерватизм, сухость.

Старец - дух, логос; вдохновляющая, активная сущность, динамический принцип; оживляющая и одухотворяющая сила; творчество лучших идей и прекрасных образов; внутренняя деятельность; мудрость; духовное усилие; пронизательность; духовное превосходство и покровительство; глубокие размышления; прозрения и пророчества; религия, нравственность, рефлексия, философия, искусство, волшебство, магия, мистика; целитель, священник, ученый, профессор, художник; интуитивные решения сложных задач; духовная концентрация; высокая интеллектуальная выносливость; зрелая самость; высшая личность;

В негативном аспекте - противоречивость; двойственность поступков; надменность, злое могущество; духовное поражение.

Тень - низшая личность; «черный человек»; иррациональность; склонность к насмешкам и издевательствам; несознаваемые, разрушительные желания; спонтанные негативные чувства; предрассудки; примитивизм; грубость; жестокость; непристойность; насилие; одержимость; фанатизм; упрямство; зависимость; отрицание и осмеяние традиций; неумное властолюбие; загадочное внутреннее противодействие своей воле и сознательным намерениям

Мужская индивидуация - самосознание и образование активного эго; освобождение от материнского влияния, преодоление притяжения матери; познание традиций и уклада жизни своего общества; знакомство с отцовскими занятиями и мужскими ролями; обретение духовного учителя; постановка цели изменить традицию, смена исторической установки установкой на создание будущего; неистощимая инициатива; выход в мир в качестве мыслителя и деятеля; восстание против сыновнего положения, освобождение от отцовской власти; нахождение близкого мужского круга, дружеского и партнерского сообщества; сбор современных ценных знаний; вступление на путь поиска неизвестного; выращивание своего дара, таланта;

задача стать индивидуальностью; захваченность загадками совершенства, вечности, бессмертия; испытания, искушения, странствия; победа над соблазном и безумием бессознательной жизни; разгадывание тайн «женского», любовь к женской природе, несмотря на разочарования; обретение духовной близости с матерью; открытие смысла самопознания и состояния одиночества; исполнение своих новаторских дел в мире и новый уровень осознания своей глубины.

Анима - женское начало в психике мужчины; Душа, Мать, Дева; проекция на реальных женщин; образ наиболее желанной женщины; образы сновидений и фантазий: царственная женщина, святая, призрак женщины, волшебница, фея, эльф, летающее или змееподобное существо, соблазнительница, падшая; компенсация ярко выраженной маскулинности; чувство сопричастности прошлым поколениям, любовь к истории, интерес к генеалогии, приверженность идее реинкарнации, мистицизм, интуиция судьбы; тоска по вечной, идеальной женственности; тяга к близким, интимным отношениям; вкус, чувствительность к красоте; любовь к женской моде; приверженность гламурному стилю.

В негативном аспекте: повышенная эмоциональность, повторяющиеся аффекты; сентиментальность, спонтанное чувство тревоги и неуверенности; тайная склонность к самоубийству; фанатичная вера; влечение к эффектности, экзальтации; сильная властность; изменчивость, капризность поведения; желание очаровывать и соблазнять. (84; 87; 88)

Согласно Юнгу, доминирующий мужской тип европейской культуры в качестве оппозиции имеет сильное «женское бессознательное», от которого культурное сознание не только не отворачивается, но имеет с ним тесный контакт. «Мы все еще пребываем во владении духов наших предков, для нас все исторически опосредовано. Мы настолько охвачены исторической обусловленностью, что для того, чтобы, например, политически вести себя не так, как пятьсот лет назад, нужна грандиозная социальная катастрофа». (88; с. 156) Вместе с тем, отказ от зова Анимы означал бы в «мужской культуре»

лишенность корней, которую не может заменить никакой энтузиазм и новаторство.

4. Психологическая идентичность.

В процессах сознательной индивидуальной реализации маскулинных архетипов формируются личностные инварианты мужчин, традиционно называемые «мужской психологией».

Рациональность: преобладающая ориентация на точные данные сознания; высокая ценность интеллекта, научного познания, образования, просвещения; сильные феноменологическая и рефлексивная установки; вера в умственный прогресс; акцент на развитие логического мышления; исследовательская активность; сознательная регуляция жизнедеятельности; планирование, расчеты, контроль в поведении и действиях; склонность к достижению завершенности и эффективности деятельности; сосредоточение на «я» и направленное саморазвитие; постановка и решение проблем; борьба за интеллектуальный приоритет; постановка побед разума выше других человеческих ценностей.

Доминантность: физическая и психическая сила, напряжение, выносливость; стремление к преодолению и достижениям; самоутверждение; ценность статуса лидера, организатора, руководителя; борьба за власть; превосходство, подчинение себе других; самореализация и самоактуализация; гордость, достоинство, самолюбие; нетерпимость к поражениям; тяга к известности; стремление оказывать влияние; ценность высоких успехов в профессии и карьере.

Агрессивность: готовность к сопротивлению, схватке, завоеваниям, конфликтам; оказание нажима, подавление; возможность деструктивного, разрушительного поведения; поиск риска, экстрима, способов опасной самопроверки; тенденция к аутоагрессии; жесткость в конкурентных отношениях; стремление к преобладанию и наступательность в интеллектуальной, социальной, профессиональной и финансовой сферах;

тяга к достижениям в играх, соревнованиях, состязаниях; увлечение охотой, различными формами спортивной борьбы.

Автономность: уверенность в себе; самостоятельность мышления, деятельности, жизненной позиции; личная ответственность за принятые решения, сделанные выборы, использованные средства, последствия и результаты действий; самодостаточность; сила сознания и «я»; позиция мастера, профессионала, творца; независимая позиция в коллективе; инициативность, готовность взяться за новое дело, самоэффективность; поиск своего уникального, достойного места в обществе; выбор круга общения, или сообщества, или клуба, или объединения, где взаимодействуют сильные, суверенные личности.

Дистанцирование: уход от контактных, интимных взаимоотношений; множественность «связей» вместо близости с одной женщиной; предпочтение формальных, деловых отношений с другими; избегание эмоционального обмена, теплоты сопереживания; прямолинейность и упрощенность форм общения; тенденция к эгоцентризму в отношениях; прямолинейность и жесткость в межличностных коллизиях; недоверие к чувствам; уклонение от демонстрации переживаний и их обсуждения с другими людьми; выбор интернет – общения как «идеального».

Глобальный интеллект: направленность на познание и овладение внешним миром; упорядочивание реальности; деятельность с абстрактными объектами; работа с общими идеями, тяга к раскрытию великих тайн и разрешению больших проблем мира; опора на универсальные принципы, идеалы, общественную мораль, закон, стандарт «всеобщей справедливости»; дальнейшее прогнозирование и создание долгосрочных стратегий работы и жизни; развитие понятийно - логического мышления; создание крупных систем знания, глобальных информационных систем; выбор деятельности, предполагающей точные измерения, расчеты, разработку общих теорий, крупные открытия, проведение общественных реформ;; склонность к философии, математике, фундаментальным наукам; готовность к

интеллектуальным прорывам; интеллектуальная инициатива; устойчивость интеллектуальных построений как надежных руководств к действию; лаконизм, простота, схематизм имиджа и форм самовыражения.

Рефлексивность: сознательность, рациональность самоотношения; рефлексия мышления, желаний, намерений и поступков; построение строгой концепции «я»; организация времени и пространства своей жизни; целостность интеллектуального образа жизненного пути; владение приемами самопознания; независимость самооценки; стремление к объективности знаний о «я»; поддержание позитивного образа «я»; ориентация на идеальное «я»; создание программ физического и духовного самосовершенствования; детальная ретроспектива жизни; осознание возможностей своего будущего.

Дихотомия «мужских» и «женских» психологических качеств, если речь идет о реальных личностях в отношениях к современному миру и социуму, не является такой жесткой, как это представлено в нашей гендерной модели. На самом деле, полюса мужского и женского в личности заключают между собой множество переходных и промежуточных форм. Например, мужчина может обладать средней степенью автономии, являясь носителем ряда признаков зависимости, или может часто проявлять эмпатию, наряду с присущими ему чертами дистанцированности. Однако, скорее всего, это будут специфически мужские формы зависимости и эмпатии. То же можно сказать и о женских вариантах развития и проявления мужских психологических качеств.

5. Функционально – ролевая идентичность.

Мужчина: сын, муж, отец, защитник, покровитель, хранитель рационального знания, учитель, творец, создатель богатств, реформатор, профессионал, организатор, субъект власти и влияний, стратег, духовный деятель, изобретатель, носитель тайн, законодатель, идеолог.

Мужчина в семье: глава, авторитет, лидер в кругу близких; осуществляет поддержание благополучия, здоровья семьи и ее достойного положения в общественной иерархии, финансовое обеспечение семьи, инициативу в

воспитании детей, помощь сыновьям в освоении маскулинных ролей и развитии мужских качеств, защиту семьи в опасных и кризисных ситуациях, поддержку женщины в ее развитии, личностном росте и сохранении женственности, определение стратегии и создание возможностей для обучения и карьерного роста детей, укрепление авторитета семьи и рода посредством своих профессиональных и общественных достижений.

Мужчина в организации: руководитель, управленец, босс; автор инноваций и нововведений; компетентное лицо, транслирующее опыт; разработчик идеологии и стратегии развития организации; ответственный исполнитель; глава больших проектов; осуществляет защиту интересов организации и выявление ее ресурсов, представительские функции в структуре, установление и укрепление внешних связей структуры, принятие ответственности за риски, позитивное, новаторское разрешение организационных конфликтов, поддержание конкурентоспособности организации, обеспечение финансирования инновационных программ; субъект традиционно мужских профессионально - общественных ролей: глава государства, глава и член парламента, глава церкви, президент крупной кампании, лидер политической партии, глава секретных служб, выдающийся деятель искусства, ученый в сфере фундаментальной науки.

В отношении глобальных функционально - ролевых перспектив «мужского» не существует однозначных оценок. Чаще его место в мире и свершения рассматриваются ретроспективно, в противовес растущему влиянию «женского». Действительно, в течение тысячелетий европейского человека олицетворял, как правило, мужчина с его «отношением к Богу», «исключительным положением в космосе». «восхождением в познании», «личным достоинством», «покорением природы», «революционными преобразованиями общественного устройства» и т. д. Правда, в этом ряду свершений давно появились и следы **мужского кризиса** культуры, выражающиеся в осознании «одионочества «я», «заброшенности человека в мир», «бессмысленности индивидуального существования», «недоступности

мира для человеческого познания», «непреодолимости смерти для индивида», «беспомощности человека перед непроницаемостью Космоса».

(66)

Мы разделяем взгляды тех исследователей, которые считают, что будущее «мужского» будет состоять в свободном и гибком разделении его традиционных социокультурных функций с «женским», а также в принятии и поддержке фемининного лидерства при решении новых глобальных задач, вставших перед Культурой.

Модель психофункциональной типизации личности

Одним из лучших культурно – психологических интегралов личности является, несомненно, психологическая типология К. Г. Юнга. Рассмотрев ее с точки зрения методологии и искусной техники типизации, применимых при построении новых типологий, обратимся к детальной характеристике типов, «сгущая» наиболее существенные содержания.

Здесь необходимо по возможности точно придерживаться авторских описаний каждого типа, так как любая психологическая характеристика, намеченная Юнгом, может стать **основанием** для тонкой типологической идентификации конкретной личности. Напомним, что в качестве **ведущих** оснований типизации, Юнгом выделены психические функции и установки: сознательная / бессознательная, экстравертная / интровертная, рациональная / иррациональная, сенсорная / интуитивная, мыслительная / эмоциональная. В качестве **дополнительных** оснований, в типологии проступают половая доминанта носителя типа и его ориентация на определенную культурную деятельность. Важным **имплицитным** основанием типизации можно считать потенциальные конфликты каждого из восьми типов.

В изложении Юнга (89), людей, во-первых, различает сравнительная выраженность сознательной и бессознательной активности. Влияния сознания и бессознательного на индивидуальную жизнь задаются соответствующими внутренними «установками» как готовностью психики в каждый момент реагировать определенным образом: соотнося или не

соотнося происходящее с «я». Выраженная сознательная установка предполагает дифференцированность, конструктивность и современный социокультурный уровень психических функций. Активная бессознательная установка, напротив, придает функциям редуцированный, примитивный, инфантильный характер. Если сознательная установка по отношению к чему – либо является позитивной, то бессознательная установка по отношению к этому является обесценивающей или негативной.

Во-вторых, для разных типов людей характерно преобладание психической установки либо на внешний объект, либо на самого субъекта как внутренний объект. Источником установок может быть и сознание, и бессознательное. Чаще всего действуют две одновременно существующих установки: одна исходящая из сознания, другая - из бессознательного. Установки создаются на основе предрасположения и общего жизненного опыта человека. Типы личности, найденные на основании объект - субъектной направленности, называются «экстравертом» и «интровертом». У первого типа основные сознательные процессы и деятельность исходят от внешних объектов и направлены на них, а у интроверта доминирующим источником и направлением психической активности является субъект.

В случае ярко выраженных типов можно говорить, что у экстраверта объект обладает наибольшей притягательной силой. Вся жизнь экстраверта так обусловлена объективным содержанием, будто объект полностью подчиняет себе субъекта и часто даже подавляет все субъективно направленные психические процессы. У интроверта, наоборот, субъект остается центром всей внешней и внутренней активности. Основная психическая энергия направляется в сторону субъекта и всегда препятствует возникновению сильного объективного влияния. У интроверта субъективно обусловленные психические процессы всегда стоят над объектом, имеющим второстепенное значение как всего лишь внешнее воплощение субъективной мысли, чувства, интуиции.

Обе ориентации являются двумя необходимыми тенденциями психики. Однако в психической активности экстраверта условно преобладают «центробежные» тенденции, а у интроверта - «центростремительные». Нормальному течению жизненного процесса соответствует ритмическая смена обеих форм, но это встречается нечасто. Чаще сильно влияющие внешние условия жизни и сложно устроенный внутренний мир человека благоприятствуют преобладанию одной тенденции над другой. И в таком случае можно говорить о более или менее чистом типе. Но при этом абсолютно чистых типов не бывает, так как одна тенденция никогда не может полностью подавить другую. Существуют лишь бесчисленные степени преобладания одной направленности над другой.

В-третьих, многообразие реальных различий, существующих между представителями каждого из указанных типов, обусловлено доминированием в потоке жизненной активности одной из психических функций: мышления, чувства, ощущения или интуиции. При преобладании одной функции над другими формируется соответствующий функциональный тип. Каждый из этих типов может быть интровертным или экстравертным.

Доминирующая функция является наиболее сознательной и зрелой. Три другие функции выступают в той или иной степени бессознательными, слабо дифференцированными. Наименее дифференцированная функция (оппозиция доминирующей) обычно является слитой с одной или несколькими другими функциями. Недифференцированное мышление, к примеру, не может быть самостоятельным, то есть к нему всегда примешиваются ощущение, чувство или интуиция. Подобные функции называются еще «архаическими» и обладают двойственным характером: каждая несет в себе свое отрицание, отчего возникают специфические задержки при ее реализации. Иногда доминирующая функция становится частично неосознанной, что придает ей или развивающую, или негативную динамику.

Дифференциация заключается в относительном обособлении определенной функции от других; позволяющем ей развиваться, действовать в одном

направлении. Для этого необходима постоянная связь этой функции с «я» или «эго», иначе, сознательность функции. Отношение бессознательных и сознательных функций может быть сбалансированным, компенсаторным, конфликтным. Чем более односторонней является функциональная установка сознания, тем выше вероятность острого противоречия основной функции с недифференцированными. Бессознательное всегда как бы стремится сделать сознательную установку более гибкой, однако часто, вместо равновесия, возникает конфликт.

Но именно на основе заложенных в типе специфических противоречий сознательных и бессознательных, экстравертно и интровертно направленных функций, личность приобретает источники развития, жизненность и динамизм. От противоречий и способов их разрешения зависят устойчивость, усовершенствование, изменение или редукция каждого типа.

Какие конкретные качественные характеристики личности взаимодействуют и соединяются в типы?

Экстравертный мыслительный тип.

Его мышление преимущественно «питается» объективными данными; суждения основываются на приходящих извне фактах или идеях. Подобное мышление не обязательно эмпирично, оно может быть и чисто идейным, если эти идеи переданы воспитанием и образованием. Объективные данные - не только источники для мышления экстраверта; оно обращается к ним и в своем дальнейшем развитии как целям и ориентирам. Носителями подобного типа являются бизнесмен, политический деятель, изобретатель, ученый. Однако и философ может быть экстравертным мыслителем. Их объединяет то, что мыслительный процесс устремляется у них к объективно значимым ценностям

Иногда подобное мышление производит впечатление некоторой несвободы, так как легче всего функционирует в рамках общепринятых идей. Зачастую оно не открывает ничего, что не было бы очевидно. Зато подобному мышлению представлено все многообразие и богатство фактов,

пусть далеко не всегда организованное в стройную логическую систему. Иногда компенсацией строгого логического структурирования является неосознанное стремление свести все наблюдаемое к простой общей идее.

Экстравертный мыслитель стремится поставить всю свою деятельность в зависимость от интеллектуальных выводов; его мыслительной формуле должен подчиняться не только он сам, но и весь окружающий мир. Если формула является достаточно гибкой, отличается не только сухим интеллектуализмом, но и включает в себя моменты, зависящие от чувства и интуиции, то представитель типа может выступить в качестве реформатора, новатора.

Сильное доминирование мысли у данного типа может смягчаться зрелым чувством. Никакие логические выводы не могут надлежащим образом определить и выразить для личности полноту жизни. Однако именно чувство и зависящие от него жизненные формы: художественное понимание, религиозный опыт и т. д. - подвергаются вытеснению при неблагоприятном развитии типа. Часто они принимают полностью бессознательный характер и проявляются в виде нарушений сознательных психических процессов и деятельности. Бессознательно развивающееся чувство вступает в конфликт с сознательной мыслительной установкой. И поскольку мышление объективно ориентировано и пренебрегает субъективными содержаниями, то чувства приобретают выраженный эгоцентрический характер. Их влияние может выразиться, например, следующим образом: сознательный осмысленный альтруизм смешивается со скрытым от индивида себялюбием, заметным, однако, для других в любом его действии.

Иногда сознательная установка принимает критические формы, что ведет к полному пренебрежению такими субъективными интересами, как здоровье, общественное положение, сама жизнь. Чувства вытесняются все сильнее, и их влияние на субъекта становится все более негативным. Появляется нетерпимость ко всему, что противоречит интеллектуальной точке зрения. Интеллектуальная формула в своей безусловности занимает место истины и

религии в системе жизненных ценностей индивида. Обороняясь от сомнений, исходящих от бессознательного чувства, сознательная установка становится фанатичной, сверхкомпенсированной. Чувства, в свою очередь, приобретают архаичный, иррациональный характер, и их внешние проявления кажутся все более загадочными, парадоксальными в сравнении с сознательными реакциями. Возможно проецирование этих чувств на близких людей. Иногда скрытая эмоциональность приводит к жизненной катастрофе, так как сопротивляться бессознательным чувствам для личности тем труднее, чем догматичнее сознательная установка мышления.

Однако когда экстравертное мышление отказывается от своего доминирования в сознании и следует за жизнью, обогащаясь тонкими ощущениями, субъективными представлениями и переживаниями, оно становится продуктивным, Сила такого мышления - в его конструктивности, реалистичности, порождении синтетических понятий и суждения. Если оно приобретает прочную связь с осознанным позитивным чувством и интуицией, оно становится творческим.

Возможна эволюция типа, при которой мышление допускает в сознание другую активную функцию, например, чувство, но с другой стороны, не подчиняется ей. Оно расщепляется и начинает действовать в двух планах: привычно следует за фактами, ограничиваясь их констатацией, а также отступает на задние планы сознания и выражается в негативизме отношений к вещам и явлениям. Суждения становятся эмоциональными, субъективными, низводятся к каким-нибудь банальностям, лишаются собственного значения. Символом такого расщепленного мышления является Мефистофель у Гете.

Этот тип встречается преимущественно у мужчин. Женский вариант типа характеризуется сильным влиянием интуиции.

По косвенным замечаниям Юнга можно выделить следующие противоречия экстравертного мыслителя:

- 1) сознательное объективное мышление конфликтует со слабо осознанной субъективной мыслью;
- 2) сознательное объективное мышление конфликтует с бессознательным, субъективным чувством;
- 3) сознательное объективное мышление конфликтует со слабо дифференцированным субъективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное объективное мышление конфликтует с осознанным субъективным чувством.

Экстравертный чувствующий тип.

Он также ориентируется по объективным данным. Его наиболее дифференцированной, представленной в сознании функцией, является чувство, подчиненное объективным ценностям. Оно стремится к тому, чтобы максимально уйти от влияния субъекта. Даже при относительной независимости от конкретного объекта, чувство имеет тенденцию соответствовать традиционным, общепринятым оценкам и мнениям. Любая новая мысль, даже если она логически верна, отвергается, когда противоречит чувству. «Как я могу думать об этом, если я этого не чувствую» - такова формула этого типа. Иногда переживание выглядит чересчур преувеличенным, но это не симуляция чувства, всегда являющегося подлинным и искренним. Объективно обусловленному чувству человечество и культура обязаны существованием мод, многих форм искусства, распространением отношений сочувствия, сопричастности, сопереживания, эмоционального заражения.

У данного типа основной функцией, оппозиционной чувству, является мышление. Бессознательное мышление либо компенсирует, либо негативно влияет, либо пытается подавить чувство. Но в случае утверждения в сознании мысли, не противоречащей чувству, переживания могут обогатиться, перерасти в сложное отношение к объекту.

Однако более характерным для данного типа является экспансия чувства по отношению к мысли. Любая направленность осознанного субъективного

мышления, противоречащая объективно обусловленному чувству, по возможности нивелируется. Когда объект приобретает слишком высокую значимость и преувеличенное влияние, то он ассимилирует субъекта, критика мышления отменяется, утрачивается личный и рефлексивный характер чувствования. На передний план выступает сам процесс переживания, субъект как бы растворяется в эмоции каждого текущего момента. Ситуации перестают интегрироваться зрелым осознанным чувством; переживания утрачивают связь с «эго», становятся капризны, изменчивы. Личность диссоциируется в аффективном жизненном процессе.

Подавленное мышление на бессознательном уровне формирует ряд архаичных или инфантильных суждений, подрывающих ценность объекта чувства; переживание начинает защищаться от обесценивающей негативной мысли. Оно приобретает сверхкомпенсированный характер, что проявляется в преувеличенном проявлении чувств к объекту, который одновременно становится тайной мишенью субъективного мышления. Самые дурные бессознательные мысли прикрепляются к тем объектам, которые чувство особенно ценит. Если критика мышления слишком активна, субъект может частично отождествлять себя с ним, и негативная мысль становится осознанной, субъективно отравляя чувство. Переживание объекта разделяется на осознанное и слабо осознанное, на объективное и субъективное, на принимающее и отвергающее. Подобная раздвоенность личности в эмоциональном отношении к объекту вызывает серьезные внутренние конфликты, которые могут проявиться самым катастрофическим образом.

У данного типа, как и у мыслящего экстраверта, на бессознательном уровне примешиваются недифференцированные ощущения и интуиции. Примитивные ощущения проявляются в форме навязчивых влечений личности к сенсорным впечатлениям, например, к телесным удовольствиям. К этому присоединяются и примитивные интуиции, которые могут отравлять позитивные отношения субъекта к объекту. Внешним объектам

присваиваются причудливые негативные характеристики, ничуть не обусловленные чувством или логикой. Они возникают в форме как бы изначально данных. Проявляются эти недифференцированные функции в форме внезапных нарушений деятельности сознания. При этом ощущение или интуиция в жизненном развитии этих типов могут становиться дифференцированными функциями, придающими мышлению и чувству утонченный, возможно, этически и эстетически ценный характер.

Экстравертный чувствующий тип встречается, в основном, среди женщин. Мужчинам он обычно присущ при заметном влиянии на чувство сознательной мысли.

Данному типу релевантны следующие противоречия:

- 1) сознательное объективное чувство конфликтует со слабо осознанным субъективным чувством;
- 2) сознательное объективное чувство конфликтует с бессознательным, субъективным мышлением;
- 3) сознательное объективное чувство конфликтует со слабо дифференцированным субъективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное объективное чувство конфликтует с осознанным субъективным мышлением.

Экстравертный ощущающий тип.

Нет другого человеческого типа, который сравнился бы с ним в реализме, чувстве факта и способности накапливать наблюдения. В его связи с жизнью субъективная сторона ощущения вытеснена из сознания. Он желает только действительных, конкретных впечатлений, которые и составляют суть его жизни. Те объекты, которые вызывают наиболее сильные ощущения, являются решающими для психического состояния индивида. Критерием ценности внешнего окружения является сила чувственного удовольствия, наслаждения или неудовольствия, которые оно вызывает.носителем типа является, как правило, мужчина. Дифференцированность ощущений может быть возвышена у него до эстетической чистоты, что позволяет ему быть

человеком, полезным и эффективным в мире художественной культуры и в профессиях, требующих тонкости ощущений. Но иногда сенсорная утонченность, напротив, низводится до сластолюбия, безжалостно «выжимающего» объект, которому отказывается в самостоятельном существовании.

Для этого типа нет ничего выше внешней действительности, и все ощущения, приходящие изнутри, кажутся ему неверными, болезненными, призрачными. В его психике наибольшему вытеснению из сознания подвергается интуиция. При явном преобладании ощущения субъект полностью растворяется в собственной чувственности; объект становится исключительно необходимым, но, одновременно, сильно обесценивается установкой бессознательной интуиции. Она проявляется в форме проекций на объект, у субъекта возникают самые необычные предчувствия и фантазии. В более тяжелых случаях развиваются разного рода фобии, подозрительность, ревность, нередко имеющие ирреальный характер и архаичную, суеверную направленность.

Слабо осознанные или бессознательные чувство и мышление могут деградировать у этого типа до примитивного уровня, становиться некритичными и неразборчивыми. Попадая под власть внешних свойств объекта, личность иногда старается преодолеть свою зависимость и начинает осознавать интуитивные внутренние сомнения. Однако, в основном, этот тип беззащитен перед своими конфликтами, так как не защищен ни сознательной логикой, ни рефлексией, ни истинным чувством, ни осознанным самоощущением.

Данный тип может испытывать следующие противоречия:

- 1) сознательное объективное ощущение конфликтует со слабо осознанным субъективным ощущением;
- 2) сознательное объективное ощущение конфликтует с бессознательной, субъективной интуицией;

3) сознательное объективное ощущение конфликтует со слабо дифференцированным субъективным чувством или мышлением;

4) сознательное объективное ощущение конфликтует с сознательной субъективной интуицией.

Экстравертный интуитивный тип.

У данного типа доминирующей функцией является интуиция, всецело обращенная на внешние объекты. В сознании интуитивная функция представлена в виде некой выжидательной установки. Основное назначение интуиции заключается в передаче образов и представлений о внешних объектах и их взаимодействии, которые посредством иных функций трудно достижимы. При этом интуиция стремится охватить наибольшую полноту возможностей развития объективных событий и постоянно их ищет. Интуитивный человек никогда не находится в границах общепризнанных представлений о реальных ценностях. Он интенсивно борется за новые ценности и объекты, осваивает профессии, требующие поиска неизведанных путей. К этому типу принадлежат многие биржевые дельцы, успешные бизнесмены, продюсеры, ученые – новаторы. В еще большей степени, чем мужчинам, данный тип свойственен женщинам. Интуитивные женщины играют наиважнейшую роль в организации социальной жизни, налаживании общественных связей, привлечении одаренных мужчин к большому делу. Их особенность – в частых переходах от одной перспективной деятельности, к другой.

Пока объект представляет интерес в связи с нахождением новой возможности, интуитивная личность присваивает ему очень высокую ценность. Но как только объект выполняет свою функцию, он буквально отбрасывается. У такого типа очень хорошее чутье ко всему, что имеет будущее. Но в рамках данной, конкретной ситуации ему тесно, так как она обусловлена уже совершившимся или совершающимся, в то время, как его сознательная интуиция имеет перспективную направленность.. Подобные

личности играют в обществе и культуре большую роль, так как во многом именно они влияют на их преобразования.

Основной функцией, вытесненной в бессознательное, у них является субъективное ощущение. При сильном доминировании интуиции, человек начинает испытывать серьезные трудности с объективным существованием. Во-первых, он не способен «зацепиться» ни за одну жизненную ситуацию; его жизнь превращается в один сплошной порыв в неясное будущее. Во-вторых, бессознательные ощущения начинают конфликтовать с сознательной интуитивной установкой. Это проявляется в форме нелепых субъективных сенсорных проекций, мешающих эффективной «работе с возможностями». Действительность начинает приобретать искаженный, ирреальный характер, и субъект бывает не в состоянии справиться с этими искажениями. Даже призывая на помощь сознание, он испытывает влияние скорее субъективной, чем объективной, интуиции,

Мышление и чувство этого типа во многом напоминают ощущающего экстраверта, так как имеют такой же инфантильно-архаичный характер. В критической форме их влияния состоят в том, что интуитивная личность сообщает повышенную ценность совершенно неподходящему объекту. Подобные ошибки могут разрушить самое важное свойство типа - способность раскрывать новые жизненные перспективы. Вместо этого появляется бессознательная привязанность к наличному объекту.

При благоприятном развитии личности интуиция, мышление и чувства могут позитивно взаимодействовать, и она становится творческой, способной выразить интуитивные прозрения в глубоком, эмоционально действующем на других суждении или открытии. Но иногда экстравертная интуиция приобретает серьезный противовес в осознанном, субъективном, обесценивающем объект ощущении или упрощенной мысли. Возникает двойственное отношение к объекту, дезориентирующее личность.

Для данного типа характерен ряд специфических противоречий:

- 1) сознательная объективная интуиция конфликтует со слабо осознанной, субъективной интуицией;
- 2) сознательная объективная интуиция конфликтует с бессознательным, субъективным ощущением;
- 3) сознательная объективная интуиция конфликтует со слабо дифференцированным субъективным мышлением или чувством;
- 4) сознательная объективная интуиция конфликтует с осознанным субъективным ощущением.

Интровертный мыслительный тип.

Его сознание, как у любого интроверта, является в основном субъективно направленным. Ему, безусловно, доступны внешние объекты, но они существенно детерминированы субъективной позицией. В главный предмет мысли он превращает свой внутренний опыт. Его мышление исходит от субъекта, и субъект является его целью и ориентиром. Объективная реальность принимается в качестве подтверждающих данных для развивающейся субъективной идеи.

Интровертное мышление, наиболее распространенное у мужчин, ставит вопросы, создает теории, открывает перспективы, движется вглубь своих предметов, но к фактам относится сдержанно. Они принимаются обычно как обоснования и иллюстрации субъективных выводов. Как экстраверт имеет склонность мыслить лишь строго в рамках объективных фактов, подавляя субъективную мысль, так интроверт надеется приспособить реальность к своей идее. Для него идеально, когда субъективную мысль удастся претворить в реальность, придать ей вид фактически подтвержденной теории. Но так бывает далеко не всегда. Чаще обнаруживается тенденция втиснуть факты в рамки своей идеи или попросту игнорировать их. И чем меньше интровертная идея входит в соприкосновение с реальностью, тем более она бывает субъективно убедительной, удостоверенной не только интеллектуально, но и эмоционально. Чувство истинности черпается здесь из бессознательного архетипа разума, который буквально завораживает

мышление, придавая ему мистический, мифологический характер. Доведенное до крайности, субъективное мышление доходит до признания только собственного бытия.

Однако в случаях, когда мыслительная субъективная установка сознания является сбалансированной, обогащенной объективной направленностью, то личность может раскрыть удивительные по глубине связи между реальными фактами, недоступные иным типам. Многие знаменитые интеллектуалы принадлежат к этому типу. Их зрелая мысль иногда органично дополняется отрефлексированным, тонким чувством, так, что даже кажется, будто мышление гибко следует за переживанием. Но здесь же заключается и потенциал сложного сознательного конфликта.

В интровертном мыслителе обнаруживается скрытность и некоторая холодность суждения, которое всегда как бы скользит поверх объекта, навязывая ему субъективно найденные свойства и давая почувствовать превосходство субъекта. Представляя свои идеи в узком кругу, он проявляет упорство, упрямство, нетерпимость к критике. Когда же ему предстоит выпустить идеи в большой свет, он испытывает неуверенность и не заботится об их широком и благосклонном принятии.

Основной функцией, которая подвергается у него вытеснению в бессознательное, выступает чувство. В случае значительного отрыва мышления от внешнего мира, бессознательное начинает навязывать ему сильную эмоциональную связь с объектом, проявляющуюся в форме фантастических, иллюзорных отношений и оценок, противоречащих сознательным суждениям. Иногда это ведет субъекта к поглощению объектом; в том числе, образом конкретного человека; сильная внешняя зависимость искажает свойственную типу рефлексию. Он может не заметить, что его эксплуатируют, или грубо обращаются с ним, или вредят ему в практическом отношении. Если субъект начинает защищаться от влияния бессознательного и зависимости от притягательного объекта, в нем появляется склонность к уединению. Но это лишь усугубляет внутренний

конфликт. Бессознательные чувства начинают принимать инфантильно-архаический характер. Эмоциональное отношение к объекту становится примитивным. Предмет зависимости и каждый новый аналогичный объект рассматриваются как таящие опасности. Недифференцированные ощущения начинают открывать причудливые и неясные характеристики объекта. Интуиция сулит угрожающее и непонятное будущее. И чувства, и ощущения, и интуиция проявляют себя как упрощенно экстравертные, вызывают рост тягостных влияний объекта. Например, у мужчины этого типа может возникнуть сильный страх перед женщинами, сменивший, к примеру, восторг перед конкретной женщиной, оттеснивший излюбленную внутреннюю мысль о безусловном превосходстве мужчин.

Сознательная установка может приобрести у этого типа личности сверхкомпенсированный характер; субъективному мыслительному процессу начинает придаваться избыточное значение. Субъект полностью растворяется в собственном мышлении, отождествляет свою личность со своими идеями. Объективные факты по возможности полностью вытесняются из сознания. Мышление постепенно теряет связь с реальностью и замыкается в самом себе. Бессознательное чувство провоцирует все большую власть сознательно обесцениваемых объективных воздействий. Соппротивление этому выражается у субъекта в агрессивных нападках на любых оппонентов его идей. Однако первоначально плодотворные идеи оказываются отравленными горечью чужого непонимания и на фоне осознанных, пришедших извне сомнений теряют для личности прежнюю ценность. Конфликт обостряется, приобретая кризисный характер.

Сильной стороной данного типа является утонченное, позитивное, оригинальное, творческое мышление, ищущее высших истин и ценностей. Кроме того, он бывает весьма продуктивен, так как самовыражение в культурном продукте является нормальной компенсацией его внутренней ориентации. Люди этого типа бывают склонными к рефлексии, так как собственное «я» является особо близким и захватывающим внутренним

объектом мысли. Философия, психология и искусство обязаны им особенно ценными опытами самопознания.

Данному типу имманентны следующие противоречия:

- 1) сознательная субъективная мысль конфликтует со слабо осознанной объективной мыслью;
- 2) сознательное субъективное мышление конфликтует с бессознательным, объективным чувством;
- 3) сознательное субъективное мышление конфликтует со слабо дифференцированным объективным ощущением или интуицией.
- 4) сознательное субъективное мышление конфликтует с осознанным объективным чувством.

Интровертный чувствующий тип.

Данный тип сложен для психологического раскрытия. Он находится под руководством субъективно ориентированного чувства и принадлежит, как правило, женщинам. Объект является не источником, а скорее некоторым поводом для чувств; субъект как бы проходит или отстраняется от него, либо явно обесценивает объект. Личность этого типа обычно скрытна, молчалива, трудно доступна. Ее субъективное чувство редко находит внешнее проявление. Там, где сильное экстравертное чувство реализуется в отношении объекта, изживая себя, сильное интровертное переживание замыкается в себе, движется вглубь личности, воздерживается от явного выражения. Во взаимоотношениях с другим человеком чувствующий интроверт или уравновешен и спокоен, или производит впечатление некоторой холодности и равнодушия. Когда позитивное чувство все же просачивается в отношении к объекту, у того возникает ощущение привлекающего или даже очаровывающего воздействия. Пока чувство не заявляет о себе слишком интенсивно и уравновешивается сознательным позитивным мышлением субъекта, оно выглядит таинственно и возвышенно. Когда же оно растворяет в себе субъекта и начинает усиленно компенсироваться архаичным объективным мышлением, у личности

прорываются черты властолюбия, тщеславия и даже тирании, что говорит о сильном эгоцентризме чувства.

Чувствующий субъект, оказавшись в эгоцентрической позиции, постепенно подпадает под все большее влияние объекта. При этом он испытывает воздействие в той или иной степени осознанного, негативного мышления, которое приписывает объекту странные, сомнительные черты, будто бы направленные против субъекта. Бессознательные ощущение и интуиция имеют ориентацию, сходную с той, которая проявляется у интроверта – мыслителя, и выражается в подозрительности, мелочности, интриганстве. Этому способствуют и прорывы в сознание смутного, объективного чувства, противоречащего субъективному положительному переживанию.

По мере усиления субъективного чувства, мышление приобретает все менее осознанный, инертный, зависящий от объекта характер и настойчиво требует мер предосторожности в отношении к нему, Субъект защищается, дистанцируется, пытается возвести чувство в ранг главенствующего фактора в своей жизни, но терпит поражение, втягиваясь в унижительный бессознательный конфликт с объектом.

Сильной стороной данного типа являются глубина, устойчивость и самоотверженность чувства, не всегда, правда, находящие признание со стороны объекта. Чувство выражает свою цель и содержание, прежде всего, для самого субъекта. Однако, становясь на основе развитого мышления, предметом тонкой рефлексии, оно может найти поэтическое, религиозное, этическое выражение, ценное для других людей. В этом случае чувство приобретает особое очарование и неотразимо действует на других людей.

В процессах функционирования типа завязываются следующие противоречия:

- 1) сознательное субъективное чувство конфликтует со слабо осознанным объективным чувством;

- 2) сознательное субъективное чувство конфликтует с бессознательным, объективным мышлением;
- 3) сознательное субъективное чувство конфликтует со слабо дифференцированным объективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное субъективное чувство конфликтует с осознанным объективным мышлением.

Интровертный ощущающий тип.

Данный тип так же сложен для описания, как и предыдущий. Трудность в том, что ощущения в значительной степени определяются внешними источниками. И хотя любой ощущающий и воспринимающий индивид привносит во впечатления об объекте свои субъективные оттенки, у данного типа субъективность ощущений и восприятия кажется исключительной, придавая его взаимодействию с миром иррациональный характер. Во внешнем объекте основания субъективного ощущения либо отсутствуют совсем, либо объект включает лишь намек на ощущение. Субъективному впечатлению ощущающего интроверта присуща значительность, родовой характер; оно всегда говорит больше, чем непосредственный образ объекта. Ярким примером интровертного видения мира является художественное воплощение внешних впечатлений в символических произведениях.

В случае критической выраженности типа, субъективным содержанием восприятия могут оказаться следы древней чувственности или мифологические образы коллективного бессознательного. Глубинное ощущение становится для субъекта большей реальностью, чем сознательные данные о внешних объектах. Воспринимающее сознание каждого момента жизни определяется включением стародавнего прошлого опыта, а иногда предчувствиями будущего. Деятельность ощущающего интроверта часто не выражает очевидной связи с происходящими событиями. Субъект ведет себя так, будто не различает объекта и текущего представления о нем. Никогда нельзя сказать, что из внешних воздействий произведет впечатление, а что нет. Между объектами и субъективными ощущениями отсутствует

пропорциональное соотношение. Кажется, что субъект старается оградить себя от внутреннего проникновения свойств объекта. Но если объект все же вынуждает субъекта реагировать, его поведение выглядит иллюзорным, оторванным от требований объективности.

Основной функцией, подвергающейся вытеснению из сознания, у данного типа, является интуиция. При нормальном соотношении в сознании субъективного восприятия и объективной интуиции, внешняя деятельность субъекта достаточно адекватна. Но когда ощущения, поступающие из внутреннего мира, становятся явно преобладающими, интуиция приобретает бессознательный, критичный характер. Она начинает навязывать субъекту отрицательные предчувствия, связанные с окружающими объектами, вынюхивает в них все архаично темное, двусмысленное, маргинальное. Внешний мир кажется несущим неотвратимую угрозу. Слабо осознанные, негативные мышление и переживания лишь подтверждают самые мрачные ожидания. Защищаясь от них, субъект дистанцируется от объектов, возводит внутреннее восприятие в ранг основного психического фактора, оттесняя за границы сознания данные внешней перцепции. Тем самым, ощущение объективной реальности непоправимо искажается; личность теряет перспективную сознательную ориентацию и рациональную связь с настоящим, ориентируется только в плане некой архаической действительности, перестает понимать себя. Основной конфликт типа заключается в пагубности обесценивающего и низводящего отношения к реальным объектам.

Если в жизни данного типа активно реализуются способности к сознательным объективным ощущениям, реалистичному мышлению и чувству, субъективные ощущения могут найти определенные формы выражения, всегда страдающие, однако, некоторой банальностью. Желая возвысить эти формы, личность сталкивается с серьезными ограничениями своих рациональных психических функций.

Принадлежа и мужчинам, и женщинам, интровертный ощущающий тип отличается, в уравновешенной динамике, ровным и принимающим отношением к действительности, а иногда может становиться ценным проводником конструктивных проявлений архетипов, влияя, таким образом, на современную культуру.

Противоречия, свойственные этому типу, как и сама его сущность, трудно поддаются наблюдению. По общей логике структурирования юнгианских типов, их можно представить так:

- 1) сознательное субъективное ощущение конфликтует со слабо осознанным объективным ощущением;
- 2) сознательное субъективное ощущение конфликтует с бессознательной, объективной интуицией;
- 3) сознательное субъективное ощущение конфликтует со слабо дифференцированным объективным чувством или мышлением;
- 4) сознательное субъективное ощущение конфликтует с осознанной объективной интуицией.

Интровертный интуитивный тип

Его доминирующей психической функцией является сознательная интуиция, направленная на внутренние объекты. Подобными объектами чаще всего являются образы и идеи, содержание которых сознается как не существующее в реальном мире. Интровертная интуиция пробуждается к действию внешними объектами, но направлена на то, что было внутренне вызвано ими. Сами объекты мало интересуют личность.

Интуитивный интроверт наиболее чуток и восприимчив к бессознательному опыту, особенно архетипам как изначальным образам. Его психическая активность часто стремится выйти за границы обычного сознания в творческих поисках внутренних возможностей. Подобной установкой обладают мистики, провидцы, художники и мечтатели. И если художник может выразить свою интуицию, создавая произведения, вводящие в мир невиданные символы, то мечтатель оказывается погруженным в созерцание

таинственных образов, спонтанно проступающих в его сознание. Но оба они, как это свойственно всем ярко выраженным интуитивным личностям, всегда стремятся к чему-то новому, неизведанному. Их жизнь порой может превратиться в бесконечный континуум сменяющих друг друга видений будущего, хотя и активизированных внешними объектами, но исходящими из внутреннего источника.

Основной функцией, вытесненной из сознания, у данного типа является объективно ориентированное ощущение. При преобладании сознательной интуиции, сбалансированной внешними ощущениями, субъект действует адекватно реальной ситуации. Но как только сосредоточение сознания на внутренних образах становится чрезмерным, появляется оппозиционная установка бессознательного, объективного ощущения, которое действует как примитивное и болезненное. Это иногда проявляется в повышенной чувствительности сенсорных органов. Человек стремится отдалиться от ощущаемой действительности и становится полной загадкой даже для ближайшего окружения.

Чувство и мышление также принимают внешний, бессознательный, архаичный характер, сравнимый с тем, что имеет место у ощущающего интроверта. Если интуиция чрезмерно превозносит данности внутреннего опыта личности, то ощущения, мышление и чувства привязывают ее к внешним травмирующим впечатлениям, уводя от субъективного созерцания. Если же осознанная интуиция в своем объективном аспекте развенчивает субъективные ценности, бессознательные или слабо осознанные функции делают подстановку в виде гипертрофированного положительного влечения к внешнему объекту. Противоречия объективно и субъективно направленной интуиции, а также сознательных и бессознательных психических функций, сплетаются в сложном личностном конфликте. Если человек – художник, конфликт может проявиться в его творчестве, придавая его произведениям одновременно значительный и банальный, прекрасный и аляповатый,

возвышенный и причудливый, доступный и загадочный, серьезный и иронический характер.

Тип становится очень привлекательным, получив возможность полноценно эстетически выразить себя или представить интуитивные прозрения в виде религиозных или интеллектуальных символов. Носители типа являются свидетелями того, что упоительной и увлекательной жизнью можно жить не только во внешнем, но и во внутреннем мире. Сама их внешняя жизнь следует за внутренней жизнью и демонстрирует примеры воплощения архетипов. Субъекты такой установки, чаще мужчины, могут выступить двигателями культуры, просветителями и воспитателями, хотя им может не хватать остроты и этики разума, а также искусства словесного выражения внутреннего опыта. Однако если интуитивная личность встает в мыслительное отношение к своим видениям, он в состоянии спросить себя: «Что это значит для меня и для мира? Что из этого следует для меня в смысле долга или задания?» Такой человек своей жизнью и деятельностью становится подлинной ценностью культуры.

В эволюции типа возможно возникновение следующих противоречий:

- 1) сознательная субъективная интуиция конфликтует со слабо осознанной объективной интуицией;
- 2) сознательная субъективная интуиция конфликтует с бессознательным, объективным ощущением;
- 3) сознательная субъективная интуиция конфликтует со слабо дифференцированным объективным мышлением или чувством;
- 4) сознательная субъективная интуиция конфликтует с сознательным объективным ощущением.

По характеру построения юнгианской типологической модели, можно сделать предположение о такой индивидуальной выраженности сознательно – бессознательных, экстравертных – интровертных, рациональных – иррациональных и парных функциональных установок, которая будет указывать на присутствие и взаимодействие в индивиде разных личностных

типов. Соотношения этих типов на разных этапах жизни личности могут колебаться в диапазоне гармонии – компенсации - сбалансированности – конфликта. Контуры изменений сложной типологической принадлежности индивида также могут выступать **основаниями типизации** личности.

К примеру, у личности могут быть равно представлены две или несколько высоко дифференцированных функций: мысль, чувство, интуиция. Но они не подавляют слабо дифференцированные процессы, а вступают с ними в определенные взаимоотношения. Это выражается в том, что индивид не демонстрирует сугубо односторонней установки на объект или свой внутренний мир, Он периодически направляет свою деятельность вовне и вовнутрь, так, что она становится органично детерминированной объективными и субъективными факторами. В отношениях к внешнему и внутреннему субъект не ориентируется только на суждения логики, или эмоциональные оценки, или интуитивные представления. Он пытается строить свою активность на основе синтетических чувственно - мысленно - интуитивных данных о предмете, несмотря на сложность подобного синтеза. В некоторых случаях оппозиционные функции не только дополняют и уравновешивают, но развивают и повышают продуктивность друг друга. Логика подкрепляет эмоциональное отношение, чувство подтверждает верность суждений мышления, интуиция придает мысли и чувству новизну. При участии конструктивной рефлексии и позитивной ценностной ориентации, функции «собираются» в движении личности к целостному самовыражению в творческих результатах, значимых для философии. науки. искусства, бизнеса и т. д.,

Иногда зрелые и гармонично взаимодействующие функции такой личности теряют позитивное равновесие, и одна из них единолично овладевает сознанием. Другие постепенно теряют дифференцированный характер и принимают субъективную или объективную направленность, противоположную установке сознания. Сознание начинает активно защищаться от влияния бессознательного, которое выражается в

упрощенных формах реагирования, и начинает порождать односторонние продукты, лишённые прежней творческой силы и привлекательности.

Или, возможно, две продуктивно взаимодействующие бинарные функции сознания начинают подавлять друг друга. Чувство лишает мысль ясности, беспристрастности; мысль, в свою очередь, ограничивает протекание, проявления и оценочную активность чувства, Сознание личности становится менее дифференцированным, функции сливаются друг с другом, лишаются способности действовать самостоятельно. Слияние функций носит теперь не творческий и синтетический, а странный, иррациональный, мало понятный для окружающих характер. Нарушаются функциональная целостность типа и культурная продуктивность личности.

Далеко не все противоречия внутри типов или между типами, подразумеваемые Юнгом, эксплицированы в его текстах. То же касается и **способов разрешения конфликтов** между типологическими свойствами. Их многообразие и содержательность могут быть раскрыты усилиями многих исследователей, посредством тонкого эмпирического анализа и теоретических априори. В данной работе мы можем предварительно наметить некоторые из способов разрешения, основанные на **сознательной установке** личности и релевантные, с нашей точки зрения, юнгианскому подходу.

1) Личность сознательно стремится снизить значимость своего конфликта, свести его к частной, жизненной трудности, не требующей специальных, активных действий.

2) Если конфликт слишком обострен, чтобы его игнорировать, личность может прибегнуть к специальным приемам «забывания» противоречия как несовместимого с ее сознательными представлениями о себе.

3) Личность последовательно предпринимает несколько активных попыток разрешения конфликта, опираясь на внешнюю поддержку или используя выигрышные ситуации.

4) На основе рефлексии конфликта, личность приходит к внутреннему компромиссу, ограничивая, отчасти, свободу собственных действий, но сдерживая развитие конфликта.

5) Личность пытается разрешить конфликт одним, иногда рискованным, поступком.

6) Личность, осознав глубину конфликта и негативно оценив возможности его разрешения, мирится со своим поражением и пассивно наблюдает за развитием конфликта.

7) Личность намерена конструктивно разрешить осознанный конфликт, избегая рискованных действий, разрабатывает продуманный план активности и методично претворяет его в жизнь.

8) Личность сознательно использует потенциал своих сильных психических функций - чувства, интуиции или мышления - и дает творческий ответ на конфликт.

9) Личность на основе осмысления конфликта определяет его причины и направляет свои конструктивные действия на внешние или внутренние источники противоречия.

Перечисленные способы могут практиковаться, в первую очередь, личностями, использующими разнообразные потенциалы своих психических функций в регуляции внешней и внутренней жизни. Эти личности могут принадлежать к относительно чистым и комплексным типам и приобретать не только опыт позитивного выхода из коллизий, но также опыт сомнений, разочарований и трудного усовершенствования путей разрешения своих противоречий.

Как было отмечено, в типологической модели Юнга прослеживается тема влияний функциональных доминант типов на характер и уровень культурной продуктивности личности. Например, подчеркнута роль культурных вкладов людей, обладающих зрелым, творческим мышлением и занятых в сфере науки, философии, литературы, искусства, режиссуры, предпринимательства. В контексте культурной психологии личности эта тема может найти

продолжение в форме разработки моделей типизации **профессионалов** в приоритетных областях европейского культуротворчества. Эти модели могут быть обозначены как «акмеологические».

Модель акмеологической типизации личности

Мы предлагаем модель типизации профессионалов, занятых в сфере **интеллектуально емкого труда**, связанного с добыванием нового знания, с открытием и распространением новых технологий, с нахождением новых инструментов познания, то есть, **ученых** как исследователей, изобретателей, авторов инноваций, специалистов по продвижению интеллектуальных продуктов. Преуспевающие в науке интеллектуалы все больше проникают в перспективные сферы человеческой практики, становясь «практикующими учеными».

В основание типологической модели заложено единство зрелых жизненных отношений ученого, имеющих в своих структурах мыслительную, творчески – интуитивную, эмоциональную и рефлексивную доминанты, что делает эту модель соотносимой с содержанием типологии Юнга. Идея типизации состоит в том, что ученый, принадлежащий к акмеологическому типу, обладает высоко развитым мышлением, направленным на оперирование внутренними и внешними объектами, использующим потенциал творческой интуиции и рефлексии, а также достигающим уровня зрелой моральной оценки в соединении с тонкими этическими чувствами.

Акмеологический тип ученых новой волны предполагает соединение традиционно «маскулинного интеллекта» и «маскулинного творчества» с «фемининной эмоциональной интуицией» и «фемининным синтезом опыта». Таким образом, он апеллирует к паритетному представительству мужчин и женщин в современной научной среде, к единству «мужского» и «женского» в личности, переключаясь, таким образом, с установками новых гендерных подходов и типологий.

В чем состоит логика обоснования и структурирования типологического интеграла личности ученого?

Интеграл должен отражать **позитивные потенциалы и тенденции** жизни ученых в современной культуре и социуме, на основе которых могут формироваться акмеологические отношения конкретной личности. Среди них важно отметить следующие.

Первое. На смену воплощению интеллектуальной функции исключительно в талантливых индивидах, давно пришло усиление и разделение этой функции внутри коллективного субъекта науки, располагающего более мощными средствами и инструментами научного исследования. Но как встречный культурный процесс, вновь открылась нужда в индивидуальном ученом, способном к взрывному генерированию теорий и новаций, трансформирующих каноническое знание.

Индивидуальный ученый в координатах современной науки должен уметь продуцировать идеи, выдвигать гипотезы, подвергать их тщательной проверке, строить философскую систему познания, аккумулировать научный опыт своих предшественников, должен быть технологом, организатором, писателем, популяризатором, педагогом, должен заниматься внедрением своих научных разработок в жизнь и оценкой их практической эффективности (38). При этом он должен быть незаменимым участником исполнения этих функций научной организацией.

Второе. Продукты научного познания создаются в наше время для вещественного и социального приложения. Произошло срастание науки с экономической и общественной жизнью в плане интеллектуального насыщения производственной и управленческой деятельности. Знание стало отливаться в концентрированные «рецептурные» рекомендации к практическим действиям множества пользователей, мало интересующихся их творческими источниками и способами их исследовательского получения. Сходные процессы происходят в гуманитарном познании, когда «от него как бы отслаивается оперативно – утилитарная схема познаваемых явлений,

получающая самостоятельное культурное существование в качестве «знания», воспроизводимого и применяемого индивидами в пространстве массовой культуры» (35; с. 432). В плане преодоления разрыва между уровнем деятельности генерирующих ученых и уровнем практического использования их идей, становится все более важным появление в науке профессионалов нового типа. Они способны инвестировать свои идеи в жизнь, и предлагать конструктивные модели практики, не только ничего не теряющие от фундаментальной теории, но обладающие в сравнении с ней приращенным потенциалом преобразующих действий.

Третье. Происходящее культурное расширение слоя «духовных производителей» сокращает привилегии отдельного ученого осознавать себя творцом, классиком, жрецом науки. Однако оно предоставляет ему большую свободу вхождения в другие профессиональные области, где он может преуспеть не только в качестве эксклюзивного носителя знания, но и разностороннего «профи», включенного во многие социальные связи. Здесь встает проблема интеллектуальной коммуникации как экономной, но полной и системной, передачи знания от его носителя тем специалистам, с кем он профессионально взаимодействует. Должен меняться язык обмена идеями, переливаясь в форму «сложное в доступном», которая присуща хорошим информационным моделям.

Четвертое. Ученые как особенно интеллектуально и морально чуткие раньше других могут улавливать результаты общественных изменений и нововведений. В этой связи их этической позиции и ответственности принадлежит важная роль в периоды общественных реформ, переломов, кризисов. Она может выразиться в создании гуманных концепций общественного реформирования, в творческом регулировании политической и экономической жизни по линии ее интеллектуализации и этического обоснования, в выработке норм социального мышления, позволяющих индивидам достигать взаимопонимания и согласия при совместном решении общественных проблем.

Пятое. Современная наука развивается как труд – творчества. Ее характеризуют сохранение и реконструкция системы научного знания, творческое изменение знания и приспособление инноваций к реалиям человеческой жизни, утверждение равноценности личностного и коллективного начал познания, в том числе, признание сильной зависимости уровня науки от уникальных талантов индивидуальных ученых. Привлекая к своей деятельности внимание людей разных профессий и социальных групп, способствуя превращению научного мышления в способ углубленного понимания жизни, проблематизируя интеллектуальные установки людей и объединяя силы многих интеллектов, ученые наполняют жизнь окружающих творческим и этическим смыслом. «Интеллектуальная профессия», «творческая профессия», «интеллектуальный творческий труд», «этически направленное творчество» являются существенными характеристиками научной деятельности, указывающими на ее коренную интеллигентность и высокий культурный статус.

Шестое. Внутреннее оформление, предметное выражение и социальная презентация научных идей требуют от ученого их активного осознания вместе с осознанием собственной роли в их производстве. Познание и самопознание ученых достигают зрелого единства на основе рефлексивной деятельности. Речь идет о рефлексии содержания и методов научного познания, рефлексии передачи и обмена знаниями, рефлексии личностных свойств субъекта познания, рефлексии общего интеллектуального отношения к жизни, и, наконец, об осознании возможностей самой рефлексии как способа инвестирования интеллекта в область «я». Отличительной чертой ученого может быть многовекторная активность сознания в модусах «знаю, что **знаю**», «знаю, **что** знаю», «знаю, **как** получено знание», «знаю **себя** - познающего», «знаю **влияния других** на мое познание», «знаю **результаты** моего познания», «знаю, как **изменяюсь**, познавая», «знаю пути **познания себя**» и т. д. В рефлексивных актах он стремится выйти за границы осознания объектов науки, войдя в загадочное субъектное поле и применяя там силы и

инструменты, приобретенные в научном поиске. Вследствие универсального строения «объективного» и «субъективного» мышления, ученый способен переходить от исследования мира к исследованию себя или к самоисследованию. Когда переход совершен, интеллектуальное отношение по вектору «познаю себя» свободно проникает в ткань этического и других отношений ученого. Происходит их насыщение сложными я - смыслами, а также сильным самопереживанием, сопровождающим личностную рефлексию. Уходящий вглубь рефлексивный план отношений не ослабляет жизненную активность и самовыражение ученого, а повышает, высвобождает и индивидуализирует ее за счет непрерывной амплификации мотивов творчества и личностного роста. Совершенствуется онтологически ценное свойство личности сознательно относиться к миру, исходя из глубин «я».

Седьмое. Настрой на самопознание и активное исполнение решений, касающихся позитивных изменений «я» в различных сферах жизни, является у ученого необходимым проявлением общей интенции к самоактуализации и саморазвитию. В определениях А. Маслоу, ее психологическими признаками выступают: реалистичность мышления и его отклик на скрытые свойства реальности; верность познанию как пути, ведущему к истине; отсутствие страха перед независимым самовыражением в среде других людей; оригинальность взглядов на существующий порядок вещей; необычные состояния сознания, ведущие к творческим открытиям; живая этика, питающая гуманные поступки и демократические убеждения; способность к ниспровержению устаревших культурных канонов; видение теневых сторон явлений, различение противоположностей в мышлении и жизни, чувствительность к парадоксам, тонкое чувство юмора. (38)

Восьмое. Отечественная наука, самоопределяющаяся в русле мирового культурного процесса, осваивает новые ценности, позволяющие ей преодолеть кризис конца минувшего века. К этим ценностям можно отнести приоритетность научных исследований, направленных на безопасность, здоровье, полноценную жизнь людей; сопротивление действиям,

низводящим научные достижения до уровня дилетантского присвоения и утилитарного приложения; определение потенциала и авторского вклада ученого в координатах мировой науки; интеграцию личности в научные коллективы на основе высокой компетенции, индивидуального творчества, способности к профессиональному диалогу и конструктивной конкуренции; заинтересованность в притоке в науку молодых творческих сил и поддержку талантливой молодежи в обучении и исследовательской деятельности.

Таким образом, реальным жизненным потенциалом современных ученых является интеллектуальное творчество, происходящее в диалогической коммуникации с другими людьми и обращенное к предмету науки и к себе. При индивидуальной реализации и переходе в форму личностных отношений он неизбежно вбирает коллизии этих сложных процессов. В этой связи, типизацию ученого можно проводить по следующему **интегральному основанию**:

- 1) интеллектуально – творческое, или профессиональное, отношение;
- 2) этическое отношение;
- 3) рефлексивное, отношение;
- 4) наличие и разрешение коллизий в структуре отношений.

Целью типизации становятся изучение и оценка типа конкретной личности, исходя от высокого уровня типологических отношений, который определяется **единством интеллектуально - творческого и зрелого этического отношений, достигнутым на основе рефлексивного отношения**. Эта триада отношений выступает тем «личностным ядром» ученого, которое концентрированно выражает достигнутое им состояние жизненного и профессионального акме. Типологическая идентичность ученого, то есть принадлежность его к тому или иному типу, устанавливается с учетом уровня развития каждого отношения, качественного отклонения отношений от зрелой триады, степени интеграции отношений, конфликтности отношений, способов преодоления конфликтов отношений.

В крупной выборке ученых нами было выявлено пять основных личностных типов с определенной выраженностью и связями типологических отношений, по параметрам которых можно оценивать конкретного ученого. (63) Однако, в случае иерархической типизации наиболее важен исходный, критический, зрелый вариант типа. Его структура и является, собственно, «типологическим интегралом»

Выделение трех приоритетных типологических отношений не означает абсолютизацию в ученом профессионального, этического и рефлексивного начал. Отношения берутся во взаимодействии друг с другом, в масштабе целостной личности, в следующих **системных определениях**.

- Каждое из типологических отношений ученого развивается как конкретная форма онтологических свойств человека: свойства познания и идеального преобразования мира, свойства быть во внешних и внутренних связях с другими людьми, свойства самопознания.
- Каждое отношение интегрирует в себе ценностно-смысловые направленности, способности, черты, акты психической жизни, действия и поступки личности.
- Каждое отношение выступает сложной равнодействующей интеллектуального, деятельно-продуктивного, социально активного, этического, эстетического и т. д. развития личности при доминировании одного из направлений этого развития.
- Доминирующие отношения связаны с другими отношениями общей психологической структурой, где выделяется ряд объединительных уровней: сознательный, бессознательный, побудительный, когнитивный, эмоциональный, смысловой, я – регулятивный, операциональный, продуктивный. На каждом уровне отношения активно и избирательно взаимодействуют друг с другом.
- Каждое отношение имеет динамическое строение, общее с другими отношениями. Оно включает акты и процессы ощущений, перцепции,

представлений, мышления, интуиции, переживаний, которые создают интеллектуальные, этические или рефлексивные жизненные действия.

То есть, интеграл предполагает, что интеллектуальное – этическое - рефлексивное отношения являются конкретными формами всеобщих личностных свойств, находятся в координационных и субординационных взаимосвязях друг с другом и развиваются через структурные и функциональные изменения общей системы отношений. Взять эти отношения как ведущие в личности - значит исследовать их психологическое строение, искать их внутреннее и внешнее триединство, раскрывать их разнокачественные, противоречивые зависимости. Отсюда выход на индивидуализированную типизацию личности и на прогноз ее типологического развития.

Порядок акмеологической типизации личности ученого могут составить следующие шаги.

1. Диагностика элементов типобразующих отношений личности: содержательных, функциональных, операциональных.
2. Выявление преобладающих позитивных или негативных тенденций в отношениях личности.
3. Оценка уровня развития типологических отношений данной личности и выявление отношений – доминант;
4. Исследование взаимосвязей типобразующих отношений личности.
5. Обнаружение коллизий в отношениях и в системе отношений личности.
6. Оценка преобладающих коллизий отношений в диапазоне развивающиеся – деструктивные.
7. Оценка уровня активности личности в разрешении жизненных коллизий по показателям способов разрешения и самостоятельности – зависимости личности.
8. Определение доминирующих способов разрешения коллизий в диапазоне развивающиеся - деструктивные.

9. Оценка перспектив социокультурной ценности и продуктивности ведущих отношений личности, ее типологическая идентификация.
10. Прогноз и психологический проект роста личности с учетом близости ее типа к акмеологическому типу.
11. Обоснование возможных переходов личности из одного типологического состояния в другое.

В соответствие с идеей и порядком акмеологической типизации, ниже приводятся характеристики зрелых жизненных отношений ученого. Они создают **онто – психологическое понятийное и смысловое пространство**, в котором может осуществляться исследование, оценка и самоисследование личности. В нем интеллектуально-творческие содержания отражают этические и рефлексивные установки ученого, этические содержания интеллектуально насыщены, укоренены в нравственной и профессиональной рефлексии, формы рефлексии наполнены творческим и этическим содержанием. Конечно, интеграл зрелых отношений ученого может строиться с иными акцентами, с другой точки зрения, может быть расширен и детализирован. Здесь приведен один из его возможных вариантов.

Интеллектуально-творческое отношение ученого

1. Оно предполагает развитие **познания** в качестве ведущей деятельности, понимаемой ученым как «совершение пути познания». Познавая, личность овладевает реальными предметами, основываясь на идеальных предметах и идеальных преобразованиях. Познание развертывается в сознательных и бессознательных действиях, направленных на нахождение различий, сходства, общности, противоположности и единства явлений. Сформированность, гибкая смена и рефлексия этих действий превращают познание в **дискурсивное мышление**, сознательно повинующееся правилам и выраженное в строгих логических моделях реальности. В своем развитии оно стремится к интуитивно-творческому мышлению, ведущему к взрывным открытиям нового.

2. Познание должно быть **результативно**, а субъект познания — продуктивен. Это значит, что развивающейся мысли ученого необходимо охватить и выразить в новых понятиях множество сторон и форм бытия, вовлеченных в его научную и социально-преобразующую деятельность. Истинный научный результат - значительный авторский вклад в улучшение человеческой жизни.

3. Совершение пути познания ведет к высвобождению мысли из узкой предметной области; познание ученого стремится к **разносторонности**, то есть, исследованию и изменению мира в его разных формах, различных планах и на многих уровнях. Конкретный познаваемый объект постепенно открывается ученому во все более широких, глубоких и полных значениях, проступает во все более отдаленных объективных связях и отношениях. Сквозь данный объект для ученого «начинает светиться весь мир». В привилегированном объекте изучения ему открываются возможности влиять на многие сферы бытия и человеческой жизни.

4. Понятийное знание строится ученым для передачи другим и для обмена с другими, поэтому важна словесная и символическая форма научных понятий. Словам устного выступления и печатного труда должны придаваться гибкость, весомость, соответствие существенным значениям, чистота и однозначность выражения свойств и связей явлений. «Точность и легкость слова зависят от правильного употребления терминов. Сила, питаемая чувством, способствует легкости и сжатости слога. Тонкость прибегает к терминам, позволяющим выразить много больше, чем сказано. Благородство придает изложению непринужденность, простоту, точность, естественность. Возвышенность сообщает благородству силу и полет, которые, потрясая разум, изумляют его и выводят из равновесия. Это наиболее верный способ выразить великую и ошеломляющую идею». (19; с.24) В точном словесном выражении мысль приобретает **ясность, понятность, способность увлекать**.

5. Познаваемый объект науки должен быть теоретически восстановлен в том виде и содержании, которые делают возможным его использование как цельного руководства для новых практических действий или построения методологии новых направлений интеллектуального поиска. Идеальным результатом научного поиска является **завершенная идея или модель** объекта как субъективно открытая логика его существования. И какой бы стороной объект ни поворачивался к другим исследователям, его будут понимать в целостности, относительной замкнутости и законченности, что является важным критерием объективности научных содержаний.

6. В процессе научного мышления личность овладевает понятийными знаниями, организующимися в единую **понятийную систему**. Массив понятий, объем знаний (ученость), плотность и распространенность вширь и вглубь связей между понятиями, сочетание центростремительных и центробежных сил образования и изменения межпонятийных связей, а также отточенность и изящество многообразных мыслительных действий — все это необходимые составляющие зрелой понятийной системы. Личность способна удерживать себя на сложной, синтетической работе мысли, на процессах соотнесения и соединения понятий, благодаря **рефлексивности мышления**. В рефлексии дается индивидуально освоенное содержание понятий, способы его добывания, мера самостоятельности и мастерства личности в познании.

7. Научное познание выступает для ученого важнейшей линией его индивидуального жизненного пути. При этом ему необходимы достоинство, честность, хороший вкус в отборе и использовании знания, добытого и систематизированного другими. Осознание своеобразия своего пути, своей причастности к делу, совершенному другими умами, построение своей модели объекта науки и непротивопоставление ее другим моделям придают ученому **интеллектуальную свободу**, имеющую этический аспект. Действительно, «истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то-то столь же находится в согласии с мнением

Платона, сколько с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаково... То, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, его собственным суждением». (41; с. 142)

8. Стремление и способность к самостоятельному созданию целостного научного знания об объекте распространяется у ученого на интеллектуальное отношение к миру в целом. Яркая чувственно - эмоциональная окраска, присущая интенсивным научно-поисковым действиям, переносится на любое познание. Наступает момент относительного авторского «завершения мира», который требует передачи другим людям и социальной оценки. Напряженное генерирование идей для целостной интерпретации мира и их соотнесение с человеческими ценностями ведут ученого к обнаружению «смысла мира и жизни», то есть к оформлению пути познания в **личное мировоззрение**. От личности требуется большая духовная работа, чтобы выдержать неизбежные противоречия мировоззрения, возникающие при его реализации в индивидуальной и общественной жизнедеятельности.

9. Процесс внутреннего восхождения ученого к мировоззрению включает множественные выборы способов, направлений и смысловых акцентов в познании явлений и событий. У него формируется умение мысленного прохождения различных путей объяснения и истолкования бытия. Утвердившись в одном пути, он может принять и оценить достоинства путей, избираемых другими людьми. Отстаивание своих идей, доказательное оппонирование тому, что он считает заблуждением, способность восхищаться чужими открытиями свидетельствуют об овладении ученым драгоценной способностью — **пониманием**. Оно интегрирует лучшие свойства интеллектуального отношения личности и осознается ею как достояние, приобретенное внутренним трудом. Это свойство может быть отождествлено с «интеллигентностью», выступающей в русской культуре индивидуальным умением понимать людей других культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и

оппонентов, сохранять навыки «умственной социальности» и восприимчивости к интеллектуальной жизни. (29)

10. Открыв в себе способность к пониманию, личность сознательно ищет равноправного, свободного интеллектуального **диалога и сотрудничества**. Только в нем, непосредственном и опосредованном, контактном и отдаленном, основанном на взаимопонимании, возможна трансляция авторской идеи в мир. Другой человек – адресат - своим понимающим умом примет идею ученого как вклад в общий и собственный интеллектуальный поиск и поможет ей приобрести наилучшие формы репрезентации. Тогда результат авторской научной деятельности становится индивидуальным, социальным и культурным **влиянием**.

11. Возникающая в самореализации ученого перспектива движения его познания к оригинальному объяснению и пониманию объекта науки, к будущему открытию его новых свойств, а также переходу идеи объекта в ценный авторский продукт, принятый научным сообществом, может быть определена как **развивающееся творчество**. Его важнейшим смыслом является развитие коллективной культуры познания и совершенствование ученым своей личности.

12. Творчество присуще ученому, которого беспокоят противоречия между известным и неизвестным в объекте, который чувствителен к «пустотам» в добытом знании. Через эти пустоты для него проступает нечто, скрытое от других, выходящее за пределы объекта и связывающее его с крупной системой объектов. Пробел в знании осознается творческим ученым как «проблема объекта». Обнаружение проблемы предполагает эмпирическое изучение объекта и актуализацию всей системы добытого знания об объекте, построенной или воспринятой ученым как наиболее близкая к истине.

Например, в системе знания выделяется частично незавершенная дуальная связь исходного объекта с неизвестным объектом, объектным свойством или совокупностью объектов. Эту связь необходимо воссоздать как находящуюся в гармонии, равновесии со всеми действующими связями системы. Искомое

рассматривается как элемент оппозиционной связи, в которой другой элемент известен. Оно исследуется во многих соотношениях со своей известной оппозицией в контексте системы знания, пока не обнаружатся его скрытая сущность. Между известным и проблемным элементами реальности устанавливаются «проясняющие» отношения, выступающие «решением проблемы». Или на основе нового синтеза преодолевается дихотомия элементов, или один элемент ставится в зависимость от другого, или открывается новая реальность, где элементы теряют свою противоположность, или оппозиции берутся как относительно автономные системы, находящиеся в паритетных отношениях. Этот процесс является **проблемным** мышлением, обладающим гибкостью, конструктивностью, поступательностью.

В поиске проблемы и способов ее решения субъект познания оживляет объект, заостряет различие разного, доводит простое разнообразие до уровня противоречия и стремится разрешить его. Лишь в противоречии, по знаменитому замечанию Гегеля, различия становятся деятельными по отношению друг к другу и приобретают ту отрицательность, которая есть «имманентная пульсация самодвижения и жизненности». Остановив поиск в найденном решении проблемы, проверив реалистичность раскрытой связи исходного объекта, осознав относительную завершенность обновленной концепции объекта и уловив внутреннее тождество объекта и субъекта познания, ученый начинает новый цикл поиска. То, что ранее казалось очевидным, теперь, в соотношении с новым знанием, теряет свою отчетливость, ускользает в сферу неизвестного. Оказываются скрытыми то одни элементы установившихся связей объекта, то другие, то сами связи утрачивают свои определившиеся контуры. Так расширяются для ученого круги незнания и проблемности, возникает разнообразие интеллектуальных путей движения к объекту.

Этическое отношение ученого.

1. Проблемное познание ученого как добывание естественнонаучного, социального или гуманитарного знания совершается в интеллектуальных действиях, часто приобретающих качество **поступков**. Это, считал С. Л. Рубинштейн, происходит потому, что в познавательное отношение к истине вплетается отношение к другим людям. Истина становится при этом не только правильностью, но и правдой, справедливостью, способностью принять реальность. Она означает видение ошибок, преодоление заблуждений, избегание деструктивных для общества последствий своих открытий и разработок, проявление мужества в процессе познания. И наоборот, за ложной познавательной установкой часто скрываются обман, неправда, ложь, порождение иллюзий, ошибочных мнений и поверхностных суждений, а также разрушительные воздействия на природу, культуру, человеческую жизнь.

В построенном ученым знании должен быть обозначен путь улучшения жизни ближних и дальних людей, то есть, заключен **этический смысл**. Если знание лишено этого смысла, то при передаче его другим людям (коллегам, ученикам, последователям, практикам) ослабляется их воля к истине, заслоняются горизонты проблемного видения мира, складывается утилитарное отношение к знанию, исчезает ответственность самого ученого.

2. Когда в поиске знания ученый - профессионал стремится достичь социально ценного результата, этической основой его деятельности становится **уважение к другим**. Эта этическая установка, распространенная на любое общение, превращает научное сотрудничество и просветительство в процесс коллективного утверждения добра в познании и обретения знания как добра. Уважение к другим означает признание их достоинств и преимуществ в науке, постоянную, изо дня в день, от встречи к встрече помощь другому человеку в раскрытии его лучших интеллектуальных свойств и культивировании профессиональных способностей. Отношения с другими, основанные на уважении, строятся так, что помощь ученого своему коллеге, сотруднику, ученику не остается вне другой личности, а осознается

ею в модусах «мне необходимое», «мною принятое» и «сохраняющее мою автономию». Эта личность, в свою очередь, будет стремиться поддерживать в научном сообществе дух взаимопомощи и поддержки.

Уважение к другому состоит в признании его принципиальной суверенности, права на свободу жизненного выбора в условиях любой внешней зависимости, в корректном осуждении его стремления к превосходству и деструктивной власти, в поддержании серьезного, доброжелательного интереса к нему. Уважение к другому человеку порождает способность высоко оценивать его талант, искренне подчеркивать его профессиональные достижения и нравственные свойства. Уважение к другому означает, что ученый выбрал его для сотрудничества как равного себе и достойного его усилий, что он принимает его как одну из существенных целей своей жизни, что он никогда не сможет относиться к нему, как средству, и будет стремиться стать для него одной из ценностей жизни.

3. Для творческого и успешного ученого, готового разделить с коллегами свои профессиональные достижения, будет свойственна **свободная воля к другому**. Он будет инициативен, вовлекая других в пространство своего научного, а в широком смысле - духовного - поиска, передавая и обучая их способам углубленного понимания и объяснения мира. Он примет участие в преодолении трудностей их профессионального развития, возьмет на себя миссию педагога и руководителя, будет осуществлять ее красиво, без демонстрации превосходства, посредством собственных поступков и компетентных действий, выдерживая испытания этой нелегкой стези. В пространстве таких отношений рождаются особенно глубокие личностные влияния, состоящие в принятии другими познавательного опыта ученого и его конструктивной жизненной этики.

Основанием свободного отношения к другому человеку является **ответственность** ученого. Она означает способность держать внутренний ответ перед другим за принятые на себя обязательства в совместной

деятельности, доводить эту деятельность до ожидаемого другим результата, выполнять обещания, связанные с деловой поддержкой другого, порождать у него уверенность и удовлетворенность в связи с успехом в общем деле, избегать отношений зависимости, подавления и деструктивных влияний на другого, помогать ему, считаясь с его достоинством.

4. **Помогающим и ответственным ученым закономерно присуще благородство.** Оно обнаруживается, когда личность избегает действий, которые могут иметь отрицательные последствия для жизни и духовного мира другого человека, когда поддерживает других в стремлении к самоактуализации и развитию, когда понимает и прощает другого.

Ценное свойство ученого - **терпимость** как принятие позиций, убеждений и устремлений других людей, несмотря на их отличие от его собственных жизненных установок. Терпимость исключает бездумное отвержение ценностей других, осмеяние мировоззрения и агрессивную критику религиозной веры других, недоброжелательность к любым формам чужого самовыражения.

Ученому важно исповедовать принцип **разумной критичности**, состоящий в корректном объяснении и обосновании заблуждений других, в предложении эффективных моделей решения их проблем, в совместном осмыслении пути, приведшего к ошибке, и в нахождении источника противоречия. Действуя подобным образом, ученый не будет настаивать на абсолютной верности своей позиции, не будет навязывать ее другим. Свою задачу он видит в том, чтобы показать другому человеку более успешные и экономные способы деятельности и не осудит его, если тот не примет их.

В помыслах и поступках ученого должна найти выражение **благодарность другим.** Она состоит в признании развивающих влияний на себя других людей, в понимании и высокой оценке вклада другого в совместное творчество, в определении другого человека как значимого для своего профессионального и личностного роста. Она порождает любовь к тому, кто проявил духовную щедрость, и искренность в отношении к нему.

5. Содержательность этических установок и полноценность выявления этического смысла в отдельных ситуациях и поступках во многом определяются **близостью** ученого с другими людьми. Многообразие, живость, чувственная конкретность и длительность непосредственных отношений с другим человеком ведут к пониманию его личности с опорой на факты его поступков, на опыт сопереживания и сосредоточения на нем, на практику развернутой рефлексии при общении с ним. В сложной понимающей активности рождается реалистичное этическое отношение к другому человеку, сознание долга перед ним, чувство сожаления о всегда неполной отдаче ему и мужество признания этого.

6. Стремление при близком общении утвердить бытие другого в доброжелательном жесте, в одобрительном взгляде, в действии для его блага, в постоянных помыслах о нем, в ответственности и страдании за него сливаются в **любовном отношении к другому**. Оно придает особую одушевленность взаимодействию с другим, существенность всему, сделанному вместе с ним, неповторимость и расширенное значение всем общим идеям, образам, чувствам, впечатлениям. Отсюда особый, идеальный взгляд на другого, способность в ближнем вызвать к жизни высшего человека, но не в абстрактном, а в конкретном выражении. (56)

7. В продуктивной научной деятельности, совместном творчестве, свободном отношении к другому человеку, которое возвращается ответной любовью, признанием, честным сотрудничеством, утверждается **достоинство** ученого. Это отношение к себе, предполагающее самоуважение, разумное «вождеделение чести», уверенность в своих силах, стремление действовать наилучшим для других образом. Обладающий достоинством ученый не унижит себя плагиатом, фальсификацией, забвением учителей, почитанием конъюнктуры, растворением в авторитете. Даже в общественных условиях, неблагоприятных для науки, он никогда не пойдет на представление и опубликование низкокачественной работы, используя ее как средство достижения вненаучных целей. Достоинство заключено в направленности

ученого на неотложные конструктивные изменения в мире людей и принятии результатов этих изменений как основы для жизненного **оптимизма**.

8. Утверждение личностью этического смысла жизни неизбежно встречает противодействия, преодолеть которые можно при полном, ясном осознании коллизий как «моих собственных проблем» и обращении к развернутой **этической рефлексии**. Она служит раскрытию связи «я – проблемная ситуация» и гибко оценивает ее в интуитивных, логически прозрачных понятиях добра и зла, правды и лжи, справедливости и вероломства, дружбы и отчуждения. Посредством рефлексии, в ситуации различается то, что «вне меня и дано как независимое от меня», что «вне меня, но чем я могу овладеть», что «во мне, но ускользает от моей воли», что «во мне, чем обладаю, и что могу изменить», что «должно быть совершено мною», что «я совершаю», что «может стать последствиями моих действий». Центральным рефлексивным событием является согласование данных моментов так, чтобы их единство служило истине и благу, чтобы в данной ситуации субъект и другие люди могли пережить облегчение, обновление, освобождение. Раскрыв в процессе этического синтеза источники и способы разрешения проблем «я», личность достигает согласия с собой.

Этическая рефлексия – это внутренний, сокровенный, уникальный процесс нравственного искания, в котором человек становится способным видеть этические проблемы там, где другим они не видны, приобретает мудрость и проницательность. В опыте разрешения этических проблем он находит личный ответ на всеобщий вопрос «ради чего жить?».

9. Рефлексия получает относительное завершение в этическом поступке ученого, а затем вновь, в обогащенном и обобщенном виде, возвращается в план его внутренних действий. Закljučая решение этической проблемы, поступок осознается как новый личностный смысл. Обновление личностных смыслов на основе рефлексии поступков означает **этический рост** личности. Реальность роста подтверждается тем, что этические действия ученого становятся смыслообразующими событиями в жизни других людей.

10. Множественность этических связей с другими людьми, серьезность отношения к себе как субъекту этики, бесконечное разнообразие объективно и субъективно возникающих и решаемых этических проблем требуют развития определенной интеллектуальной способности ученого. Она заключается в свободном, захватывающе интересном и одновременно страдательном генерировании идей о том, «как поступать». Эти идеи не могут быть просто воспроизведены, репродуцированы, извлечены из прошлого; они всегда появляются как открытия, как вдохновенные внутренние выборы. Процесс их порождения постепенно становится все более кратким, интуитивным, все менее выявляющимся в дискурсивной рефлексии, все более гармоничным и переживаемым как наитие. Важнейшим способом самоосуществления ученого становится **этическое творчество**.

Если идея этического поступления не может быть сразу реализована в жизненном процессе, то творческая сила ученого побуждает его транслировать идею в образе, авторском слове, новом символе или в чувстве правоты, исходящем от идеи. Если же идея практически реализуется в отношении к науке или другим людям, она переходит в форму деятельного сочувствия, вживания, помощи, обогащается эффектами ответных поступков. Идея поступка постепенно перестает быть только «личной», теряет свою индивидуальную инициативу, становится способом взаимоотношений, одинаково значимых для ученого и для других. Она получает творческую завершенность, когда ученый возвращает «свое единственное место вне другого», видит обобщенный эффект совершенного поступка и узнает: «чем я теперь стал для другого?», «чем он теперь стал для меня?», «что изменилось в нашей жизни?». К такой же проблемной работе привлекается и другой. «Изнутри пережитое жизненное положение другого может побудить меня к этическому поступку: помощи, утешению, познавательному размышлению, но во всяком случае за вживанием должен следовать возврат в себя, на свое место вне другого, только с этого места материал вживания может быть осмыслен этически». (11; с. 28)

Действительное этическое творчество, достигаемое высокой ценой этического познания, напряженной рефлексии и поступков, состоит в том, чтобы в сфере профессионального, социального, культурного взаимодействия с другими «усилить их человеческую сущность», проявить потенциал их жизни, побудить к новым этическим действиям.

Рефлексивное отношение ученого

1. Личность входит в эпоху жизненной зрелости, когда в сложном духовно - психологическом процессе наполняет «я» многомерным интеллектуальным, этическим, эстетическим, творческим содержанием, то есть, вбирает в «я» полноту мира и культуры, с которыми находится в соприкосновении и частью которых является. Каждый объект постигается как звено в системе того, что есть «я». В одном и том же активном сознании представлены и «я», и мир. В мире личность находит себя, а в самосознании обретает то, что имеет объективность. Наиболее содержательное «я» дается ученому при посредстве рефлексивных обобщений: «знаю себя как мыслящего», «знаю себя в этическом поступлении», «знаю себя в созерцании красоты и гармонии», «знаю себя в творчестве» и т.д. Данность «я» представлена здесь в форме **общего знания «я»**.

2. Знание «я» строится ученым в динамике развернутого внутреннего интеллектуального диалога с собой или в **рефлексивной активности**, предполагающей осознанное различение оппозиций «я - субъект» и «я - объект». В рефлексивных процессах я - субъект должен восстановить собственное сложное, подвижное единство и усилить жизненный потенциал я - объекта. Эти задачи поддаются рефлексии, в которой воплощены и реализованы все качества и свойства интеллектуального творчества. Ученый может обратить свой дар исследования и постижения внешних явлений на свое «я», во многих **формах**, своеобразно интегрирующих процессуальный и продуктивный аспекты мышления.

3. **Форма I.** Я - субъект в актах проблемного мышления, через соотнесение моментов другие во мне – я в других – я для себя строит

концепцию «я», стремящуюся к объективности, реалистичному и глубокому определению «я». Здесь рефлексия выступает **самопознанием**. Мое понятие «я» оформляется в ценностных категориях человеческих способов и качеств жизни. В частности, мне как я - субъекту открываются: добро во мне – зло во мне»; благо во мне для других – вред во мне для других; моя правдивость – моя лживость; привлекательное во мне – негативное во мне; активное во мне – пассивное во мне; творческое во мне – разрушительное во мне; моя ответственность перед другими – моя отстраненность от других; моя компетентность – моя несостоятельность. В концепции «я» интегрируется знание нескольких типов: знание того, что знают обо мне другие; знание о себе, добытое собственными усилиями; знание, которое мне хотелось бы скрыть от других; знание, что есть нечто неизвестное во мне, что может быть раскрыто; знание, что есть тайное во мне, что не проницаемо для меня и других; знание, что со мной в мире происходит нечто, что не доступно моему познанию. Здесь рефлексия находит и оперирует соотношениями «знания о знании себя» и «знания о незнании себя», стремясь найти в неопределенности и неопределимости «я» источники своего развития.

Форма II. В самопознании личность должна выйти за пределы себя, встать над собой, увидеть себя «частью бытия других», мысленно абстрагироваться от себя единичного, непосредственно включенного в текущую жизнь. При этом оно полно переживания, которое отмечает выявленные и беспокоящие личность связи совершенного - несовершенного ею, завершенного - незавершенного в ней, достигнутого - не достигнутого ею, позитивного – негативного в ней. Это может придать самопознанию страдательность, а в определенных обстоятельствах — мучительность и трагичность.

В самопознании, ставящем «я» в положение «объекта», личность неизбежно возвращается к себе: «я знаю о себе это - как с этим жить?». Такой возврат отмечен сложным чувством будущего, неизвестного, предчувствием изменений «я». В переживание «предстоящего я» вплетается впечатление

«состоявшегося я» и «актуального я». Самопознание окрашивается чувственными тонами сожаления, раскаяния, недовольства собой или, наоборот, удовлетворенности собой, внутреннего равновесия и гармонии. **Самопереживание** в контексте самопознания переходит в **самооценку**, имеющую рациональный и в то же время глубоко личный характер: «мне присуще то-то, и это хорошо (плохо) для меня».

Форма III. Самопознание, отмеченное самопереживанием и самооценкой, интуитивно ведет личность к глубинным уровням «я», где скрыто формируются связи неизвестного «я» — известного «я» — возможного «я». Рефлексия может уловить эти связи, раскрыть в них неразрешенные противоречия, поставить проблемы «я» и наметить их решение. Это происходит при **самоосмыслении**.

Нахождение смысла «я» означает построение личностью идеи дальнейшего самоопределения и саморазвития; в смысле «я» задается перспектива ее жизненных отношений. Пути личности к «будущему я» могут состоять или в поддержании самоидентичности, принятой и оправданной другими людьми, или в исключении определенных сторон «я», отвергнутых другими и самой личностью, или в развитии аспектов «я», представляющих ценность для личности и для других, или в культивировании свойств «я», принципиально новых, как для личности, так и для ее окружения. Логика рефлексии перспективного «я» может быть гибко промоделирована, к примеру, таким образом: мне свойственно то - то — это хорошо (плохо) для меня — я хочу обладать такими-то свойствами — я хочу развить эти свойства. Гибкость самоосмысления может выражаться и в многозначности рефлексивного выбора: я могу быть таким, таким или «разнообразным», но я выбираю то-то. Для зрелого субъекта рефлексии естественно стремление выбрать путь не сплошь страдательный, а утверждающий жизненный успех и рост «я». У ученого успех и победный путь всегда будут представлены в системе достижений того сообщества, где стало возможным его профессиональное, этическое, интеллектуальное творчество.

Форма IV. «Предстоящий смысл я» — своего рода идеал «я», желаемое «я». Он дается не извне, требуя от личности не критического принятия, а рождается в ней самой, самостоятельно приобретается ею в поиске своего единства с другими людьми. Осуществление идеала «я» в жизни возможно при овладении личностью еще одной формой рефлексивной активности — **самовыражением**. Его суть состоит в мысленном нахождении, деятельном приближении и реальном построении тех жизненных ситуаций, в которых личность может воплотить смысл «я», выступая в обдуманых, органично сменяющихся активных ролях: «кем я могу быть для других?». Принятие родственных себе и близких желаемому «я» ролей, соответствующих создаваемой жизненной ситуации, является главным моментом самовыражения. Рефлексивный ряд «мне свойственно то-то - это хорошо (плохо) для меня - я хочу обладать такими-то свойствами – я хочу развить эти свойства» может быть дополнен позицией «я делаю для этого то – то».

Например, известный ученый входит в ситуацию обсуждения будущих научных исследований молодых коллег, которых надеется заинтересовать инновационной проблемой. Его личный смысл — посылить способствовать созданию и применению моделей научных инноваций в своей области. Он приобретен в контексте всей его профессиональной жизни и не зависел от научной конъюнктуры или новой общественной установки. Кем можно представить и выразить себя в этой ситуации, чтобы ее исход, кроме пользы для молодых коллег и всего общего дела, стал выявлением и закреплением «смысла я»? Он может принять на себя роли «ценителя ума другого», «терпеливого слушателя, зрителя, наблюдателя», «убедительного оппонента», «импровизатора», «человека, влияющего на мысль другого», «человека, доступного для критики и возражений», «методолога и теоретика современного типа», «творческого ученого», «человека, принимающего знание от других», «лидера в совместной постановке проблемы» и т. д. Придерживаясь и варьируя способы самовыражения в соответствии с

динамикой ситуации, личность управляет текущим жизненным событием и не дает ускользнуть заданному смыслу «я».

Форма V. В самовыражении и последующем самоосмыслении я - субъект относительно сливается с я - объектом, обновляя, расширяя, обобщая и завершая его содержание. Однако, завершение «я» лишь кратковременно и служит тому, чтобы рожденная активной жизнью мысль о я - в - себе дала новые направления личной активности и **динамической рефлексии**, движущейся от обобщенного «я», к ситуативному «я» и к новому обобщению «я». В такой рефлексии акценты попеременно смещаются от «концепции я» к «жизни я», как, например, в континууме: что выйдет для меня из того, что я делаю сегодня - что будет следовать для меня из того, что буду делать завтра — что выйдет для меня из всей моей жизни? Динамическая рефлексия мимолетно приостанавливает, замедляет поток жизни, в ней — «область трезвения и тишины». (11). При этом она сама является жизненным движением, одушевляет жизнь, является «включенной» рефлексией действия и поступка.

Форма VI. Осознавая процессы жизни, ученый держит отчет перед собой, отвечая на внутренние вопросы, «какие действия и поступки я совершаю», «ради чего я так действую и поступаю», «что из необходимого есть или упущено в моих действиях», «какими способами мыслю, действую, поступаю», «каким я предстаю для близких», «чьи влияния на себе испытываю», «на кого влияю сам», «каким хочу быть», «каким реально являюсь», «что сделано, достигнуто мною» и т. д. Контекстом такого отчета является приобретенное «знание я»; способность к самоотчету определяется уровнем самоосмысления и самовыражения. Живая память на события творческого и этического самоопределения, стремление к жизненному обновлению образа «я» и к построению концепции жизненного пути могут привести ученого к философскому или литературному самопрояснению — **исповеди**.

«Жизнь я» и «я сам» могут отражаться здесь в изысканной метафорической и символической форме, доступной для сопереживания и понимания другого человека. Исповедь превращает в чувствуемое и зримое то, что в логическом самопознании было отвлеченным понятийным смыслом. Ей не нужно быть полностью высказанной другому человеку, поскольку она особенно ценна, когда мерцает из будущего отношений «я» с другим. Другой, к кому личность идет с исповедью, испытывает притягательность ее сложностей, поисков, ошибок, поражений и достижений. Здесь рождается глубокое взаимное признание; тяга возвращаться друг к другу в творческом, этически значимом общении, где не угасает я – для – другого.

Приведенные характеристики зрелых жизненных отношений составляют **структурное основание акмеологической типизации ученого**, которое, однако, не является выражением статичного «идеала». Напротив, модель акмеологического типа указывает на личность, отношения которой, взаимодействуя во всех своих конкретных формах, создают изменчивую и противоречивую картину сверхсложной жизни на «пике» самореализации. Особое значение приобретают **развивающие коллизии** в структуре отношений и **способы их самостоятельного разрешения** личностью. Данные факторы также включаются в рассматриваемый типологический интеграл.

Из числа возможных коллизий ученого выделяются онто - психологические противоречия, характерные для всех типологических отношений, заключающие потенциал развития личности и образованные ведущими условиями, необходимыми для полноценного становления отношений. Речь идет, в частности, об условиях научного труда в конкретном обществе, о деятельности личности в профессиональной сфере, об устойчивых качествах и свойствах личности, о концепции «я» личности, о социальных последствиях поступков и уровне профессиональных продуктов личности, об общественной оценке активности личности, о самооценке активности

личности, об общественном принятии творческих достижений личности, о знании личности о себе, ее самопознании и саморазвитии.

При структурировании коллизий, «ученый» обозначается как «субъект отношений» или «субъект», а для обозначения оппозиционных связей между различными условиями жизненных отношений вводится условный знак \rightleftarrows

Развивающие оппозиции в отношениях.

1. Условия деятельности научного сообщества, в которое включен субъект отношений.

2. Как действует, поступает, и чего достигает субъект в научном сообществе.

Оппозиция имеет развивающий характер, когда первое позитивно по качеству и несколько опережает в положительном развитии второе, а также, когда второе значительно опережает в развитии первое и способно определить его положительные изменения.

1. Как действует, поступает, и чего достигает субъект в научном сообществе.

2. Какие личностные свойства и качества присущи субъекту отношений.

Оппозиция имеет развивающий характер, когда первое опережает в положительной динамике второе, а второе заключает в себе потенциал позитивных изменений.

1. Одно личностное качество или свойство субъекта.

2. Другое личностное качество или свойство субъекта.

Оппозиция имеет развивающий характер, если одно несколько опережает по темпам положительного становления другое и способно поддержать его в развитии.

1. Какие личностные качества и свойства присущи субъекту отношений.

2. Что субъект думает и знает о себе что обобщает в я – концепции.

Оппозиция имеет развивающий характер, если первое и второе, в целом, имеют позитивный характер, соответствуют друг другу, и второе несколько опережает первое в темпах развитии.

1. Что представляет собой, как действует и что знает о себе субъект отношений.

2. Что создает, производит, на что воздействует и на кого влияет субъект отношений.

Оппозиция имеет развивающий характер, если второе по темпам развития опережает первое, а первое согласовано в самом себе и находит положительное выражение во втором.

1. Что создает, производит, на что воздействует и на кого влияет субъект.

2. Уровень общественных благ и ценностей, которые доступны субъекту.

Оппозиция имеет развивающий характер, когда первое значительнее второго по заключенной в нем силе положительного становления, но второе, в целом, соответствует, стимулирует первое.

1. Что создает, потребляет и осваивает субъект отношений.

2. Как осмысливает субъект свою продуктивность и уровень ее общественной оценки.

Оппозиция имеет развивающий характер, если второе объективно, реалистично и стремится больше соответствовать и стимулировать первое.

1 Что создает, как поступает, что знает о себе субъект отношений.

2. Как приняты в научном сообществе результаты деятельности, поступков, самопознания субъекта.

Оппозиция имеет развивающий характер, если второе позитивно и в целом соответствует первому, но первое опережает в положительном становлении второе.

1. Содержание я - концепции субъекта отношений.

2. Активность самопознания и саморазвития субъекта.

Оппозиция имеет развивающий характер, если первое и второе обладают конструктивным потенциалом и если второе в своем становлении несколько опережает первое.

Подчеркнем, что развивающий характер оппозиций и их положительное преодоление не являются единственно возможными в отношениях, стремящихся к зрелости. Каждый из противостоящих аспектов любого отношения имеет и позитивные, и негативные начала, причем последние могут быть достаточно сильны и при некоторых условиях способны искажать линию личностного роста субъекта. При типизации ученого – профессионала по акмеологическим критериям нужно учитывать и варианты прогрессивной динамики коллизий в отношениях, и вероятность их регрессивной динамики.

В частности, любая из оппозиций становится деструктивной, когда одна из сторон взаимодействия приобретает негативные начала, противостоящие позитивным началам другой стороны, которая оказывается не в состоянии удержать отрицательную связь с первой. Или обе стороны оппозиции перестают питать друг друга новым содержанием и длительное время тормозят развитие друг друга. Или обе стороны приобретают негативный характер и во взаимном влиянии постепенно исключают положительный потенциал друг друга.

Например, профессор К. был всегда доброжелателен, требователен и внимателен к молодым коллегам, которых справедливо считал своими единомышленниками и последователями. Но в определенный момент он начинает ощущать их сомнения и колебания, связанные с желанием свободного выбора пути; в их поиске он видит угрозу научному направлению, которое для него незыблемо и неоспоримо. И с этого времени он начинает проявлять жесткость и нетерпимость в профессиональном общении с ними. Их обида и недовольство возвращаются к нему в форме незавершенных общих дел и его собственных неудач. Справедливость, ответственность, разумная требовательность профессора размываются раздражением и недовольством теми, кем он раньше дорожил и на кого надеялся.

Или ученому М. в процессе профессиональной жизни удалось согласовать свой научный поиск в области информационных технологий, свои технократические способы объяснения сущности человека и свои прагматические действия и поступки в отношениях с конкретными людьми. Определенный период времени научное сообщество и научная организация, где работает ученый, принимают его модели мышления и поведения. В общем, он склонен к честной игре, хорошо знает и блестяще ведет свое дело, а люди получают от него необходимый минимум внимания и находят в его лице человека, способного оказать помощь и дать другому объективную оценку. Но вот в обществе происходят перемены, стимулирующие интерес людей к личному началу и индивидуальности друг друга, а в коллективах профессионалов все больше начинают цениться персональные способности и творческие вклады каждого сотрудника. Однако ученый как бы не замечает, не старается осмыслить эти перемены. В его миропонимании и действиях по отношению к другим не появляются гибкие, психологические оттенки; его социальная позиция не становится более человеческой.

Коллизии, релевантные развитию типологических отношений, могут преодолеваются с различными «исходами», имеющими позитивные или

негативные последствия для личности. Разновидность исхода существенно зависит от способа преодоления. Способ может быть таким, что развивающее в своем начале противоречие завершается деструктивным для личности результатом.

У способов преодоления интеллектуально – творческих, этических и рефлексивных оппозиций обнаруживаются различные источники. Или личность принимает способы, заданные извне, со стороны других людей и сложившихся обстоятельств. Здесь исход может быть представлен личности таким образом: «пришло время моим проблемам разрешиться»; «так произошло, что мои проблемы разрешились».

Или личности открываются пути преодоления коллизий, заданные внутренней, неосознаваемой динамикой жизненных отношений. Здесь она тоже «не выбирает», а исход оппозиции может выступить в форме: «что-то произошло в душе, и проблемы разрешились».

Или субъект в динамике самопознания, самоосмысления, самовыражения самостоятельно избирает путь преодоления оппозиций, то есть применяет «я - способ». Здесь мысленно соотносятся причины и характер оппозиции, осознается ее происхождение и процесс ее формирования, решается вопрос, какой исход особенно близок «я» и задачам личностного роста, совершается активная разрешающая деятельность. Выход из противоречия может быть представлен формулой «я сам разрешаю свои проблемы».

В осуществлении способов первого и второго типов личность пассивна, зависима или привлекательна своей спонтанностью. Преодоление оппозиции может явиться ей как внезапно наступившее событие, как нечто, неожиданно случившееся с ней, как наитие и озарение. В осуществлении способов третьего типа она активна, деятельна, рефлексивна, что особенно важно для акмеологического типа личности. И хотя иногда последствия применения «я - способа» могут иметь непредвиденный или негативный характер, личность может свободно включиться в поиск нового, более эффективного способа.

Я - способы преодоления оппозиций в отношениях.

1. Развивающая активность. Иницируемые личностью конструктивные изменения «я». Активное приближение отстающей в развитии стороны оппозиции к энергично развивающейся стороне. Возможные пути сближения сторон: а) реальное улучшение условий своей деятельности в профессиональном сообществе и трудовом коллективе; б) повышение ценностного уровня своих поступков и действий; в) мысленное построение новых моделей своих жизненных действий; г) наращивание массива авторских трудов, вкладов, влияний; д) развивающие изменения в концепции «я»; е) формирование позитивного отношения коллег к результатам своей деятельности.

Данный способ осуществляется в актах принятия решения об активности, в ее последовательной реализации, в достижении развивающего результата. Активность может быть длительной и замедленной или быстрой и энергичной, может состоять в надежной, предсказуемой деятельности или рискованном действии с оригинальным результатом.

2. Развивающее погружение. Рефлексивная «остановка жизни», когда личность переводит оппозицию в идеальный план, активно вспоминает и мысленно проигрывает свой путь, приведший к коллизии. Разрешение происходит внутри личности, посредством понимания проблемы, ответственного оправдания себя или разумной самокритики, повышения требований к себе, роста уровня самоуважения и т.д. Рефлексивное разрешение не всегда является окончательным. Оппозиция может возникнуть вновь, но уже в других внутренних условиях, как свойственная личности, сознающей себя глубже, владеющей рефлексивным отношением к себе, готовой больше, чем раньше, к активному, преобразующему разрешению

3. Пассивная рефлексия. Осознание и понимание своей оппозиции, а затем остановка на абстрактном размышлении и рассуждении о ней. Смысл рефлексивного «застревания» в том, чтобы, объяснив коллизию, выговорить себе внутреннее право ничего с собой не делать, отношения к себе не менять, дожидаясь момента, благоприятного для разрешения противоречия. Происходит постепенное снижение внутренней значимости оппозиции.

Рефлексируя, личность «меняется, не изменяя себя». Отступление от активного разрешения может породить новые коллизии. В них она оказывается уже с инерцией неделания.

4. Уход. 1) Личность понимает суть противоречия, но ответственность за его разрешение возлагает на кого-то, причастного к ее жизни. Свою проблему она осознанно поручает другим.

2) Зная коллизию и затрудняясь в ее рациональном разрешении, личность прибегает к случайному действию или спонтанному поступку, с тем чтобы «изменить свою ситуацию». Действительно, изменения происходят, кажется, оппозиция преодолена, хотя на самом деле она лишь несколько меняет свой характер.

3) Личность осознает, что многие оппозиции сплелись в травмирующий узел, усиливают друг друга. Она не надеется на их преодоление в существующих условиях и кардинально меняет обстановку, ситуацию, образ жизни. Прежние коллизии теряют свою актуальность, утрачивают жизненные корни. Впоследствии некоторые оппозиции могут возвратиться, но, возможно, в более благоприятном для личности контексте.

4) Осознанная оппозиция кажется личности трудно преодолимой. Она старается отсрочить ответственное решение, не думая о коллизии и снижая уровень своей обычной деятельности. Какое-то время удается удерживаться «вне проблемы», однако коллизия прорывается в жизнь с новой силой

5. Самоотчуждение. Способ, применяемый личностью, когда противоречия многочисленны, пронизывают ее ведущие отношения и отрефлексированы как сверхсложные проблемы. Устав от конфликтного состояния отношений, личность поступается их ценностью. Происходит субъективный отказ от достигнутого, созданного и переданного другим людям под предлогом, что это не стоит потраченных усилий, переживаемых страданий, испытанных разочарований. В результатах своей деятельности личность находит причины жизненных осложнений.

6. Самоактуализация. При усилении коллизий личность идет на интенсивное самовыражение, широкую репрезентацию и обнаружение перед другими всего лучшего, что удалось создать, совершить, достигнуть. На

более высоком уровне «я» актуализирует свои способности и отношения, задавая себе новые координаты жизни. Это обретение ученым высокого достоинства, дающего силы для согласованного разрешения проблем.

Ученый, обладающий положительной динамикой интеллектуально - творческого, этического и рефлексивного отношений, может обращаться ко многим из приведенных способов. Одни из них способов носят выраженный акмеологический характер, другие приобретают его в практике работы личности с собой. Развивающие способы могут применяться личностью и при деструктивных коллизиях в типологических отношениях.

У ученого, активного в саморазвитии, есть обширный выбор, каким путем преодолевать свои коллизии. Разнообразие производимых выборов может определить неровный, колеблющийся процесс личностного становления. Преобладание эффективных выборов усиливает потенциал самоопределения личности,

Так, ученый N.. долгие годы убежденно работал над проблемой, потерявшей в представлениях современного научного сообщества свою ценность и актуальность. Он должен принять важнейшее для себя решение: как относиться к своей прошлой деятельности, в каком направлении дальше вести поиск и вести ли его вообще. Он может все объяснить спецификой времени и поставить цель «поместить старое в новый контекст», может прибегнуть к настойчивому обоснованию значительности своих достижений, может постепенно «отойти от дел», упорствуя в своих убеждениях, или, использовать опыт своей мысли в новых исследованиях. Наконец, у него есть возможность предпринять попытку сменить профессиональную среду или род своих занятий. Решение, принятое и реализованное ученым, - это избранное направление индивидуального становления и заданный себе тип развития.

Акмеологический интеграл отношений, адресованный тем, кто видит свою задачу в изменении существующих канонов и целей познания, осознает важность сохранения этического богатства человеческих отношений и

превращения самопознания в искусство, может завершить континуум культурно - психологических моделей личности.

В заключение подчеркнем, что развитие психологии личности в культурном направлении - это творческий синтез порожденных культурой личностных свойств и понимание их как культурного потенциала жизненного становления современного человека, Это создание новых моделей индивидуальности и типов личности, раскрытие перед исследователями и практиками обширных возможностей психологических новаций в области «личность и культура».

Культурный процесс, совершающийся на личностном уровне, означает проникновение культурных форм и ценностей во внутренний мир личности, переход культурной деятельности в индивидуальное производство культуры, передачу культурного опыта на путях творческих взаимовлияний личностей, самоформирование индивидуальности по культурно – психологическим критериям.

Европейская культура активно познает себя в личностном измерении. Здесь встречаются рефлексия индивидуальных творцов культуры, научное познание личности и личностные символы искусства с их мощной силой жизненного воплощения. Динамика культуры тысячелетия стремится «проявить» образ личности, вмещающей в себя важнейшие итоги культурного развития человека. Психология должна занять в этом процессе достойное место.

Бытие культуры создается жизнью личности, восходящей к Культуре.

Литература

1. Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика. 1992.
2. Абульханова – Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль. 1991.
3. Августин А. Исповедь. М.: Ренессанс. 1990.
4. Аверицев С.С. Плутарх и античная биография. – М.: Наука. 1973.
5. Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI. 2000.
6. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд-во АН СССР. 1959.
7. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem. 1999.
8. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ. 2000.
9. Батлер Д. Гендерное беспокойство – Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI. 2000. С. 297 – 346.
10. Бауэр В. и др. Энциклопедия символов. М.: КРОН – ПРЕСС. 1995.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986.
12. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика. 1993.

13. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мысль. 1990.
14. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1989.
15. Бодрийяр Ж.. «Соблазн» М.: Ad Marginem. 2001.
16. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика. 1995.
17. Бунин И. А. «Жизнь Арсеньева» - СПб.: Азбука – классика. 2004.
18. Вейнингер О. Пол и характер. М.: ТЕРРА. 1992.
19. Вовенарг. Размышления и максимы. Л.: Наука. 1988.
20. Гете И.-В. Из моей жизни. Поэзия и правда. С.С. в 10 т. Т. 3. М.: Худ. лит. 1976.
21. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. - Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист. 1995 С. 297 – 330.
22. Джойс Д. Улисс. М.: Республика. 1993.
23. Достоевский Ф.М. Подросток. ПСС, Т.13. М.: Худ. лит. 1975.
24. Кассирер Э. Индивид и космос. Избранное М. – СПб.: Университетская книга. 2000.
25. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL – book/. 1994.
26. Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист. 1995.
27. Лазурский А. Ф. Франк С. Л. Программа исследования личности в ее отношении к среде. – Ежегодник экспериментальной психологии. СПб. 1912. С. 1 – 40.
28. Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары. Кн. 5. М.: Логос. 2002.
29. Лихачев Д. С. О филологии. М.: Наука. 1989.
30. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. (Под. ред. А. А. Белика) М.: Смысл. 2001.
31. Лосев А.Ф. Философия, Мифология, Культура. М.: Изд-во полит. лит. 1991.
32. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь. 2002.

33. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М. : Рефл. – бук. 1998.
34. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука. 2000
35. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: Наука. 1996.
36. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: РХГИ. 1997.
37. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. – Римские стоики. М.: Республика. 1995. С. 271 – 363.
38. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия. 1999.
39. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл – бук. 1997.
40. Менегетти А. Проект «Человек». М.: ННБФ «Онтопсихология». 2001
41. Монтень М. Опыты. М.: Наука. 1981.
42. Московичи С. Век толп. М.: ЦПП. 1996.
43. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика. 1999.
44. Набоков В. Другие берега. М.: Книжная палата. 1988.
45. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл. – бук. 1998.
46. Питерс Т. Представьте себе! Превосходство в бизнесе в эпоху разрушений. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт – Петерб. 2004.
47. Платон. Пир. – Собр. соч. в 4 томах. М.: Мысль. 1993.
48. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2-х томах. Т.1. Л –д: Наука. 1960.
49. Проблема человека в западной философии. Сб. трудов. М.: Прогресс. 1988.
50. Психоанализ и культура. Избр. труды К. Хорни и Э. Фромма. М.: Юрист. 1995.
51. Психоанализ и этика. М.: Дайджест. 1993.
52. Психология и культура. (Под ред. Д. Мацумото) СПб.: Питер. 2003.
53. Пушкин А. С. Моцарт и Сальери. Петербург: Издан. Общины Св. Евгении. 1917.

54. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль». 2002.
55. Рубинштейн С. Л. Избранные философско – психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука. 1997.
56. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Просвещение. 1973.
57. Русский эрос или философия любви в России» М.: Прогресс. 1991.
58. Самосознание европейской культуры. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Наука. 1991.
59. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 2002.
60. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ. 2001.
61. Старовойтенко Е.Б. Введение в гуманитарную психологию. Киев, 1996.
62. Старовойтенко Е. Б. Проблема субъекта в культурной психологии личности. – Человек. Субъект. Поступок. (Под ред. В. А. Татенко) К.: Лыбидь. 2006. С. 230 – 257.
63. Старовойтенко Е. Б. Психология личности (В парадигме жизненных отношений) М.: Академ. проект. 2004.
64. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М.: Академ. проект. 2001.
65. Старовойтенко О. О. Личностные предпосылки культурного влияния на «другого». – Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Киев. 2004.
66. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН – ПРЕСС. 1995.
67. Техники консультирования и психотерапии. (Под ред. У. С. Сахакиан) М.: ЭКСМО – Пресс. 2000.
68. Уайт Л. Избранное: Науки о культуре. М.: Российск. полит. энциклоп. 2001.
69. Феофраст. Характеры. Л –д: Наука. 1974.

70. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб.: Наука. 1995.
71. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение. 1989.
72. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика. 1995.
73. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. 1992.
74. Фромм Э. Здоровое общество. – Психоанализ и культура. М.: Юрист. 1995. С. 273 – 596.
75. Фромм Э. Человек для самого себя. – Психоанализ и этика. М.: Дайджест. 1993.
76. Фуко М. Забота о себе. Киев: Дух и литера. М.: Рефл. – бук. 1998.
77. Холл М.-П. Энциклопедическое изложение герметической, символической философии. М. 1997.
78. Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе.. СПб: Питер.. 2002.
79. Шекспир У. Гамлет - Полн. собр. соч. в 8 томах. Т. 6. М.: Искусство. 1960.
80. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
81. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М.: Мысль. 1993. .
82. Экзегетика снов. Европейские хроники сновидений. М.: Эксмо.. 2002.
83. Эко Умберто. Имя розы. СПб.: Симпозиум. 2002.
84. Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказках. К.: София. М.: Гелиос.. 2001.
85. Юнг К.Г. АИОН. М.: Рефл. – бук.. 1997.
86. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. 1991.
87. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Гос. библи. Украины для юнош – ва. 1996.
88. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс. 1993.
89. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, М.: Прогресс. 1995.
90. Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук. 1997.

91. Юрсенар Маргерит Избранные сочинения в 3 –х томах. Т.2. СПб.: Изд – во Ивана Лимбаха. 2004.
92. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
93. Bromley D. B. The case-study method in psychology and related disciplines. – Chichester: John Wiley & Sons. 1986.
94. Cultural Theory: Essays on Mind, Self and Emotion / Eds. Shweder R., Levine R. – Cambridge: Cambridge University Press. 1984.
95. McAdams P. Biography, Narratives, and Lives: An Introduction, Psychobiography and Lives Narratives // Journal of Personality. 1988. – Vol. 56 (1)
96. Miles M. B., Huberman, A. M. Qualitative data analysis. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications.. 1994.
97. Spiro M. Culture and human nature // The Making of Psychological anthropology. – Berkeley: University of California Press. 1978.
98. Webster's New Collegiate Dictionary. – Springfield, Massachusetts: G&C Merrriam Company. 2003.

